

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1896.

№ 21.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово Преосвященнаго Петра, Епископа Сумскаго, въ недѣлю двадцать первую по Пятидесятницѣ	525—530
Слово на день восшествія на престоль Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. Прот. Ник. Омишевца.	531—537
Обличительная рѣчь Господа Нашега Ісуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ (окончаніе). Свящ. Григорія Мозолева	538—567
Сибирская Церковь до XVIII вѣка (продолженіе). П. Овчинникова.	568—590
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Мышленіе и познаніе (окончаніе). Профессора Кіевской Духовной Академіи П. Липуцаго	459—486
Разборъ возраженій Джона Стюарта Милля противъ теизма (продолженіе). М. Лебедева	487—508
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи.— Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября настоящаго года.—Епархіальныя пзвѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія липы, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзниккина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ВѢРА и РАЗУМЪ
въ 1897 году.

Издание богооологовско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1897 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержания до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892, 1893 и 1894 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брепано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Временно-исправл. должность цензора
Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Петра, Епископа Сумскаго, въ недѣлю двадцать первую по Пятидесятницѣ ¹⁾).

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ приметъ вѣнецъ жизни (Іак. 1, 12).

Проходящимъ въ сей Святой Обители житіе иноческое и готовящимся, по надлежащемъ искусѣ, вступить на поприще такового, предлагается въ назиданіе и ободреніе на подлежащія духовныя подвиги утѣшительный завѣтъ Апостольскій о пути къ блаженству чрезъ искушенія: *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ приметъ вѣнецъ жизни.*

Нѣкогда путь блаженства былъ пространенъ, какъ широта страны Едемской, и отъ своего начала до конца пролегалъ черезъ рай сладости (Быт. 2, 15), который заповѣдано было человѣку *дѣлати и хранити*. Но преступленіе Адамово, коимъ, по Апостолу, мнози умроша (Рим. 5, 15), и во вся чловѣки вниде осужденіе (ст. 18), лишивъ нашего праотца рая сладости, вмѣстѣ съ сѣмъ заградило не только ему, а и всему чловѣчеству самый путь къ блаженству. *Изрине Господь Богъ Адама, и всели его прямо рая сладости: и пристави херувима, и пламенное оружіе обращаемое, хранити путь древа жизни* (Быт. 3, 24). Первый чловѣкъ, преслушавъ заповѣдь Божию, обреченъ былъ *дѣлати землю, отъ*

¹⁾ Произнесено въ Соборномъ Успенскомъ храмѣ Святогорской Общежительной Пустыни, 6 октября 1896 года.

неяже *взятъ бысть* (ст. 23), самая земля была *проклята въ дѣлѣхъ* его и имѣла *возрастити ему тернія и волчцы* (ст. 17 и 18). Пространная страна Едемская заключилась предъ нарушителями воли Божіей. Напрасно люди собственными усилями и измышленіями старались вновь создавать себѣ пространные пути блаженства, не замѣчая, что *растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 12), и въ своемъ ослѣпленіи не сомнѣваясь въ возможности *достигнуть даже до небесе и сотворить себѣ имя* (Быт. 11, 4). Самая широта такихъ путей, теперь уже неестественная, сдѣлалась признакомъ того, что они ложны и приводятъ на *широкій путь вводяи въ пагубу* (Матѹ. 7, 13).

Такъ какъ пространный путь все болѣе и болѣе становился привлекательнымъ для странниковъ, *помышлявшихъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злая во вся дни* (Быт. 6, 5), а истинный путь жизни, какъ сокровенный и даже непроходимый, заустѣвалъ, то наконецъ чудесно явился на землѣ Тотъ, Который *есть путь и истина и животъ* (Іоан. 14, 6). Онъ указалъ намъ *тѣсный путь, вводящій въ животъ* (Матѹ. 7, 14), и Самъ прошелъ этимъ путемъ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ его* (1 Петр. 2, 21).

Есть различныя стези и части одного всеобщаго пути къ блаженству, но все онѣ сохраняютъ признакъ тѣснаго пути и требуютъ подвига отъ слѣдующихъ по нему. Пролегаеть этотъ путь иногда чрезъ воды слезъ: *блажени плачущіе* (Матѹ. 5, 4), иногда чрезъ пустыню, гдѣ предстоитъ потерять все, чѣмъ когда либо думали мы обладать: *блажени нищии духомъ* (Матѹ. 5, 3); далѣе чрезъ дебри уничиженія: *блажени изгнани правды ради* (Матѹ. 5, 10), *блажени будете, егда возненавидятъ васъ челоувѣцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына челоувѣческаго ради* (Лук. 6, 22). Необходимо всегда съ усиленіемъ излагать преграды и восходить на высоту совершенства: *царствіе небесное нудится* (Матѹ. 11, 22), иногда по преданности вѣры подвергаться смертной опасности, чтобы окрѣпить въ спасительномъ упованіи на Бога: *иже поубитъ душу свою,*

изрекъ Господь, *Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Мр. 8, 35). То, что помогаетъ въ обычныхъ путяхъ житейскихъ, часто препятствуетъ на пути духа, и колесницы міра устроятся не по размѣрамъ узкихъ вратъ, вводящихъ въ животъ: такъ неудобъ уповающимъ на богатство въ царствіе Божіе вникти (Мр. 10, 24). Господь Спаситель требуетъ отъ насъ нѣкотораго разлученія съ ближними: *придохъ, говоритъ Онъ, разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнимъ его. Иже любитъ отца или мать паче Мене, несть Мене достоинъ: и иже любитъ сына, или дочь, паче Мене, несть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 35—37). Чтобы наследовать царство всеобъемлющей любви Божіей, должно пребывать одинокимъ по сердцу: *единъ есмь азъ, дондеже преиду* (Ис. 140, 10).

Многіе на сіе вѣроятно скажутъ, какъ говорили и ранѣе: *кто убо можетъ спасенъ быти* (Матѳ. 19, 25)? И въ настоящее время, какъ прежде, отвѣтствуетъ Божественный Настыреначальникъ: *у человекъ сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна* (Матѳ. 19, 26). Если сами и самонадѣянно начнемъ содѣловать спасеніе свое, то несомнѣнно будемъ посрамлены отъ врага; если же, въ смиренномъ сознаніи своего безспія, воззовемъ ко Господу гласомъ учениковъ Его: *спаси ны, погибамъ* (Матѳ. 8, 25), то по истинѣ оправдятся надъ нами Его ободряющіе глаголы: *невозможная у человекъ, возможна суть у Бога* (Лук. 18, 27). Мы не довольны есмь отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но *довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5); иногда *работамъ умомъ закону Божію, плотію закону грѣховному* (Рим. 7, 25). Богъ, зная лучше насъ, чего мы требуемъ, часто ведетъ насъ, куда не знаемъ; желая намъ блага болѣе, нежели мы сами себѣ, Онъ нерѣдко творитъ съ нами, чего не желаемъ. *Храняи младенцы Господь* (Ис. 114, 5) *заповѣсть Ангеломъ Своимъ, да на рукахъ возмутъ ихъ* (Ис. 90, 11—12). Усматриваетъ Онъ враговъ нашихъ, сильныхъ и ненавидящихъ насъ, утверждающихся паче насъ, *предваряетъ насъ въ день озлобленія и изводитъ на ши-*

роту (Пс. 17; 18—20). Когда же видитъ насъ способными вступитъ на поприще духовныхъ подвиговъ, тогда *его же любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына его же приемлетъ* (Евр. 12, 6); тогда крестъ и искушеніе предлагаются намъ чаще, какъ *твердая пища совершенныхъ* (Евр. 5, 14).

«Длятся наши искушенія», поучаетъ одинъ великій подвижникъ, ¹⁾ „не безъ пользы для насъ и въ томъ преимущественно отношеніи, что сіе даетъ случай проявиться искуснѣйшимъ въ вѣрѣ. Такъ и Апостоль говоритъ: *благоволю въ немощехъ, въ досажденіяхъ, въ бѣдахъ, во изгнаніяхъ, въ тѣснотахъ по Христу: егда бо немоществую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10). Оставимъ же праздные вопросы: доколѣ и для чего терпѣть намъ? Возложимъ все упованіе на Бога, Который знаетъ, какъ благотворно устроить длительность тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Послушаемъ, что говоритъ Писаніе: *Богъ искушаше Авраама* (Быт. 22, 1). Скажутъ: искушалъ, но немного? Нѣтъ, напротивъ: и въ продолженіе многихъ лѣтъ и многими искушеніями, и когда увидѣлъ, что онъ совершенъ сталъ въ вѣрѣ, тогда сказалъ ему: *нынь познахъ, яко боишия ты Бога, и не пощадилъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. 22, 12). Искушалъ Онъ и Іова еще большими искушеніями и когда увидѣлъ, что онъ совершенъ въ терпѣніи, сказалъ ему: *мниши ли Мя инако тебѣ соорши, развѣ да явишия правдивъ* (Іов. 40, 3)? Такимъ же образомъ и пророковъ и апостоловъ, блаженныхъ мучениковъ и всѣхъ пренедобныхъ и праведныхъ многими скорбями и въ продолженіе многихъ лѣтъ и пытывалъ, и засвидѣтельствовалъ о нихъ, и пріялъ ихъ. Намъ ли сѣтовать на продолжительность искушеній? *Не у до крове стояли мы противу грѣха подвижающагося* (Евр. 12, 4); еще не довольно горѣли мы въ огнѣ скорбей, не довольно показали опытовъ искренности вѣры нашей“ ²⁾.

Но Промыслу Божию, распорядяющемуся всѣмъ премудро и со всеблагою цѣлью, испытанія различными напастьми попускаются

¹⁾ Св. Феодоръ Студитъ.

²⁾ Добротолубіе, т. IV, стр. 571.

душамъ, чтобы обнаружилось явственно, которыя изъ нихъ искренно любятъ Бога. *Чадо*, — говоритъ ветхозавѣтный мудрецъ, *аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи* (Спр. 2, 1—2); и далѣе: *все елико аще нанесено ти будетъ, приими* (ст. 4), какъ благое, зная, что безъ Бога ничего не случается съ нами. И потому душѣ, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться терпѣніемъ и надеждою. Богъ никогда не допускаетъ искушеніямъ настолько отяготить душу, чтобы она, доведенная до крайности, пришла въ отчаяніе, ибо, по Апостолу, *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искутитися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возможи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). И діаволь озлобляетъ душу не столько, сколько хочетъ, но въ такой мѣрѣ, въ какой попускается Богомъ.

„Если людямъ не неизвѣстно“, пишетъ Преп. Макарій Великій, «какое бремя можетъ нести мулъ, какое верблюдъ и на основаніи этого знанія на то и другое животное возлагается соотвѣтствующая силѣ его ноша; если знаетъ скудельникъ, сколько времени должно держать въ печи глиняные сосуды, чтобы они, будучи передержаны, не растрескались, или, напротивъ того, будучи вынуты недостаточно обожженными, не оказались негодными къ употребленію; если человѣкъ одаренъ такимъ соображеніемъ, то не гораздо ли болѣе предусматриваетъ премудрость Божія, какое бремя искушеній должно возложить на душу, чтобы она, будучи испытана, содѣлалась способною улучшить царство небесное. Испушенія и скорби, по словамъ того же Аввы, посылаются человѣку къ пользѣ его; онѣ доставляютъ душѣ опытность и крѣпость». Мы проводимся *сквозь огонь и воду*, да будемъ бѣлы, какъ снѣгъ, и чисты, какъ золото, *да искушеніе нашея вѣры многочестнѣйше злати гнбуща, огнемъ же искушена, обряцется въ похвалу и честь и славу, во откровеніи Исусъ Христовъ* (1 Петр. 1, 7). *Отнимите искушенія, и не будетъ спасаемыхъ*, сказалъ одинъ изъ тѣхъ ¹⁾, кого искушеніе сдѣлало искуснымъ.

¹⁾ Преп. Антоній Великій.

Поревнуемъ же, братіе, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, тѣмъ истиннымъ рабамъ Божиимъ, которые безропотно и благодушно проходили узкій и скорбный путь искушеній; ободримъ себя примѣромъ Царепророка Псалмопѣвца, просившаго у Бога дара быть искушаему: *искуси мя Боже и увѣждь сердце мое* (Пс. 138, 23), последуемъ совѣту и увѣщанію Апостола: *всяку радость имайте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна* (Іак. 1, 2). Воистину благопотребно и необходимо для насъ сіе наставленіе Апостольское, ибо ученіе о тѣсномъ пути, преподанное въ Священномъ Писаніи, излагается и Святыми Отцами весьма сильно, глубоко, ясно и убѣдительно. „Если хочешь“,—говоритъ Преп. Маркъ Подвижникъ,—„въ немногихъ словахъ преподать душеспасительное наставленіе просящимъ и нуждающимся, то преподай молитву, правую вѣру и терпѣніе встрѣчающихся скорбей. Этими тремя видами добра пріобрѣтается все прочее“. Аминь.

С Л О В О

на день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Бога бойтеса, Царя чтите.
(I Петр. 11, 17).

Въ настоящій день, когда вѣрные сыны Россіи празднуютъ восшествіе на прародительскій престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, прилично намъ, бл. сл., размыслить объ этомъ наставленіи Апостола,—не потому, чтобы намъ, русскимъ, всегда благоговѣвшимъ предъ своими Царями, необходимо было напоминать объ исполненіи указываемой Апостоломъ обязанности, но для того, чтобы радость наша о Царѣ нашемъ усугубилась и нынѣшнее празднество сдѣлалось для насъ еще болѣе свѣтлымъ. Разсмотримъ же хотя важнѣйшія изъ причинъ, по которымъ мы должны чтить нашего Царя.

Господь—вседержитель, верховный Владыка и Правитель всего міра, благоволилъ вручить видимую власть надъ отдѣльными народами царямъ и владыкамъ земнымъ. Многочисленныя указанія слова Божія дѣлаютъ для насъ несомнѣнною эту истину. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: *Слушайте, цари, и уразумѣйте: отъ Господа дана вамъ держава и сила отъ Вышняго* (Прем. Солом. VI, 1, 3). *Мною цари царствуютъ и повелители узаконяютъ правду* (Притч. VIII, 15). *Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ* (Дан. IV, 22). *Онъ низлагаетъ царей и поставляетъ царей* (Дан. II, 21). *Нѣтъ власти не отъ Бога; существу-*

ющія же власти отъ Бога установлены (Римл. XIII, 1). Съ особенною ясностію изображается въ Священномъ Писаніи происхожденіе отъ Бога царской власти у народа Израильскаго. Богъ, благоволившій вначалѣ Самъ управлять этимъ народомъ, потомъ, въ потребныя времена, въ годины бѣдствій, поставлялъ ему правителей—Судей и, наконецъ, учредилъ у него царскую власть, благоволивши избрать и, чрезъ пророка Самуила, помазать Саула и потомъ Давида и установивши, чтобы и въ будущія времена цари поставлялись чрезъ помазаніе святымъ муромъ. Помазаніе это низводило на благочестивыхъ царей особенные дары Св. Духа. Такъ, о Саулѣ говорится, что послѣ помазанія *Богъ далъ ему иное сердце и сошелъ на него Духъ Божій* (1 Царств. X, 9—10); также и на Давидѣ *почивалъ Духъ Божій со дня помазанія и послѣ* (1 Цар. XVI, 13). Царямъ благочестивымъ Богъ обѣщаль особенное Свое покровительство. *Рука Моя, говорилъ Онъ о Давидѣ, пребудетъ съ нимъ и мышцы Моя укрѣпятъ его. И истина Моя и милость моя съ нимъ, и Моимъ именемъ возвысится рогъ его. Сокрушу предъ нимъ враговъ его и поразиу ненавидящихъ его. И Я сдѣлаю его первенцемъ превыше царей земли. Во вѣкъ сохранию ему милость Мою* (Псал. LXXXVIII, 22—29). Всѣ эти дары Св. Духа и всѣ эти милости Божіи изливаются и на благочестивыхъ царей новаго Израиля, Православной Россіи. Такъ вѣруетъ Православная Церковь; такъ свидѣтельствуеть исторія.—Итакъ, вотъ первая, и важнѣйшая, причина, на которой основывается почитаніе нами нашего Царя. Поставленный Самимъ Богомъ, исполненный благодати Св. Духа, участникъ, можно сказать, въ міроправленіи Божіемъ, Православный Русскій Царь есть исполнитель судебъ Божіихъ на землѣ, Божій слуга (Римл. XIII, 6), орудіе правды и милости Божіей по отношенію къ своимъ подданнымъ, а потому Лицо высочайшее и неприкосновенное. По этой причинѣ и Апостоль обязанность почитать Царя ставить въ связь съ обязанностію бояться Бога, такъ какъ непочтительность къ Царю, даже въ мысли, есть непочтеніе къ Богу, поставляющему царей, и неповиновеніе Царю есть противленіе волѣ Божіей (Римл. XIII, 2).

Далѣе, надъ Православнымъ Русскимъ Царемъ исполнилось

обѣтованіе Божіе Давиду—„сдѣлать его первенцемъ, превыше царей земли. Онъ есть владыка обширнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ всѣхъ царствъ земныхъ. Его воля непрекословно исполняется стомилліоннымъ народомъ русскимъ. На Него съ надеждою взираютъ и всѣ другія племена славянскія, какъ на своего защитника въ борьбѣ съ врагами славянства. Къ Его мнѣніямъ, къ каждому даже Его слову, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются всѣ народы Европы. Предъ Нимъ благоговѣютъ даже и полудикія племена въ другихъ частяхъ свѣта, такъ какъ и въ отдаленныя страны міра проникла слава могущественнаго Бѣлаго Царя. Союза съ Нимъ ищутъ сильнѣйшіе Государи, Онъ и въ прежнія времена неоднократно являлся рѣшителемъ судебъ Европы, хранителемъ мира и возстановителемъ правды во взаимныхъ отношеніяхъ ея царей, и въ настоящее время народы Европы охранены отъ бѣдствій войны и наслаждаются миромъ, можно сказать только потому, что этого желаетъ исполнитель на землѣ велѣній Бога мира и любви, православный Русскій Царь.—Вотъ и вторая причина, по которой мы всѣ съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ нашимъ Царемъ, радуемся о Немъ, о Его славѣ, съ восторгомъ слышимъ о знакахъ глубокаго уваженія, оказываемыхъ Ему другими Государями Европы и торжествуемъ при мысли, что Онъ нашъ Царь, а мы Его подданные.

Царская власть въ Россіи есть залогъ благосостоянія Русскаго Государства, обезпеченіе его независимости, могущества и славы, а слѣдовательно обезпеченіе мира, благосостоянія и счастья нашего. По изъясненію приснопамятнаго Филарета, митрополита московскаго, царская власть и въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, у избраннаго Богомъ народа еврейскаго, и у новаго Израиля, въ хранимой Богомъ Державѣ Русской, устроена Богомъ по образцу Своего верховнаго міроуправленія. „По образу Своего небеснаго единоначалія Богъ учредилъ на землѣ Царя; по образу Своего небеснаго вседержительства—устроилъ на землѣ Царя самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка, поставилъ на землѣ Царя наследственнаго“ (Слова и рѣчи. Часть III, стр. 252). Спасительность для Россіи такого именно устройства верховнаго управленія, безспорная уже по одному тому,

что оно есть образъ управленія небеснаго и учреждено Самимъ Богомъ, еще съ несомнѣнностію подтверждается и исторіею нашего Отечества.—Въ первые вѣка существованія Русскаго государства не было въ Россіи единаго, самодержавнаго и наслѣдственнаго Царя, а существовало многовластительство, извѣстное подъ именемъ Удѣльной системы. Слѣдствіемъ такого несовершеннаго образа правленія были постоянныя междоусобія князей, вызвавшія ослабленіе Россіи, которое сдѣлало ее легкою добычею разныхъ дикихъ народовъ, опустошавшихъ ея предѣлы, облегчило жаднымъ сосѣдямъ, полякамъ, литовцамъ и нѣмцамъ, захватъ многихъ русскихъ областей и, наконецъ, подвергло ее завоеванію дикими монголами и затѣмъ двухвѣковому татарскому игу. Всѣми этими бѣдствіями Россія выстрадала сознаніе необходимости единой сильной самодержавной и наслѣдственной Власти. По мѣрѣ того, какъ такая власть постепенно развивалась и утверждалась, Россія объединялась и крѣпла, а слѣдствіемъ этого было сверженіе монгольскаго ига, воссоединеніе потерянныхъ прежде русскихъ областей, покореніе многихъ иноплеменныхъ народовъ, большую часть которыхъ составляютъ потомки прежнихъ ея властителей, татаръ, приобрѣтеніе вѣса и значенія среди другихъ европейскихъ державъ,—однимъ словомъ: могущество, слава и благосостояніе Россіи. Чтобы и потомъ, послѣ утвержденія единодержавія и самодержавія, русскіе люди не забывали уроковъ древнихъ, чтобы больше дорожили самодержавною властію своихъ Царей, Господь иногда допускалъ временное прекращеніе въ Россіи царской власти. Тогда наступали величайшія бѣдствія, ставившія Россію на край гибели. Вспомнимъ печальное смутное время, наступившее по пресѣченіи Дома Рюрикова.—Итакъ, помня уроки прошлаго, дорожи, Россія, ввѣреннымъ тебѣ Господомъ драгоценнымъ залогомъ твоего могущества и благосостоянія,—богоучрежденною и богоподобною единодержавною и самодержавною царскою властію. Она дарована тебѣ Богомъ, какъ отличіе тебя, богохранимой и святой, отъ другихъ, неправославныхъ царствъ, какъ особенная къ тебѣ милость. Благоговѣй предъ твоимъ Царемъ, залогомъ и виновникомъ твоего благосостоянія. Стань вокругъ Него, защити грудью и охрани Его, когда потребуется, даже цѣною своей

жизни. Въ Царѣ твое спасеніе, сила и слава; въ Немъ твое счастье.

Какъ Царь православный, какъ первый сынъ церкви, Русскій царь есть щитъ и забрало православія. Въ своей Державѣ Русскіе Цари охраняютъ православныхъ отъ еретиковъ и раскольниковъ, защищаютъ своими законами всякую христіанскую святыню, заботятся о благолѣпіи святыхъ храмовъ и богослуженія въ нихъ, обезпечиваютъ безбѣдное существованіе служителей алтаря, поддерживаютъ заведенія, образующія просвѣщенныхъ пастырей церкви, даютъ средства для образованія народа въ духѣ православія; кромѣ того, Сами первые подаютъ своимъ поданнымъ примѣръ твердой вѣры въ Бога, полнѣйшаго упованія во всѣхъ своихъ дѣлахъ прежде всего на всемогущую помощь Божию, исполненія всѣхъ законовъ и обычаевъ церковныхъ. Внѣ своего царства Они всегда являлись и являются покровителями всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, на защиту которыхъ, вмѣстѣ со всею Россіею, часто поднимали свой мечъ во имя братской христіанской любви, жертвующей даже жизнью за други своя (Іоан. XV, 13), щедрыми благотворителями для всѣхъ православныхъ, бѣдствующихъ подъ иновѣрнымъ игомъ.—Благоговѣютъ, поэтому, предъ именемъ Православнаго царя всѣ наши единовѣрцы, живущіе внѣ предѣловъ Россіи. Тѣмъ болѣе должны благоговѣть предъ Нимъ мы, русскіе, если только намъ дорога наша вѣра, если священны для насъ процвѣтаніе, блескъ и слава Православной Церкви, если мы дорожимъ нашимъ вѣчнымъ спасеніемъ.

Есть, наконецъ, и еще одна причина, вызывающая въ каждомъ русскомъ сердцѣ глубокое благоговѣніе къ нашему Царю. Помня наставленіе Господа своимъ послѣдователямъ: *Иже аще хочетъ въ васъ ваящій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хочетъ въ васъ быти старшій, да будетъ встѣмъ рабъ. Ибо Сынъ чловѣчь не прииде, да послужитъ Ему, но да послужитъ, и дастъ душу Свою избавленіе за многи,*— (Марк. X, 43—45). Цари Русскіе всегда заботились и заботятся не о своемъ личномъ благоденствіи и спокойствіи, не о своей славѣ, не о своемъ влательствѣ надъ поданными, но, главнымъ образомъ, о благѣ этихъ поданныхъ. Въ непрерывныхъ трудахъ на пользу Россіи, при исполненіи необъятно

высокихъ, трудныхъ и многосложныхъ своихъ обязанностей, Цари Русскіе не жалѣютъ своего здоровья и силъ, не щадятъ и самой своей жизни. Кто изъ насъ не знаетъ о великомъ, неутомимомъ работникѣ на тронѣ Россіи, Императорѣ Петрѣ I-мъ? Кто не помнитъ знаменитыхъ Его словъ, сказанныхъ предъ Полтавскимъ боемъ: „А о Петрѣ знайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы благоденствовала Россія“? Кто не знаетъ о томъ, что многочисленные неустанные труды, тревоги и бессонныя ночи преждевременно истощили силы и этого исполнина? Кто не знаетъ, что и самая смерть приключилась Ему оттого, что Онъ бросился осенью въ холодную морскую воду, для спасенія погибавшихъ въ волнахъ? Кто не читалъ и о другомъ исполинѣ, Императорѣ Николаѣ I мъ, какъ Онъ трудился для Россіи по четырнадцать часовъ въ сутки, и отъ этихъ трудовъ и огорченій, причиненныхъ несчастіями, постигшими его царство, тоже преждевременно угасъ? Кто не помнитъ, какъ уже въ недавнее время въ слухъ всей Россіи врачи объявили, что преждевременная смерть Императора Александра III произошла оттого, что, за множествомъ трудовъ и заботъ, Онъ никогда не имѣлъ достаточно времени для сна? Да и кто изъ русскихъ царей достигъ маститой старости? Кто не угасалъ преждевременно, по большей части въ лѣтахъ среднихъ? И все, несомнѣнно, отъ одной и той же основной причины: оттого, что, по прекрасному выраженію знаменитаго церковнаго витіи, „вѣнецъ на главѣ Государя есть слава наша, но Его подвигъ, что скипетръ есть нашъ покой, но Его бдѣніе, что держава есть наша безопасность, но Его попеченіе, что порфира есть наше огражденіе, но Его ополченіе, что вся утварь царская есть наше утѣшеніе, а Государю бремя. (Рѣчь Платона, митрополита московскаго, при коронаціи Императора Александра I-го).—Неутомимо заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, Русскій Царь, какъ исполнитель на землѣ судебъ Бога правосуднаго, является постояннымъ и безпристрастнымъ источникомъ всякой правды, а какъ образъ Бога милосердаго—источникомъ всякой милости. Къ Нему, поэтому, обращаются взоры и сердца всѣхъ русскихъ людей, несправедливо притѣсняемыхъ и обиженныхъ; отъ Него ждутъ помощи всѣ несчастные; у Него ищутъ милости даже и преступ-

ники: потому что изъ безчисленныхъ примѣровъ всѣ убѣдились, что стоитъ только явиться предъ лицо Государя, стоитъ только даже письменно довести до свѣдѣнія Его свою нужду, чтобы немедленно получить справедливое и милостивое рѣшеніе.— Будемъ ли мы настолько неблагодарны, чтобы за всѣ труды, за самопожертвованіе, за неисчислимыя милости къ намъ нашего Государя не отвѣтить Ему чувствами глубочайшаго благоговѣнія и благодарности?

Сыны православной Россіи! Нынѣ благополучно царствующій Государь нашъ, еще бывши Наслѣдникомъ Престола, съ самыхъ раннихъ лѣтъ началъ труды свои на пользу Россіи. Для подготовленія къ Своему высокому служенію, Онъ совершилъ многотрудное кругосвѣтное путешествіе. Въ тяжелую годину, когда едва не половина Россіи страдала отъ послѣдствій неурожая, Онъ явился руководителемъ въ раздаяніи щедрыхъ пособій, пожертвованныхъ Его Родителемъ и собранныхъ отъ добрыхъ людей русскихъ людей, кормильцемъ голодающихъ. Онъ же поставленъ былъ главою комитета, учрежденнаго для построенія великой сибирской дороги. Принявъ затѣмъ отъ предковъ своихъ Престоль, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на Себѣ и всѣ высокія и многотрудныя обязанности, возложенныя Богомъ на русскихъ царей. Торжественно объявивъ въ слухъ своей Россіи, что Онъ во всемъ будетъ слѣдовать за вѣту своихъ Предковъ, а въ особенности своего пезабвеннаго Родителя, Государь нашъ во всемъ неуклонно исполняетъ это обѣщаніе и, не смотря на краткое свое царствованіе, заслужилъ отъ царелюбивыхъ русскихъ людей названіе Царя—Милостиваго.—Помолимся же Господу, да укрѣпитъ Его въ Его трудномъ служеніи и да продлитъ дни Его до послѣднихъ предѣловъ жизни человѣческой, для славы Россіи, для блага всѣхъ насъ, Его вѣрныхъ подданныхъ, для процвѣтанія всего православія, для пользы всего человѣчества.

Прот. Ник. Онниковичъ.

Обличительная рѣчь Господа Нашего Иисуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ.

Опытъ толкованія главы XXIII Евангелія отъ Маттея.

(Окончаніе *).

Ст. 34. *Посему, вотъ Я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ и книжниковъ, и вы иныхъ убьете, и распнете, и иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ.*

Данное мѣсто, повидимому совершенно простое и понятное, не мало однако затрудняетъ толкователей. Прежде всего—эта связка „посему—*διὰ τούτο*,—къ чему она относится и что съ чѣмъ соединяетъ“. Большинству толкователей она, послѣ предъидущаго, 33 стиха, кажется здѣсь совершенно неумѣстной и заставляетъ ихъ поэтому пускаться въ такія или иныя объясненія и предположенія. По мнѣнію однихъ „*διὰ τούτο*—посему“ относится не столько, какъ бы слѣдовало судя по роду этого союза, къ предыдущему, сколько къ послѣдующему; почему и вся рѣчь получаетъ такой видъ: „Я пошлю и поэтому вы убьете“¹⁾. По мнѣнію другихъ „*διὰ τούτο*“ связываетъ данный стихъ съ 30—31 стихами; основаніемъ для такого сужденія служитъ параллельное мѣсто у Ев. Луки (XI, 48—49), гдѣ дѣйствительно послѣдовательность мыслей такова²⁾. По мнѣнію третьихъ посредствомъ „*διὰ τούτο*“ 34 стихъ прямо и непосредственно связывается съ 32: „дополняйте мѣру отцовъ вашихъ,—посему

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г., № 16.

1) Meyer къ данному ст.

2) Olshausen—тоже.

вотъ Я пошлю и вы убьете“, при чемъ ст. 33 является уже чѣмъ то постороннимъ, нарушающимъ прямой и естественный ходъ мыслей въ ст. 32 и 34, что заставляетъ предполагать въ немъ позднѣйшую вставку ¹⁾. Однако, всѣ эти, довольно хитрыя, предположенія не такъ необходимы здѣсь, такъ какъ внутреннюю логическую связь между 33 и 34 стихами установить вполне возможно. Въ стихѣ 33 Христосъ опредѣлилъ внутреннюю сущность настроенія книжниковъ и фарисеевъ какъ людей, всецѣло стоящихъ подъ вліяніемъ діавола, какъ сыновъ геенны, какъ людей, постоянно стоящихъ въ оппозиціи ко всему добру. Въ слѣдующемъ стихѣ мысль Христа переносится на созерцаніе тѣхъ будущихъ событій въ исторіи Его Царства на землѣ, которыя вытекутъ и произойдутъ изъ такого настроенія книжниковъ и фарисеевъ. „Дополняйте же мѣру отцовъ вашихъ, вѣдь вы сыны діавола, дѣти геенны, обреченныя уже за ваши преступленія на вѣчное мученіе, вѣдь вы противники всякаго дѣла Божія на землѣ. Поэтому то вотъ Я пошлю“ и проч. Въ такомъ видѣ, ст. 33 пріобрѣтаетъ характеръ приложения къ подлежащему предыдущаго стиха, характеръ дѣйствительно вставки, но только не позднѣйшей и не случайной, нарушающей общее теченіе мыслей, но наоборотъ, поясняющей почему именно книжникамъ и фарисеямъ возможно дополнять мѣру преступленій своихъ отцовъ и такимъ образомъ органически связанной съ предыдущимъ и прямо ведущей къ послѣдующему. Книжники и фарисеи не могли бы дополнить мѣру преступленій своихъ отцевъ, если бы не были людьми испорченными, но такъ какъ это уже есть, то—дополняйте и убивайте. Правда стихъ 33 въ самой рѣчи по синтаксическому строю его и ближайшихъ стиховъ представляетъ собою не приложение, а какъ бы совершенно самостоятельную мысль, стоящую особнякомъ, но это объясняется просто особенностями живой, огненной, неудержимой рѣчи, въ которой очень часто второстепенныя мысли, подчиненныя другимъ, являются самостоятельными и гдѣ всегда можно найти массу всякихъ отступленій отъ строго классическаго строя рѣчи. Въ силу то этого и здѣсь, простое приложение является уже въ

¹⁾ Keil, Weiss. S. 498.

видѣ какъ-бы вставленнаго въ середину другихъ, связанныхъ между собою, мыслей негодующаго восклицанія.

Другое затрудненіе представляютъ собою слова: „вотъ Я посылаю“, впрочемъ не сами по себѣ, а со стороны согласованія ихъ съ параллельнымъ мѣстомъ у ев. Луки. По ев. Матеею Христосъ говоритъ здѣсь самъ отъ своего лица: „вотъ Я посылаю къ вамъ“. Ев. Лука передаетъ данное мѣсто нѣсколько иначе: „потому и премудрость Божія сказала: пошлю къ нимъ“ и проч. (XI, 49), рѣчь идетъ отъ третьяго лица; въ зависимости отъ чего уже вмѣсто „къ вамъ“ перваго евангелія здѣсь стоитъ „къ нимъ“. Какъ объяснить такое различіе? Нѣкоторые толкователи полагаютъ, что ев. Лука передаетъ слова Христа болѣе точно; что Христосъ, щадя народъ, передаетъ свои мысли подъ нѣкоторымъ покровомъ, который, однако, проницательныхъ не лишалъ возможности достигъ болѣе глубокаго знанія, а слабыхъ не отталкивалъ, такъ какъ не только послѣдователямъ Христа, но даже самимъ ученикамъ Его было очень трудно думать, что въ лицѣ Христа говорятъ Вѣчная Истина ¹⁾. Однако, на самомъ дѣлѣ едвали было такъ. Ни народъ, ни ученики, ни даже завѣдомые враги Христа, никто не думалъ утверждать, что Христосъ обыкновенный, простой человѣкъ, но всѣ ясно чувствовали, что Онъ является какъ власть имѣющій (Мѡ. VII, 29). Затѣмъ самъ Христосъ не находилъ нужнымъ говорить истину подъ какимъ нибудь покровомъ, даже тогда, когда она ясно соблазняла Его слушателей (Іоан. VI, 60. 61). Уже въ виду этого, невозможно такъ категорически утверждать, что Христосъ не могъ сказать: „Я посылаю“. Гораздо скорѣе должно утверждать, что Онъ могъ вполне такъ сказать, такъ какъ уже не разъ и дѣйствительно посылалъ своихъ учениковъ съ проповѣдію о наступленіи царства Божія. Несомнѣнно, большинство народа, слушавшаго обличительную рѣчь Христа, слышало эту проповѣдь посланныхъ Имъ учениковъ, а потому и возвѣщеніе о новомъ посольствѣ ихъ съ проповѣдью, нисколько не могло удивить народа. Вообще приводимое основаніе вовсе недостаточно для того, чтобы считать текстъ ев. Луки въ данномъ случаѣ первона-

¹⁾ Olshausen, s. 851. Bleck, s. 175.

чальнымъ. Если же признать болѣе древнимъ, близкимъ къ дѣйствительности текстъ ев. Луки, то тогда возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій, для устраненія которыхъ прибѣгаютъ къ болѣе или менѣе рискованнымъ гипотезамъ. Ев. Лука говоритъ: „Посему и премудрость Божія сказала“... Является вопросъ—гдѣ? когда? Если Христосъ говоритъ здѣсь не отъ Своего лица, а отъ третьяго, то ясно, что это цитация откуда нибудь или ссылка на какую-нибудь книгу св. Писанія, или что нибудь другое, но во всякомъ случаѣ такое, что хорошо было бы извѣстно слушателямъ. Въ книгахъ Ветхаго Завета такихъ словъ нѣтъ. Правда, защитники первоначальности текста ев. Луки указываютъ на II Паралипоменонъ XXIV, 19) ¹⁾, но достаточно прочесть это мѣсто, чтобы видѣть, что между нимъ и словами Господа сходство чрезвычайно отдаленное. Указываемое мѣсто II книги Паралипоменонъ читается такъ: „и Онъ (Господь) посылалъ къ нимъ пророковъ для обращенія ихъ къ Господу и они увѣщевали ихъ, но тѣ не слушали“. Натяжку здѣсь чувствуютъ и сами защитники даннаго мнѣнія, а потому приводя указанная слова изъ II Паралипоменонъ они ограничиваются только предположеніемъ о возможности того, что Христосъ имѣлъ въ виду именно это мѣсто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они выдвигаютъ и новую гипотезу, по которой въ данномъ мѣстѣ ев. Луки содержится цитата изъ затерянной книги, которая называлась „премудрость Божія“—*ἡ σοφία τοῦ Θεοῦ* ²⁾. Гипотеза столько же остроумна, сколько и смѣла, такъ какъ о существованіи предполагаемой книги едва ли кто когда нибудь и зналъ. Нужно не забывать и того, что потеря такой книги, если бы она была въ употребленіи у евреевъ послѣплѣнныхъ, совершенно немыслима въ виду той чрезвычайной ревности ихъ въ дѣлѣ сохраненія въ первоначальной чистотѣ и неповрежденности не только какихъ-нибудь отдѣльныхъ книгъ, но даже словъ, буквъ и малѣйшихъ ковычекъ въ св. Писаніи. Если цитруемая Христомъ книга читалась народомъ, современнымъ Христу, и, какъ видно по предполагаемому заглавію, была вполне рели-

1) Olshausen, S. 849 anmerk.

2) Paulus, S. 330.—Bleck, S. 175.

гіознаго характера, то предположеніе о потерѣ такой книги еще болѣе невысказано, чѣмъ о ея существованіи.

Такіе знатоки текста евангельскаго, какъ Meyer, Keil и др. признаютъ въ данномъ случаѣ первоначальность и древность за текстомъ ев. Маттея. Особенность же текста ев. Луки объясняется тѣмъ, что Христосъ очень часто говоритъ о Себѣ, какъ о какомъ то третьемъ Лицѣ, (сравн. на примѣръ Іоан. V, 19—29. IX, 35. Марк. X, 33—4. Мѡ. XXVI, 64 и др.). Часто обличая книжниковъ и фарисеевъ, Христосъ могъ въ какомъ-нибудь случаѣ, о которомъ помнилъ ев. Лука, и который онъ записалъ въ данномъ разѣ; привести одно изъ своихъ раннѣйшихъ изреченій, предваривъ его: посему и премудрость Божія сказала, представляя такимъ образомъ, по образу древнихъ пророковъ, Премудрость Божію какъ бы говорящею Его устами ¹⁾. О томъ-же напоминаетъ и это *ἰδοὺ ἐγὼ ἀποστέλλω* — вотъ я посылаю, равняющееся древне-пророческому выраженію, которое указываетъ на имѣющія совершиться событія (ср. Ис. III, 1. VII, 14. XVII, 1 и др.).

Итакъ, Христосъ говоритъ здѣсь о Самомъ себѣ, какъ истинный Мессія, какъ такой, „Который больше чѣмъ пророкъ, Который вдохновляетъ и посылаетъ пророковъ, что въ книгахъ Ветхаго Заветъ говорится объ одномъ Богѣ“ ²⁾. Въ данномъ случаѣ Христосъ разумѣетъ апостольскую проповѣдь, имѣющую наступить послѣ его вознесенія на небо и сошествія св. Духа.

... *Пророковъ мудрыхъ и книжниковъ*. Христосъ здѣсь не перечисляетъ тѣхъ духовныхъ дарованій, какія будутъ имѣть мѣсто въ Его церкви. Какъ видно изъ I Кор. XII, 8 и Еф. IV, II тѣ дары Духа Св. и въ зависимости отъ этого тѣ званія, какія имѣли мѣсто въ первенствующей церкви, были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ можно предположить, основываясь только на данномъ мѣстѣ. Христосъ говоритъ здѣсь о пророкахъ, мудрецахъ и книжникахъ примѣнительно къ народному пониманію, какъ о такихъ званіяхъ или родахъ служенія, которые всѣмъ извѣстны. *Пророки*—это вдохновляемые Св. Духомъ мужи, сущность дѣятельности которыхъ состояла въ томъ, чтобы жи-

¹⁾ См. Meyer, Comm. zu Ev. Luc. S. 424.

²⁾ Knabenbauer, p. 294.—Meyer, zu Math. S. 469.

вою, непосредственную проповѣдью и письменами будить въ еврейскомъ народѣ сознание его исключительнаго положенія, настаивать на необходимости быть вѣрнымъ союзу съ Иеговой и обличать все то, что не гармонировало съ этимъ союзомъ, а также и раскрывать будущія судьбы Царства Божія на землѣ. Въ первое время пророки были и въ Христіанской церкви (Дѣян. Ап. XV, 32. I Кор. XII, 28. Еф. IV, II), призваніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы учить христіанъ, „говорить людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе“ (I Кор. XIV, 3), а отчасти и въ раскрытіи будущаго (Дѣян. IV, 27. XXI, 10.).
Мудрые—*соφοі*—это переводъ еврейскаго слова *shachamim* отъ *shacham*—мудрый, знающій, свѣдущій, но чаще значитъ человѣкъ занимающійся мудростію, подъ которой разумѣется знаніе существа вещей, именно главнымъ образомъ знаніе религиозное и нравственное или житейская мудрость въ нравственномъ и практическомъ смыслѣ ¹⁾. Философы и врачи на востокѣ и до настоящаго времени носятъ это названіе ²⁾ Въ еврейской литературѣ подъ именемъ хахамимъ извѣстны ученые еврейскіе, тѣ же книжники, но только болѣе поздняго времени, въ отличіе отъ соферимъ—книжниковъ болѣе ранняго времени ³⁾.
Книжники—соферимъ, ученые еврейскіе, жившіе задолго раньше составленія Мишны и уже ставшіе для времени Мишны незыблемымъ авторитетомъ ⁴⁾. Такимъ образомъ этими тремя названіями—пророки, мудрые и книжники Христосъ обнялъ всѣхъ духовныхъ руководителей народа еврейскаго отъ древнѣйшихъ временъ до Его самага:—пророковъ, рядъ которыхъ, если не считать Іоанна Крестителя, закончился съ наступленіемъ послѣднѣшняго періода; затѣмъ, книжниковъ, соферимъ, дѣйствовавшихъ въ теченіи послѣднѣшняго періода, и наконецъ, хахамимъ, мудрыхъ, ученыхъ мужей еврейскихъ, современныхъ Христу. Всѣмъ имъ Христосъ противопоставляетъ рядъ новыхъ богопросвѣщенныхъ мужей, мудрыхъ и знающихъ истины откровенія Божія, мужей, которые будутъ продолжать дѣло Божіе

1) См. Слов. Gesenius'a.

2) Paulus S. 332.

3) Ibid.

4) Schürer, B. II, S. 256.

на землѣ и будутъ водимы тѣмъ-же Духомъ Божиимъ, что и убитые нѣкогда пророки.

Итакъ, вотъ Я пошлю, говоритъ Христосъ Іудеямъ, къ вамъ богопросвѣщенныхъ мужей, такихъ-же, какъ и древніе пророки, и вы, злыя дѣти злыхъ родителей, участвующія въ злодѣянiяхъ вашихъ отцевъ, смотрите, вы ихъ не только не слушаетесь и не примете, но окажете имъ, а въ лицѣ ихъ и самому Духу Святому, обычное свое противленіе и упорство, вы *иныхъ убьете и распнете*. Это общее указаніе на судьбу своихъ учениковъ и прежде всего апостоловъ, такъ какъ ихъ будутъ убивать. Подъ убійствомъ разумѣется всякій родъ казни, обезглавливаніе мечемъ, какую судьбу испыталъ Іаковъ апостоль, но больше всего—побіеніе камнями, этотъ любимѣйшій и самый употребительный среди Іудеевъ способъ смертной казни, состоявшій въ слѣдующемъ: преступника въ сопровожденіи свидѣтелей вели за городъ; первые камни должны были бросить именно свидѣтели (Лев. XXIV, 14. Числ. XI, 36. Дѣян. VII, 56 и др.). Побиваемаго камнями раздѣвали донага, оставляя нѣкоторую повязку по бедрамъ,—затѣмъ, по сообщенію Талмуда, его взводили на особаго рода подмостки, высотою около двухъ челоуѣкъ и оттуда первый свидѣтель сталкивалъ осужденнаго,—или пользовались для этого естественнымъ какимъ-нибудь возвышеніемъ (сравн. ев. Луки, IV, 29). Если упавши, казнимый не убивался сразу, то второй свидѣтель бралъ камень большой величины и бросалъ его въ то мѣсто груди казнимаго, гдѣ находится сердце. Если же осужденный все еще продолжалъ жить, тогда всѣ присутствующіе брались за камень ¹⁾). Впрочемъ, побіеніе камнями зачастую совершалось и проще: возмущенная чѣмъ-нибудь толпа схватывала камень и тутъ-же или выведши за городъ виновнаго расправлялась съ нимъ (сравн. Иоан. VIII, 59.—X, 31). Такой родъ казни понесъ, какъ извѣстно, первый христіанскій мученикъ, архидіаконъ Стефанъ, на которомъ первомъ сбылись слова Христа о гоненіи на Его учениковъ. Другихъ евреи будутъ *распнать*,—болѣе частное указаніе на тотъ родъ казни, какой будутъ предавать евреи уче-

¹⁾ *Richm.*—Winer art. Steinigung.

никовъ Христовыхъ. Распятіе не было національной казнью у евреевъ и до знакомства ихъ съ греками и римлянами они едва ли и знали его. Въ исторіи еврейскаго народа извѣстіе о примѣненіи этого рода казни относится къ очень позднему времени: въ первый разъ это было при царѣ Александрѣ Яннеѣ, который распялъ бунтовщиковъ ¹⁾. Послѣ-же того, какъ Палестина стала простой провинціей Римской имперіи и у синедріона было отнято право осуждать гражданъ на смерть, распятіе, повидимому, стало теперь единственной формой смертной казни, примѣняемой къ евреямъ, не гражданамъ Римской имперіи. Евреи судили по своимъ законамъ и когда находили достойнымъ смерти кого либо, то предавали его въ руки прокуратора, который могъ утвердить и могъ отмѣнить приговоръ синедріона, но во всякомъ случаѣ, когда нужно было казнить, всегда примѣняли свой національный способъ казни—распятіе. Что это именно было такъ, косвенное подтвержденіе тому можно усмотрѣть изъ обстоятельствъ распятія Господа: на допросѣ народъ кричалъ „распни, распни Его“; въ этомъ случаѣ народъ не указывалъ правителю на тотъ родъ казни, которой онъ долженъ былъ подвергнуть Христа, а просто только требовалъ смерти; а такъ какъ въ такихъ случаяхъ римлянами всегда примѣнялось распятіе, то народъ и кричалъ „распни Его“. Въ евангеліяхъ мы находимъ и довольно подробное описаніе самого способа распятія. Осужденнаго обыкновенно предварительно подвергали бичеванію, а затѣмъ вели къ мѣсту казни—обыкновенно къ какому-нибудь холму, внѣ города, но при дорогѣ. Осужденнаго или уже здѣсь ждалъ крестъ или, въ позднѣйшее время, онъ долженъ былъ, какъ Господь, нести его самъ для себя. Крестъ представлялъ собою или подобіе буквы Т, или буквы Х, или наконецъ, былъ похожъ на тотъ самый крестъ въ собственномъ смыслѣ, который мы видимъ въ нашемъ религіозномъ обиходѣ. По пути шедшіе глашатаи выкрикивали вѣщу осужденнаго. Крестъ обыкновенно не былъ особенно высокъ. Сверху прибавалась табличка съ надписью о винѣ. Осужденнаго обыкновенно поднимали на установленный уже крестъ, а не вмѣстѣ

¹⁾ Иос. Флав. Древн. XIII, 14. 2.

съ крестомъ, какъ иногда изображаютъ. Пригвождаемый какъ бы садился верхомъ на особаго рода выступъ въ крестѣ (Sedile). Затѣмъ его руки и ноги или были привязываемы (какъ въ Египтѣ) или приколачиваемы по кресту гвоздями (римская практика). Въ этомъ положеніи, съ неподвижно вытянутымъ тѣломъ, съ ранами, которыя скоро воспаляются, лишенные всякой одежды, раснятые, подвергаясь дѣйствию жары и вообще всѣмъ вліяніямъ атмосферы, претерпѣвая нестерпимую жажду, умирали медленною и мучительною смертію. У креста стояла обыкновенно стража, но до тѣхъ поръ, пока распятый не умиралъ, а затѣмъ тѣло его предоставлялось въ жертву хищнымъ птицамъ и звѣрямъ. Въ позднѣйшее время не отказывали просьбамъ родственниковъ, желавшихъ похоронить умершаго. Въ Палестинѣ, въ силу предписанія, чтобы тѣло не оставалось висѣть на ночь (Втор. XXI, 23), умершаго снимали со креста въ тотъ-же день ¹⁾.

Иныхъ-же, говоритъ Христосъ, будете быть въ синагогахъ вашихъ.

Обыкновенно въ каждомъ городѣ или даже болѣе или менѣе значительномъ селѣ существовали такъ называемые малые синедріоны, состоящіе изъ трехъ членовъ. Судилища эти представляли собою учрежденія гражданскаго характера, но такъ какъ членами ихъ состояли обыкновенно важнѣйшіе изъ книжниковъ, засѣдавшихъ обыкновенно въ то же время и въ мѣстныхъ синагогахъ, то естественно, что эти судилища стояли въ самой тѣсной связи съ синагогой (Мѡ. X, 17). Связь эта между прочимъ выражалась и въ томъ, что наложенныя малымъ синедріономъ наказанія приводились въ исполненіе въ синагогѣ, лицами изъ служебнаго персонала послѣдней, такъ называемыми хазанами. Тѣлесное наказаніе, между прочимъ, назначалось за особыя преступленія противъ нравственности и религіи. частнѣе, и за несогласное съ преданіемъ ученіе. Тѣлесное наказаніе имѣло два вида—били или палками, или бичами. Бичеваніе различалось тоже: было бичеваніе до смерти и бичеваніе, ограничивавшееся на основаніи предписанія за-

¹⁾ См. Richm, Viner, art. Kreuzigung.—Макковейскаго. Археологія страданій Христа.

кона (Втор. XXV, 3) только 39 ударами. Къ бичеванію перваго рода могъ приговорить только великій синедріонъ, ко второму всякій знаменитый раввинъ. Если кого уже два раза наказывали 39-ю ударами, то въ третій разъ могли предписать ему и удвоенное наказаніе. Самый процессъ бичеванія происходилъ такъ. Послѣ окончанія чтеній, среди синагоги, переполненной народомъ, спешившимся поглазѣть, осужденнаго оборачивали лицомъ въ уголь, обнажали тѣло до пояса и крестообразно привязывали руки къ колоннѣ. Затѣмъ подходилъ хазанъ—этотъ инспекторъ синагоги, какъ называетъ его Wünsche ¹⁾, становился сзади наказываемаго и начиналъ бичеваніе. Орудіемъ служила плеть, свитая изъ трехъ ремней, одинъ изъ которыхъ непременно долженъ былъ быть изъ телячей кожи, а два другіе—изъ ослиной ²⁾.—Учениковъ Христовыхъ будутъ хватать, судить и наказывать въ своихъ синагогахъ то плетьюми, то палками, что о себѣ самомъ и сообщаетъ дѣйствительно ап. Павелъ, говоря: „Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сорока ударовъ безъ одного; три раза меня били палками“ (II Кор. XI, 24, 25).

Вообще, книжники и фарисеи всячески будутъ преслѣдовать тѣхъ, кого пошлетъ Христосъ. Они будутъ брать ихъ подъ стражу, въ темницы; наравнѣ съ совершавшими тяжелыя преступленія, ихъ будутъ отдавать подъ судъ и подвергать позорнѣйшей и мучительнѣйшей казни—распятію, а также и всякимъ другимъ казнямъ и наказаніямъ. Если же какими-нибудь судьбами кто изъ посланниковъ Христовыхъ избѣжитъ ихъ рукъ, за такимъ они по слѣдамъ будутъ идти и *идти изъ города въ городъ*, чтобы вообще совершенно отрѣзать имъ всякую возможность проповѣдывать Царство Небесное. Мы дѣйствительно на дальнѣйшей исторіи христіанства видимъ, какъ поразительно точно исполнились слова Христа. Кн. Дѣянній Ап. сообщаетъ намъ, какъ Іудеи, преслѣдуя Ап. Павла, переходили изъ одного города въ другой по пятамъ апостола. Антиохійскіе и Иконійскіе Іудеи идутъ по стопамъ его въ Листру

¹⁾ Wünsche, s. 132.

²⁾ См. Wünsche, Wetstenii, Lightfootii къ Мѣ. X, 17. Никитина, 159—60, 164—166. Richm и Winer, art. Leibesstrafen.

и, возбудивши народъ, побиваютъ его камнями (Дѣян. Ап. XIV, 19); Фессалоникійскіе евреи идутъ въ Верію, „возбуждая и возмущая народъ“ противъ Ап. Павла (XVII, 13). О тѣхъ же отношеніяхъ фари́сеевъ къ христіанскимъ проповѣдникамъ говоритъ и св. Іустинъ муч., говоря, что они „не только не раскаялись въ своихъ злодѣяніяхъ, но еще послали избранныхъ людей изъ Іерусалима во всю землю разглашать, будто явилась безбожная ересь христіанская, и распространяли клеветы противъ насъ“¹⁾.

Христось видѣлъ всю ту массу бѣдствій, которыя принесутъ ни въ чемъ неповиннымъ послѣдователямъ Его книжники и фари́сеи, видѣлъ и ту необъятную злобу противъ всего добраго и святаго, которая переполняла сердца тѣхъ руководителей народа и которая готова была пожрать не только тѣхъ, которыхъ пошлетъ Христось, но даже всѣхъ проповѣдниковъ, жившихъ на землѣ и всегда пламенѣвшихъ любовію къ добру и Богу; и отсюда-то возникаетъ это въ высшей степени негодующее восклицаніе, этотъ приговоръ:

Ст. 35. *Да пріидетъ на висъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ.*

Выраженіе „кровь чья нибудь (его, ея) на комъ-нибудь (на немъ, на ней)“ прежде всего значитъ: онъ запятнанъ въ его кровь. А если запятнанъ, то слѣдовательно долженъ дать отвѣтъ за нее. Это второе значеніе этого выраженія. Поэтому данное мѣсто нашего евангелія ев. Лука передаетъ „да взыщется кровь отъ“ (XI, 50). Напримѣръ: „кровь моя на жителяхъ Халдеи, скажетъ Іерусалимъ“ (Іерам. 51, 35), значитъ: отвѣтственность, вина за избитыхъ Іерусалимлянъ падаетъ на Халдеевъ. Или: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“ (Мѡ. XXVII, 25) значитъ: мы беремъ на себя отвѣтственность за Его смерть. Но такъ какъ основнымъ принципомъ правосудія въ Ветхомъ Завѣтѣ было—око за око, жизнь за жизнь, то разумѣется убійца долженъ былъ поплатиться за свое преступле-

¹⁾ Памятныки др. хр. писемъ. въ Рус. перев. т. III. Разговор. Іустина муч. съ Трифономъ, § 17, стр. 170 и § 108, стр. § 325.

ніе своею собственною жизнью (Исх. XXI, 12.—Лев. XXIV, 17). Отсюда выраженіе „кровь на немъ“ равняется „онъ долженъ умереть“ (сравн. Лев. XX, 9.—Исх. XXI, 17. Лев. XX. 12. 16. и др).

Итакъ, книжники и фари́сеи должны дать отвѣтъ и понести соотвѣтствующее наказаніе, своею жизнью поплотиться за всю *праведную*, т. е. невинно, напрасно пролитую кровь, на землѣ— *εχχουόμενου ἐπὶ γῆς*—собственно „проливаемую на землѣ“; причастіе настоящаго времени въ связи съ *ἐπὶ γῆς* указываетъ на постоянство этого явленія; но такъ какъ явленіе это имѣло мѣсто только въ прошломъ, въ извѣстныхъ границахъ времени, то логически совершенно правильно это причастіе настоящаго времени передать прошедшимъ—пролитую. По библейскому воззрѣнію всякая невинно пролитая кровь, будучи не принимаема землею, вопіетъ отъ земли къ небу объ отмщеніи и въ день суда земля откроетъ кровь и тѣла невинно убитыхъ; за нее мститъ будетъ самъ Господь; и во всякомъ случаѣ невинно пролитая кровь непременно должна быть смыта: „смой съ Израиля кровь невиннаго и будетъ тебѣ хорошо“ (см. Втор. XIX, 13.—Іов. XVI, 19. Іез. XXIV, 7.—Ис. XXVI, 21.—Быт. IV, 10. IX, 5. 6.). Отсюда видно, какое тяжкое преступленіе—пролить кровь невинную. Это такое преступленіе, которое непременно должно быть искуплено. Книжники и фари́сеи, которые считаютъ себя великими угодниками, вполнѣ виновны въ пролитіи крови праведниковъ и потому своею кровію должны смыть это преступленіе. Они должны отвѣтить за *всю* кровь праведную, которая была пролита на землѣ, начиная отъ праведнаго *Авеля*, убитаго невинно своимъ братомъ *Каиномъ* и впервые оросившаго землю своею кровію, и до *Захаріи*, сына *Варахіина*, убитаго между храмомъ и жертвенникомъ.

Книжники и фари́сеи должны были взять на себя отвѣтственность предъ судомъ Божіимъ за всю невинно пролитую кровь въ извѣстныхъ историческихъ предѣлахъ: это отъ *Авеля*, сына *Адамова*, и до *Захаріи*, сына *Варахіина*. Определить однако этотъ періодъ времени чрезвычайно трудно. Насколько извѣстно первое на землѣ убійство, *Авеля*, настолько неизвѣстно, о какомъ убійствѣ идетъ рѣчь въ послѣднемъ случаѣ и кто этотъ *Захарія*? *Захарія*, сына *Варахіина*, убитаго между храмомъ

и жертвенникомъ, св. исторія совершенно не знаетъ. Захарія, сынъ Варахїинъ, былъ пророкъ; но совершенно неизвѣстно, чтобы этотъ пророкъ былъ убитъ и убитъ именно на такомъ священномъ мѣстѣ. Затѣмъ, св. исторія упоминаетъ двухъ Захарій, дѣйствительно убитыхъ въ храмѣ. Одинъ изъ нихъ, Захарія, священникъ, жилъ при Іудейскомъ царѣ Іоасѣ и по приказанію послѣдняго былъ побитъ камнями „на дворѣ дома Господня“ (II парал. XXIV, 21). Другой Захарія, тоже священникъ, былъ убитъ Зилотами въ храмѣ около 68—69 годовъ по Рождество Христово, и такимъ образомъ незадолго до разрушенія храма и Іерусалима. Но первый былъ сынъ Іодая, а второй Варуха, и такимъ образомъ оба не тождественны съ упомянутымъ въ нашемъ стихѣ Захаріею, сыномъ Варахїинымъ. Кто-же этотъ Захарія? Это вопросъ, удовлетворительно едва ли разрѣшимый.

Древніе толкователи ¹⁾ полагаютъ, что въ данномъ случаѣ разумѣется не одинъ изъ двѣнадцати малыхъ пророковъ, а отецъ Іоанна Крестителя. „Относительно него путемъ каноническихъ писаній мы не можемъ, правда, показать ни того, что онъ былъ сынъ Варахїи, ни того, что книжники и фариसेи убили его между храмомъ и жертвенникомъ,“ говоритъ Оригенъ. „Но до насъ дошло нѣкоторое преданіе, будто въ храмѣ было нѣкоторое мѣсто, гдѣ позволялось становится и молиться Богу только дѣвушкамъ, и куда не могли становиться не-дѣвицы (*expertae thorum virilem*). Марія, родивши спасителя, придя во храмъ молиться, стала на это мѣсто дѣвицъ. Когда ей препятствовали на томъ основаніи, что она родила уже сына, явился Захарія и сказалъ препятствовавшимъ, что она достойна этого мѣста, потому что она дѣва. Люди убили Захарію за то, что онъ самымъ явнымъ образомъ шелъ противъ Закона, позволивъ стать среди дѣвусшекъ женщинѣ“ ²⁾. Но уже въ ту глубокую древность это преданіе признавалось далеко не всѣми и уже св. Іеронимъ оспариваетъ его и говоритъ, что оно взято „изъ нѣкоторыхъ апокрифическихъ бредень“ ³⁾. Новѣйшіе ученые тоже совершенно не находятъ возможнымъ со-

¹⁾ Origenis, p. 845.—Клаж. Теоф. стр. 309. Благов.

²⁾ Orig. p. 845—6.

³⁾ Hieron. Comment. In Matth. Op. VI—VIII, p. 51.

гласиться, что въ данномъ мѣстѣ подъ Захаріею разумѣется отецъ Іоанна Крестителя. Исторія рѣшительно ничего не знаетъ объ этомъ, а между тѣмъ будь это дѣйствительно такъ, извѣстія объ этомъ все же сохранились бы.

Другіе уже давно предполагали ¹⁾, что подъ Захаріею разумѣется Захарія пророкъ, одинъ изъ двѣнадцати малыхъ пророковъ; но съ этимъ согласиться тоже едвали возможно, какъ не допускали того и въ древности ²⁾, за неимѣніемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній о подобной мученической кончинѣ пророка. Да и кромѣ того, непонятно, почему и зачѣмъ въ лицѣ этого пророка указана такая грань, почему отъ Авеля именно только до него?

Третьи, подъ Захаріею разумѣютъ сына Варуха, убитаго предъ разрушеніемъ храма, въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ. Если-бы не нѣкоторыя препятствія, то это предположеніе было бы удобнѣе всего принять. За него говоритъ то обстоятельство, что это убійство падаетъ на время, которое должно считать несомнѣнно послѣднимъ временемъ въ исторіи Ветхаго Завѣта, рѣзкою гранью, отдѣляющею новозавѣтную исторію отъ ветхозавѣтной: это паденіе Іерусалима, разрушеніе его и храма, прекращеніе ветхозавѣтнаго культа, исчезновеніе ветхозавѣтной іерархіи и проч. Захарія былъ убитъ передъ самымъ началомъ Іудейской войны, т. е. въ самомъ началѣ ея. Въ виду этого обстоятельства, если принять разбираемое предположеніе, слова Христа дѣйствительно обнимаютъ собою полный и цѣлостный періодъ времени, начиная отъ Авеля, перваго убійства въ періодъ ветхозавѣтный, и кончая Захаріею, самымъ послѣднимъ. Но принять это предположеніе не позволяютъ слѣдующія препятствія: прежде всего—убійство совершено не фарисеями, а зилотами и притомъ спустя 35 л., слѣдовательно современники Христа отвѣчать за него не могутъ; затѣмъ—отецъ этого Захаріи называется Варухъ, а не Варахія. Правда, относительно сказаннаго замѣчаютъ: зилоты—это тѣ же фарисеи, а преступленія иногда готовятся цѣлыми столѣтіями; а потому, зачастую вина сыновъ падаетъ и на ихъ от-

1) См. указанная мѣста у Оригена, св. Іеронима и Бл. Теофила.

2) Orig. p. 845.

цевъ; различіе-же въ именахъ объяснимо изъ *lapsus memoriae*, ошибкой памяти евангелиста, который почему нибудь могъ смѣшать одно имя съ другимъ, тѣмъ болѣе, что имена эти сходны. Но даже допустивши все это, мы не избѣгнемъ всѣхъ затрудненій. Третье и самое важное затрудненіе: почему Христосъ о будущемъ, еще имѣющемъ только совершиться фактъ говорить въ прошедшемъ времени? Почему Онъ говоритъ „убили“, а не „убьете“, какъ бы на самомъ дѣлѣ слѣдовало сказать. Затрудненіе это пытаются устранить новымъ предположеніемъ, что Христосъ собственно и сказалъ „убьете“, но что евангелистъ, записывая рѣчь Господа уже послѣ того, какъ совершилось самое событіе, поставилъ „убили“. „Но замѣна будущаго времени прошедшимъ была бы столь существеннымъ измѣненіемъ рѣчи Христа, что этого никакъ нельзя приписывать евангелисту“, справедливо замѣчаетъ Keil ¹⁾; это съ одной стороны, съ другой—гдѣ доказательства того, что произошла именно такая замѣна? Это предположеніе не лишено остроумія, но виситъ всецѣло на воздухѣ. Въ третьихъ, въ данномъ случаѣ Христосъ разумѣетъ кровь все-же мужей праведныхъ, *пророковъ*, какъ передаетъ это мѣсто Ев. Лука (XI, 50). Но ничего неизвѣстно объ особенной праведности, и тѣмъ болѣе, конечно, обогодухновенности Захаріи, сына Варуха. Это былъ „славнѣйшій мужъ, котораго (Зилоты) ненавидѣли за то, что онъ ненавидѣлъ злодѣянія, любилъ вольность и былъ богатъ“, какъ характеризуетъ его Іосифъ Флавій ²⁾.

Наконецъ четвертые подъ Захаріею разумѣютъ сына Іодая. Но и противъ этого предположенія можетъ быть сдѣлано не мало возраженій, устранить которыя сколько-нибудь удовлетворительно—невозможно.

Первое затрудненіе—разница въ именахъ. Keil устраняетъ ее путемъ предположенія о *lapsus memoriae* евангелиста, въ силу чего послѣдній перемѣшалъ Захарію, сына Іодая, съ болѣе извѣстнымъ Захарію, сыномъ Варахиннымъ. Meyer, Weis и др. ³⁾ полагаютъ, что Христосъ упомянулъ только одно имя

¹⁾ S. 452,—anmerk.

²⁾ Война, IV, 5, 4.

³⁾ См. толкованія къ нашему стиху.

Захаріи, какъ это мы видимъ у ев. Луки и что „сына Варахіяна“ есть уже просто вставка самаго евангелиста или по смѣшенію этого Захаріи съ Захаріею пророкомъ (Meuser) или преднамѣренная, чтобы такимъ образомъ пророчески какъ бы указать на имѣющее совершиться убійство Захаріи, сына Варуха, при чемъ Варухъ и Варахія, можетъ быть, двѣ формы одного и того-же имени ¹⁾). Но насколько вѣроятно первое, что именно „сынъ Варахіяна“ есть вставка, настолько невѣроятно второе, что это преднамѣренная вставка, такъ какъ это значило бы заподозрить евангелиста въ поддѣльваніи пророчествъ, не говоря уже о томъ, что имена Варухъ и Варахія по еврейски два совершенно различныя и разнозначущія имена (Knaubenbauer). Гораздо большее значеніе имѣетъ свидѣтельство бл. Иеронима, что въ евангеліи, которымъ пользовались въ его время Назаретяне, читалось „сына Іодая“, а не Варуха“ ²⁾). „Не невѣроятно, что здѣсь“, въ евангеліи, представлявшемъ древнѣйшій списокъ ев. Маттея на арамейскомъ языкѣ, „сохранилось правильное чтеніе“, замѣчаетъ по этому поводу Кнабенбауеръ ³⁾). Но если это такъ, то необходимо допустить позднѣйшее искаженіе текста. Ветштеніусъ дѣлаетъ догадку, по какимъ мотивамъ дѣйствительно могли замѣнить „сынъ Іодая“ на сынъ Варахіяна“. Первая часть слова Іодай есть названіе божества—Іегова и по еврейски оно произносится Іегонада. Евреи же послѣплѣнные, какъ мы замѣчали раньше, очень боясь нарушить третью заповѣдь, всѣми силами избѣгали произносить имя Божіе. По тѣмъ-же причинамъ, избѣгали они произносить, какъ думаетъ Ветштеніусъ, и тѣ имена, въ которыя входило, въ качествѣ составной части, имя Божіе. Вѣроятно поэтому ев. Маттеей опускаетъ въ родословной имя Іоакима; потой же вѣроятно причинѣ и ученики Христовы предпочитали апостола Іуду называть Ѡаддеемъ. Не тоже-ли имѣетъ мѣсто и въ данномъ случаѣ? т. е., что по вышеуказанной причинѣ здѣсь слово Іодай было замѣнено другимъ ⁴⁾?

1) Weiss, S. 499—anm.

2) Hieron, ibid. p. 51.

3) Ibid. p. 208.

4) Wetstenius, p. 492.

Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ приводятъ и еще нѣсколько соображеній въ пользу того, что здѣсь необходимо разумѣть именно сына Иодаева, а не Варахиина,—соображеній, подтверждающихъ съ своей стороны высказанное предположеніе о замѣнѣ въ евангеліи Маттея одного имени на другое. Обращаютъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ еврейской библии священныя книги расположены такъ, что въ то время, какъ первой, какъ и у насъ, стоитъ книга Бытія, послѣдней II паралипоменонъ. Объ Авелѣ и его убійствѣ повѣствуется въ первой, объ убійствѣ Захаріи—во второй. Если священныя книги въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ Библии, изображаютъ постепенную исторію развитія Царства Божія на землѣ, то убійство Авеля, само собою, будетъ первымъ, а Захаріи послѣднимъ, какъ такое, о которомъ говорится въ послѣдней книгѣ Библии ¹⁾. Слова Христа такимъ образомъ какъ-бы имѣютъ въ виду тоже цѣльный періодъ времени, какъ бы всю ветхозавѣтную исторію. Это остроумное предположеніе не иевѣроятно, такъ какъ именно такъ смотрѣть на убійство Захаріи и вообще такъ понимать священную исторію было бы совершенно въ духѣ современнаго Христу раввинства, не любившаго считаться съ дѣйствительностію и въ то же время никогда не пропускавшаго ни одного случая для какого бы то ни было сопоставленія, даже и въ области священной исторіи. Въ данномъ же случаѣ дѣло было какъ нельзя быть болѣе ясно: объ убійствѣ Захаріи говорится въ послѣдней книгѣ Библии, слѣдовательно оно послѣднее въ исторіи евреевъ. Христосъ могъ употребить въ отношеніи книжниковъ и фарисеевъ ихъ методъ трактовать исторію.

Приводятъ еще и слѣдующее соображеніе. О сынѣ Иодая среди еврейскаго народа сохранилась память какъ о невинномъ мученикѣ, убіеніе котораго было большимъ преступленіемъ. Въ раввинской литературѣ очень часто упоминается объ этомъ, причемъ находятъ здѣсь и нѣкоторую параллель между убійствомъ Авеля и Захаріи, именно въ томъ отношеніи, что какъ кровь Авеля вопіяла къ небу объ отмщеніи (Быт. IV, 10), такъ и

¹⁾ Paulus, S. 332. Keil. S. 451, и др. ком.

Захарія, умирая воскликнулъ: „да видитъ Господь и да взыщеть“ (II пар. XXIV, 22); и такимъ образомъ Божественный гнѣвъ и Божественная месть возбуждались какъ бы нарочно ¹⁾. Что убійство Захаріи было такимъ преступленіемъ, которое невозможно было смыть кровью виновныхъ въ немъ и которое ложилось тяжелымъ бременемъ на весь народъ, эта мысль ясно выражается въ раввинскихъ преданіяхъ объ убійствѣ Захаріи и послѣдующихъ событіяхъ. Кровь Захаріи, пролитая вопреки Закону на камень и не покрытая землею, пролитая при томъ невинно, никакъ не могла успокоиться и находилась въ движеніи, какъ бы въ судорогахъ, въ теченіи 252 лѣтъ, отъ царя Іоаса до царя Седекіи. Навузарданъ, военачальникъ Навуходоносоровъ, взявши Іерусалимъ, замѣтилъ это странное явленіе и потребовалъ объясненія. Когда ему сказали, что это кровь жертвенныхъ животныхъ, онъ сдѣлалъ опытъ, но кровь жертвеннаго животнаго осталась совершенно спокойной. Понявъ, что ему не хотятъ сказать правды, Навузарданъ подвергъ отвѣтчиковъ пыткѣ. Тогда послѣдніе сказали: „такъ какъ высочайшій Судія требуетъ теперь отъ насъ эту кровь, то мы должны сознаться, что убитый былъ жрецъ, пророкъ и судія, умерщвленный нами за то, что онъ предсказалъ намъ все то, что теперь происходитъ съ нами“. Навузарданъ приказалъ убить этихъ и еще другихъ болѣе почетныхъ главъ народа, въ качествѣ умиловительной жертвы, но все было напрасно. Умертвили тогда членовъ великаго синедріона, восемьдесятъ тысячъ священниковъ, юношей, дѣвицъ и даже дѣтей школьнаго возраста, но кровь все подергивалась судорогами. И только тогда, когда Навузарданъ, видя тщетность своихъ усилій, воскликнулъ: Захарія, Захарія, лучшіе пали, неужели ты хочешь, чтобы всѣ подверглись той-же участи“,—а по другой редакціи, только тогда, когда Самъ Богъ оказалъ свое воздѣйствіе, кровь успокоилась ²⁾. Однако несмотря на это, среди Іудеевъ держалось преданіе, передаваемое Тертуллианомъ, что кровь Захаріи осталась несмытою и на тѣхъ камняхъ, на которыя она пролилась, остались, будто, постоянныя, неуничто-

¹⁾ Keil, S. 452.

²⁾ См. Wünsche, s. 297 и 446.—Lightfootii, p. 435.

жимыя слѣды ¹⁾). Бл. Иеронимъ говоритъ, что еще въ его время „наиболѣе простые братья показывали среди развалинъ храма и алтаря красные камни, будто бы обогранные кровію Захаріи“ ²⁾). Все это показываетъ, что народъ убіеніе Захаріи считалъ величайшимъ и еще не искупленнымъ преступленіемъ, равняющимся почти братоубійству Каина, и ждалъ за него еще какого-нибудь наказанія. Если такъ, то слова Христа, какъ нельзя быть болѣе, соотвѣтствовали этимъ воззрѣніямъ народнымъ и могли имѣть въ виду именно этого Захарію, сына Іудаева.

Но если такъ, то какимъ образомъ Христосъ о современныхъ Ему книжникахъ и фари́сеяхъ могъ сказать, что *они убили*, въ то время какъ это событіе имѣло мѣсто 500 лѣтъ тому назадъ?

Дѣйствительно, никакъ нельзя отрицать того, что книжники и фари́сеи, современные Христу, *лично* не участвовали въ этомъ преступленіи. Но въ данномъ случаѣ необходимо обращать вниманіе на ясно проходящую въ Библии, идею общности грѣха, въ томъ смыслѣ, что часто за грѣхи одного страдаетъ и терпитъ другой: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода, ненавидящихъ Меня“ (Исх. XX, 5). Однако, это бываетъ при томъ непремѣнномъ условіи, когда и дѣти заражены грѣхомъ своихъ отцевъ и не стараются перевоспитаться; когда данное злое настроеніе души, замѣченное въ отцахъ, переходитъ и къ слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ такомъ случаѣ отцы и дѣти представляютъ собою нѣчто цѣльное, одно, одухотворенное и водимое однимъ духомъ. Въ нравственномъ-же міропорядкѣ казнится не дѣло только, фактъ, происшедшій изъ извѣстнаго преступнаго настроенія, но и самое это настроеніе, хотя бы оно еще и не довело человѣка до преступленія. Не тотъ только человѣкоубійца, кто дѣйствительно убилъ кого-нибудь, но и тотъ, кто имѣетъ на другого въ своемъ сердцѣ гнѣвъ или ненависть (Мѡ. V, 21—22; I Іоан. III, 15) и оба уже подлежатъ суду. Съ идеальной точки зрѣнія, че-

¹⁾ Knabenbauer, p. 298.

²⁾ Hieron. *ibid.* p. 51.

ловѣкъ долженъ принадлежать или къ царству добра или къ царству зла: злое настроеніе человѣка, даже не сопровождавшееся еще (еслибъ только это можно было допустить) никакими злыми дѣлами, ведетъ человѣка въ царство зла и навлекаетъ на него осужденіе. Отсюда совершенно повятно, что наказаніе, постигающее отцовъ—человѣкоубійцевъ никакъ не минуетъ и ихъ сыновей, если послѣдніе сохраняютъ тоже преступное настроеніе души. Что касается книжниковъ и фариисеевъ, то они оказываются именно въ такомъ положеніи. Книжники и фариисеи не отдѣльно отъ народа стоящіе, какъ бы святые, богодухновенные мужи, пророки, какъ они смотрѣли на себя, а истинные сыны своего народа, истинные сыны народа, убивающаго посылаемыхъ къ нему пророковъ. Двойное указаніе въ рѣчи Христа—на отцевъ, предковъ, избивавшихъ посланниковъ Божіихъ, и на потомковъ ихъ, имѣющихъ избивать еще ихъ, это двойное указаніе на прошедшія и на будущія событія имѣетъ своею цѣлію раскрыть тотъ фактъ, что духъ противленія Богу—составляетъ всегдашнее и постоянное настроеніе еврейскаго народа; что современники Христа, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не отличаются отъ далѣкихъ своихъ предковъ, и что полными выразителями и носителями этого настроенія народа являются теперешніе вожди его книжники и фариисеи. Необходимо обратить здѣсь вниманіе и на тотъ фактъ, что здѣсь рѣчь Христа имѣетъ въ виду столько-же вождей еврейскаго народа, сколько и всю массу его, что видно изъ дальнѣйшаго обращенія: „Іерусалимъ, Іерусалимъ“... Книжники и фариисеи по своему преступному настроенію ничѣмъ не отличаются отъ всего остальнаго народа; въ этомъ отношеніи—вожди народа и народъ нѣчто въ высшей степени цѣльное, единое, всегда одухотворенное и водимое однимъ духомъ. Предки и потомки, вожди и водимые—всѣ они одно нераздѣлимое цѣлое и это-то цѣлое, всегда противящееся Богу и избивающее Его посланниковъ, Христосъ и зоветъ въ данномъ случаѣ на судъ. Такъ какъ по своему злому настроенію еврейскій народъ является солидарнымъ со всѣми подобно настроенными людьми, жившими нѣкогда на землѣ, становится живымъ членомъ царства зла и входитъ въ органическую

связь со всѣми другими членами его, то отсюда еврейскій народъ—этотъ человѣкоубійца, призывается на судъ вмѣстѣ со всѣми убійцами, жившими на землѣ, начиная съ Каина, главы ихъ. Призывая на судъ весь этотъ сонмъ, Христосъ и говоритъ: „вы убили“.

Иные хотятъ видѣть въ словахъ разбираемаго стиха просто сравненіе, употребленное для выраженія громадности вины книжниковъ и фариисеевъ, съ одной стороны, и того наказанія, которое постигнетъ ихъ за то—съ другой. „Этими словами Спаситель нашъ, кажется, хочетъ сказать, что этотъ нечестивый родъ потерпитъ за свое преступленіе такое наказаніе, какое протерпѣлъ-бы, если бы онъ пролилъ кровь всѣхъ праведниковъ отъ Авеля до Захаріи“, замѣчаетъ С.-Бернардтъ. Но такое сравненіе было бы неудовлетворительно, потому что иное дѣло убійство хотя бы и множества праведниковъ и иное дѣло убіеніе Спасителя. Эту мысль, правда, вышеупомянутый учитель западной церкви пополняетъ далѣе: „убить Христа“, говоритъ онъ, „и преслѣдовать чрезмѣрною ненавистью тѣло Его—церковь, несравненно большее преступленіе, чѣмъ если бы пролить кровь всѣхъ предшествовавшихъ праведниковъ“¹⁾.

Читая разбираемый стихъ, нельзя не вынести того впечатлѣнія, что главная тяжесть отвѣтственности возлагается почему то на современниковъ Христа, въ частности на вождей народныхъ—книжниковъ и фариисеевъ. „Да придетъ на васъ“. Или, какъ передаетъ ев. Лука, „да взыщется отъ рода сего“ (XI, 50), говоритъ Христосъ. И это понятно, почему. Современники Христа, сравнительно со всѣми себѣ подобными противниками Божиими, находились въ особенныхъ условіяхъ. Въ то время какъ къ этимъ послѣднимъ были посылаемы пророки, которые убѣждали ихъ исправиться и внѣдряли въ ихъ сердце вѣру въ побѣду, правда еще далекую, но тѣмъ не мѣняе, несомнѣнную и полную побѣду добра надъ зломъ,—первые были сами свидѣтели тѣхъ великихъ событій, которыя привели къ этой побѣдѣ. Многіе пророки и цари желали видѣть то, что видѣли, и слышать то, что слышали современники Христа.

¹⁾ См. у Knabenbauer'a p. 296.

Блаженъ былъ тотъ, кому выпало жить тогда (ев. Лук. X, 23—24). И однако, упорство ихъ во злѣ (Мѡ. XII, 34) было такъ велико, что всѣ эти событія прошли мимо нихъ; они отвергли свое спасеніе, противились, издѣвались надъ Тѣмъ, Кого такъ ждали пророки, и наконецъ замучили Его. Потому то въ другомъ мѣстѣ Христосъ и говоритъ, что, „Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись отъ проповѣди Іониной, и вотъ здѣсь больше Іоны“ (Лук. XI, 32),—что Тиръ и Сидонъ давно бы покаялись, еслибъ среди нихъ были явлены тѣ великія знаменія и дѣла Божіи, свидѣтелями которыхъ были евреи,—что Содомъ остался бы цѣлъ до сегодня, если бы видѣлъ и слышалъ то-же, что и еврейскіе города и что поэтому Содомской землѣ въ день суда будетъ отраднѣе, чѣмъ еврейскимъ городамъ, которые, будучи вознесены до неба, низвергнутся тогда до ада (Мѡ. X, 21—24).

Христосъ заканчиваетъ торжественнымъ подтвержденіемъ вышесказаннаго, по образу и въ духѣ пророческихъ рѣчей:

Ст. 36. *Истинно говорю вамъ: все сіе придетъ на родъ сей.*

Все сіе—сказанное въ предыдущихъ стихахъ, т. е., что книжники и фарисеи дополняютъ мѣру преступленій своихъ отцевъ убійствами и неистовствами надъ будущими посланниками Божіими и что, наконецъ, ихъ постигнетъ страшное наказаніе Божіе. Оно будетъ состоять какъ изъ будущихъ геенскихъ мукъ, такъ и изъ особенныхъ бѣдствій, включительно съ смертными казнями, здѣсь еще на землѣ. *Придетъ на родъ сей* ἥξει ἐπὶ—случится, постигнетъ, выпадетъ на долю; γενησὶ ταύτην—этого поколѣнія. Это выраженіе указываетъ прежде всего на время. Евреи время обыкновенно считали поколѣніями, три поколѣнія равнялись вѣку ¹⁾. Итакъ, грядущее наказаніе и грядущія бѣдствія такъ близки, что они разразятся раньше, чѣмъ это, настоящее поколѣніе успѣетъ отойти въ вѣчность; свидѣтелями страшнаго суда Божія будутъ еще современники. А затѣмъ указываетъ также и на то, что грядущее наказаніе постигнетъ всѣхъ, все современное поколѣніе, всѣхъ живущихъ здѣсь въ Іерусалимѣ и Палестинѣ Іудеевъ.

¹⁾ Wetsthenii, ad. I, 17 Matth.

Предсказаніе Христа имѣетъ въ виду несомнѣнно разрушеніе Іерусалима римлянами и всѣ тѣ невыразимыя бѣдствія, которыя обрушились на евреевъ, современныхъ этому событію и которыхъ, по признанію самихъ евреевъ, эти послѣдніе вполне заслуживали. „Я не устыжуся“, говоритъ Іосифъ Флавій, „сказать то, что говоритъ повелѣваетъ печаль. Если бы римляне замедлили погубить сихъ беззаконниковъ, то, я думаю, городъ Іерусалимъ или поглощенъ былъ бы землею, или истребленъ потопомъ, или сожженъ, какъ Содомъ, потому что произвелъ родъ, злочестивѣйшій изъ всѣхъ, претерпѣвшихъ тѣ казни, съ неистовствомъ котораго погибъ и весь народъ Іудейскій“¹⁾. Когда зло увеличилось до чрезвычайности, тогда и наказаніе было назначено ужасное. Это было время, когда кровь Іудейскаго народа, раздираемаго и внутренними несогласіями, и смутами, и внѣшними врагами, лилась въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ страшно и подумать, когда „ни крестамъ мѣста, ни распинаемымъ крестовъ недоставало“²⁾, когда, кажется, не было ни одного бѣдствія на землѣ, которое бы не постигло несчастный народъ.

Предсказанное Христомъ бѣдствіе, дѣйствительно, коснулось не однихъ книжниковъ и фариисеевъ, а постигло весь еврейскій народъ. Книжники и фариисеи—это только вожди еврейскаго народа, душа и сердце его; но поражая сердце, мы не можемъ не убить и весь организмъ. Казнится не сословіе и не классъ, а то злое настроеніе и направленіе, которымъ одушевлены были и котораго держались вожди еврейскаго народа, а за ними и весь народъ, держались не со вчерашняго дня, а съ давняго времени. Разрушеніе Іерусалима было наказаніемъ столько-же за личные грѣхи современныхъ Христу вождей народныхъ и самаго народа, сколько и за преступленія отцевъ ихъ. Поэтому поводу Оригенъ замѣчаетъ: „Не тотъ часъ, какъ только совершенъ грѣхъ, наказывается грѣшный родъ, но когда слѣдующее поколѣніе, которое должно было бы искупить и загладить преступленіе отцовъ, прибавляетъ еще худшія преступленія и когда такимъ образомъ согрѣшаютъ многія поколѣнія

¹⁾ Война, V, 11, 2.

²⁾ Ibid. V, 13. 6.

въ какомъ-нибудь народѣ или государствѣ, только тогда называется народъ или разрушается государство“¹⁾. Городъ безумныхъ гордецовъ, самообольщенныхъ ханжей, городъ лицемѣровъ²⁾ легъ въ развалинахъ. Говоря свою обличительную рѣчь, Христосъ видѣлъ эту неминуемую судьбу его. Онъ видѣлъ стройные легіоны враговъ, правильную и упорную осаду города, необычайныя страданія народа, взятіе и разрушеніе Іерусалима до основанія, сожженіе и разрушеніе, наконецъ, сердца всей страны и народа, его драгоцѣннѣйшаго сокровища и святыни — храма. Эти картины будущаго всегда наполняли сердце Христа бесконечною скорбію и вызывали порой у Него слезы (Лук. XIX, 41). Несомнѣнно подобное же настроеніе охватило Христа и теперь. Это даетъ понять слѣдующій стихъ. Ветхозавѣтная исторія кончилась. Храмъ, Іерусалимъ, весь ветхозавѣтный теократическій строй — отжили свое и кончили свое существованіе. Но какъ кончили! Это не естественный конецъ, а божественная кара, смертная казнь. Слѣдующій стихъ говоритъ о томъ, какъ Божественное Провидѣніе хотѣло отвратить этотъ печальный конецъ отъ своего избраннаго народа и города и какъ самъ народъ этого не захотѣлъ. Сколько безконечной скорби, сколько состраданія, сожалѣнія, сколько любви къ своему народу въ этихъ словахъ:

Ст. 37. *Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья и вы не захотѣли!*

„Что значитъ это сугубое воззваніе“ — Іерусалимъ, Іерусалимъ, спрашиваетъ Св. Златоустъ? „Это голосъ милосердія, состраданія и великой любви. Какъ будто передъ любимой женщиной, которую постоянно любили, но которая презрѣла любившаго ее и чрезъ то заслужила наказаніе, Онъ оправдывается тогда, какъ намѣренъ уже былъ поразить казнію“³⁾. Ἱεροσολῆμ *вмѣсто* обычнаго Ἱεροσόλημ *представляетъ собою приближеніе къ языку пророковъ*⁴⁾. ἡ ἀποκτείνουσα

1) Origenis, *ibid.* p. 846.

2) См. стр. 196.

3) Бес., стр. 362.

4) Keil, s. 458.

—причастіе наст. вр. указываетъ на продолженіе или постоянство дѣйствія. Мысль та, что Іерусалимляне всегда и во всякое время отличались противленіемъ Духу Святому, почему всегда и умерщвляли божественныхъ посланниковъ. Это уже обычное, вошедшее въ плоть и кровь Іерусалима отношеніе къ пророкамъ. И сами пророки всегда изображаютъ Іерусалимъ, какъ городъ убійць (Ис. I, 21), мечъ которыхъ поядаетъ пророковъ (Іер. II, 30), а самъ Христосъ замѣчаетъ, что не бываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима (Лук. XIII. 33). Προς αὐτὸν—въ третьемъ лицѣ—посланныхъ „къ нему“, но не „къ тебѣ“, какъ передано по русски; третье лицо при обращеніи ко второму—особенность, порой встрѣчающаяся въ книгахъ Новаго Завѣта, ср. Лук. ев. I, 44—45... Сколько пророковъ и кто именно убитъ въ Іерусалимѣ—исторія не знаетъ. Кромѣ Захаріи и Уріи (Іер. XXVI, 23), по раввинскому преданію, мученическую смерть отъ руки царя Манасіи принялъ и пророкъ Исаія ¹⁾).

Сколько разъ хотѣлъ Я и проч. Птица, иногда, частнѣе, орелъ, и ея отношенія къ своему гнѣзду или выводку въ книгахъ Свящ. Пис. служитъ образомъ всегдашняго любовнаго попеченія Божія объ избранномъ народѣ или отдѣльныхъ личностяхъ. „Въ тѣни крыль Твоихъ укрой меня“, взываетъ Псалмопѣвецъ (XVI, 8). „Какъ птицы птенцовъ, такъ Господь Саваоѣ покровитъ Іерусалимъ, защититъ и избавитъ, пощадитъ и спасетъ“, говоритъ прор. Исаія (XXXI, 5). У раввиновъ этотъ образъ сталъ единственной формой для выраженія мысли объ обращеніи народа или человѣка къ Богу. „Привести кого, собрать или собраться подъ крылья Іеговы“, говорили вмѣсто обратить, обратиться къ Богу Израилеву ²⁾. ὄρνις—нашего стиха—не просто „птица“: „въ то время, какъ древніе словомъ ὄρνις называли всякое окрыленное, двуногое животное, греки привыкли называть такъ одну только куриную породу“ ³⁾. Образъ взятъ изъ отношенія курицы къ ея птенцамъ. „Эта птица горячо любитъ своихъ птенцовъ“ ⁴⁾ и потому то и

1) Wünsche, s. 298.

2) Schoettgenii, p. 209.

3) Wetschtenii, p. 492.

4) Златоустъ, стр. 363.

могла служить прекраснымъ образомъ для выраженія вышеуказанной мысли. „Курица, когда цыплята ея бываютъ нѣжны, собираетъ ихъ, подбираетъ подъ свои крылья, согрѣваетъ ихъ и для нихъ разгребаетъ своими ногами землю. Курица—это Шехина, а цыплята—это Израиль“ говорили раввины ¹⁾. Этимъ же образомъ пользуется и Христосъ: сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ курица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, говоритъ Онъ.—Можно думать, что Христосъ многократно посѣщалъ Иерусалимъ съ своею проповѣдію о наступленіи Царства Божія и съ призывомъ къ покаянію, но только евангелисты не сообщаютъ намъ объ этомъ ²⁾. Не смотря на твое всегдашнее противленіе Богу и Его посланникамъ, какъ бы такъ говоритъ Христосъ Иерусалиму; „ты не отклонилъ великаго благоволенія Моего къ тебѣ, но направишь Я хотѣлъ и не однажды или не два раза, но многократно, привлечь тебя“ ³⁾. И вы не захотѣли (соотвѣтственно — „Я хотѣлъ—вы не захотѣли“). Лучшее мѣсто для доказательства самоопредѣленія человѣка. Божественная благодать не можетъ дѣйствовать на волю человѣка принудительнымъ образомъ и спасти его помимо его воли. Упорное сопротивленіе Іудеевъ ограничиваетъ непримѣрную божественную любовь. Но вина за это теперь всецѣло падаетъ на самихъ Іудеевъ. Не Я отъ васъ, но вы отъ Меня отдаляетесь, какъ бы такъ говоритъ Христосъ книжникамъ и фарисеямъ, и ведете за собою народъ; кровь ваше на главахъ вашихъ (Дѣян. XVIII, 6); оставайтесь въ своемъ противленіи Богу, Богъ не можетъ почивать въ такихъ людяхъ, которые упорно отвергаютъ Его волю и идутъ противъ Него. Въ виду всего этого вотъ вамъ Божественный приговоръ:

Ст. 38. *Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. Се, оставляется...* „образъ выраженія о предметѣ самомъ вѣрномъ“, о чемъ-нибудь такомъ, что ужъ не подлежитъ ни какому сомнѣнію ⁴⁾. *Домъ вашъ...* одни ⁵⁾ разумѣютъ храмъ, на томъ осно-

¹⁾ Schoettgenii, p. 208.

²⁾ Keil, s. 453 и др.

³⁾ Бесѣд. Злат. стр. 362.

⁴⁾ Knabenbauer, p. 302.

⁵⁾ Зигабенъ, Olshausen, Schoettgenius и др. въ данному мѣсту.

ваніи, что на языкѣ Іудеевъ храмъ по преимуществу назывался домомъ; другіе—думаютъ, что подъ храмомъ разумѣется —страна ¹⁾),—третьи, что все израильское общество ²⁾). Справедливѣе всего думать, что здѣсь рѣчь идетъ именно о храмѣ. Господь обѣщалъ народу еврейскому свое покровительство и защиту, обѣщалъ жить среди своего народа. Видимымъ знакомъ этого и особеннымъ, доступнымъ только нѣкоторымъ лицамъ, мѣстомъ своего обитанія—былъ Іерусалимскій храмъ. Этотъ послѣдній поэтому былъ душею, центромъ всей страны. Еврейскій народъ могъ быть увѣренъ въ своемъ благополучіи, безопасности и въ своей несокрушимой крѣпости до тѣхъ поръ, пока среди него, въ Іерусалимѣ, частнѣе, въ храмѣ обиталъ Самъ Господь, пока этотъ городъ могъ быть еще названъ городомъ великаго Царя (Мѡ. V, 35). Евреи прекрасно знали, что благодатное присутствіе „Славы Божіей“ доставляло Іерусалиму и всей націи особую защиту, безопасность и спасеніе отъ враговъ, и что всего этого не ставало, какъ только „Слава Божія“ удалялась изъ храма (Іез. X, 18—XI, 23). Христосъ говоритъ, что преступленія и упорство Іудеевъ приведутъ и даже привели уже къ тому, что Господь, Высочайшій защитникъ и покровитель еврейскаго народа, имѣвшій среди него Свое обиталище—храмъ, удаляется теперь изъ среды него и оставляетъ пустымъ и свой домъ—храмъ. Рѣчь идетъ здѣсь столько-же о внутреннемъ, невидимомъ присутствіи Божіемъ въ храмѣ, сколько и о видимомъ для всѣхъ присутствіи Его въ плоти среди своего народа. Обѣщаніе Господа жить среди своего народа (Исх. XXIX, 45—46) никогда не исполнялось съ такой полнотою, какъ во дни Христа, когда Богъ тѣлесно сталъ обитать среди избраннаго народа и когда Іерусалимъ больше, чѣмъ когда нибудь могъ быть названъ городомъ великаго Царя. Упорство еврейскаго народа никогда еще не простиралось до такой степени. Отвергнувъ Самаго Сына Божія, Іудеи достигли только того, что Господь оставилъ ихъ и Іерусалимскій храмъ, это особенное мѣсто невидимаго, таинственнаго присутствія Его, домъ Его, опустѣлъ. Теперь Іудеи были

1) De-Wette къ 9 ст.

2) Keim, B. III, s 186.

предоставлены своей собственной участи. Современникамъ разрушенія Иерусалима это было ясно, какъ день. „Должно думать, что Богъ, возгнушавшись великимъ нечестіемъ народа, отвратилъ лице Свое отъ города и не считая уже храма Своимъ, навелъ на насъ Римлянъ, попалилъ городъ огнемъ и предалъ насъ въ порабощеніе съ женами и дѣтьми“,—говорятъ Іосифъ Флавій¹⁾.

Что Христосъ вмѣстѣ съ невидимымъ присутствіемъ своимъ въ храмѣ, разумѣлъ здѣсь и свое тѣлесное пребываніе среди своего народа, это ясно видно изъ слѣдующаго стиха. Итакъ, какъ бы такъ говоритъ Христосъ народу, вы отвергаете Меня, несмотря на то, что Я многократно пытался смягчить сердце ваше и привлечь къ Себѣ. Оставляю и Я васъ, и вашъ храмъ отнынѣ будетъ опустѣвшимъ зданіемъ, домомъ безъ жильцовъ. А что это такъ,

Ст. 39. *Ибо сказываю вамъ: вы не увидите Меня отнынѣ, доколь не воскликнете: благословенъ Грядый во имя Господне..* „И это голосъ любви пламенной, сильно влекущей ихъ не прошедшими только, но и будущими событіями“—замѣчаетъ по поводу этого стиха св. Златоустъ²⁾.

Данное мѣсто нѣкоторые понимаютъ такъ, что здѣсь Христосъ говоритъ о своей смерти и воскресеніи, когда Іудеи дѣйствительно не будутъ уже имѣть возможности видѣть Его такимъ-же образомъ, какъ это было до того, и затѣмъ—о своемъ второмъ пришествіи, когда Іудеи, увидѣвъ Его во всей Его Божественной славѣ, вынуждены будутъ призвать въ немъ своего Царя и Мессію³⁾. Но это будетъ ограниченіемъ мысли даннаго стиха. Слова Христа, повидимому, имѣютъ болѣе широкій смыслъ. Они не указываютъ на опредѣленный историческій моментъ въ будущемъ. Вы, какъ-бы такъ говоритъ Христосъ Іудеямъ, не увидите Меня отнынѣ, не увидите Меня проповѣдывающимъ, влекущимъ васъ къ себѣ, призывающимъ увѣровать и покаяться. А скоро не увидите Меня совсѣмъ. Я оставляю васъ. Вы лишаетесь отнынѣ того покровительства, той любви, какія свыше напрасно

¹⁾ Древн. XX, 8, 5.

²⁾ Бесѣды, стр. 363.

³⁾ См. св. Злат., Евф. Зпгаб. и др. къ нашему стиху.

оказывались вамъ. Теперь вы народъ—оставленный Богомъ. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не раскаетесь, не признаете Меня Спасителемъ, Мессіею, не обратитесь ко Мнѣ и не воскликнете, какъ вы имѣете обыкновеніе восклицать въ честь земныхъ владыкъ: благословенъ Грядый во имя Господне (обычное привѣтствіе царю со стороны народа у евреевъ).. Такимъ образомъ Христосъ указываетъ здѣсь не на опредѣленный объективный моментъ во времени, какъ напр., на второе свое пришествіе, а только на тѣ психологическія, внутреннія условія, при наличности которыхъ евреи могутъ снова привлечь къ себѣ и любовь Божественную, и покровительство, однимъ словомъ, возвратитъ прежнее свое положеніе народа избраннаго. Какъ невѣріе и упорство привели ихъ къ тому, что Господь удалился изъ среды ихъ, такъ покорность, вѣра и признаніе Христа Мессіею снова могутъ привлечь къ нимъ божественную любовь. Слова Христа „доколѣ не воскликнете: благословенъ Грядый во имя Господне“—означаютъ не то, что Іудеи не будутъ имѣть возможности видѣть Христа до тѣхъ поръ, пока Онъ не придетъ вторично, а то, что они могутъ снова увидѣть Христа, если увѣруютъ въ Него. Когда произойдетъ такой психогическій поворотъ въ настроеніи и вѣрованіяхъ Іудеевъ, это неизвѣстно, это тайна для насъ, какъ говоритъ ап. Павелъ (Римл. XI, 25). Для нѣкоторыхъ—онъ уже наступилъ и тѣ очами своей вѣры увидѣли уже во Христѣ своего обѣщаннаго Мессію. А придетъ нѣкогда время, когда имъ послѣдуютъ и всѣ Іудеи, по слову апостола, что „весь Израиль спасется“, что ожесточеніе его не навсегда, а только до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ (Римл. XI, 25—6). Увидите—не очами тѣлесными, а очами вѣры, сердца, о которыхъ Христосъ говоритъ: „видѣвшій Меня, видѣлъ Отца“ (Іоан. XIV, 9).

Господь кончилъ свою обличительную рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ. Надъ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ всѣмъ народомъ еврейскимъ произнесенъ Божественный приговоръ. Книжники и фарисеи, захватившіе въ свои руки духовное руководство народа, считающіе себя истинными учениками Моисея и непогрѣшимыми знатоками и исполнителями его закона, людьми,

которымъ не въ чемъ каяться и которые въ виду своей святости должны первыми войти въ Мессіанское царство, на самомъ дѣлѣ—лицемѣры, старающіеся только о томъ, чтобы ихъ считали за людей святыхъ, а потихоньку продѣлывающіе всякія беззаконія, это люди—осужденные Богомъ на вѣчныя мученія, это—львы рыкающіе, готовые поглотить всякаго, кто выступитъ во имя Господне, это люди, идущіе и ведущіе за собою народъ по путямъ, далекимъ отъ путей Божіихъ. Господь оставилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не исправятся, и не увѣруютъ въ Того, Кто былъ и есть ихъ Мессія. Сказавъ эту рѣчь, Господь закончилъ свою проповѣдническую дѣятельность и какъ бы показывая самымъ дѣломъ, что книжники и фарисеи оставлены Богомъ, покинулъ ихъ и храмъ. Слѣдующіе дни, до тайной вечери, проведены были Христомъ внѣ Іерусалима, по всей вѣроятности въ Виваніи, гдѣ жилъ Лазарь, въ уединенной бесѣдѣ съ своими учениками и друзьями. Обличенные-же Христомъ книжники и фарисеи, снѣдаемые оскорбленнымъ, какъ никогда, самолюбіемъ, составили совѣтъ и рѣшили „взять Іисуса хитростію и убить“ (Мѡ. XXVI, 4). Этимъ они изрекли и свой собственный приговоръ: скоро должна была начаться агонія, которая привела еврейскій народъ къ политической и религіозной смерти. Еврейскій народъ, и безъ того сбитый съ истиннаго религіознаго пути, скоро долженъ былъ потерять и храмъ, и весь свой религіозный строй и, разсѣявшись, погрязнуть еще больше во тьмѣ фарисейскихъ заблужденій, какъ въ чемъ-то такомъ, что можетъ составить единственную надежду и спасеніе его.

Свящ. Григорій Мозолевскій.

СИБИРСКАЯ ЦЕРКОВЬ ДО XVIII ВѢКА.

(Продолженіе *).

Г. Управление и сибирскіе іерархи. Сибирская церковь въ началѣ своего существованія, по однимъ, входила въ составъ патріаршей епархіи и стояла въ непосредственной зависимости отъ патріарха ¹⁾. По другимъ, сибирскія владѣнія находились въ церковной зависимости отъ вологодскаго архіепископа ²⁾. Наконецъ, Словцовъ говоритъ, что „государевы указы, воеводамъ даные до учрежденія архіепископской кафедры, были единственными предначертаніями тогдашняго благоустройства во *всѣхъ* отвошеніяхъ“ ³⁾; слѣдовательно и въ церковномъ. И дѣйствительно, обращаясь къ документамъ этого времени, мы находимъ лишь одни царскія грамоты или указы на имя воеводъ. Въ этихъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на зависимость сибирской церкви отъ вологодскаго архіепископа, такъ что, кажется, вѣрнѣе думать и непосредственной подчиненности сибирскихъ владѣній въ церковномъ отношеніи высшимъ правительственнымъ сферамъ. А воеводы являются, такимъ образомъ, органами церковнаго управленія. Воеводства въ Сибири были высшія и низшія, однако между ними не было подчиненности, и всѣ воеводы относились прямо къ отдаленному приказу въ Москвѣ, непосредственно оттуда получая и всѣ распоряженія. Что касается того приказа, въ вѣдомствѣ котораго находились

^{*}) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19, за 1896 г.

¹⁾ Странн. 65 г. авг. стр. 64; Пр. Об. 66 г. авг. 399 стр.

²⁾ Буцинскій В. и Р. 1890 г. № 21, стр. 563.

³⁾ Ист. об. Сиб. пер. I, стр. 46.

сибирскія дѣла до учрежденія особаго Сибирскаго приказа, то указаніе на это есть въ нѣкоторыхъ старыхъ документахъ. Въ запискѣ о церковномъ чиновначаліи, приказахъ и пр. (отъ 1610—1613 гг.) говорится между прочимъ: „Казанской дворець. У него въ приказѣ всѣ понизовые города и Сибирь... тутъ бываетъ бояринъ да два дьяка“¹⁾. Конечно чрезъ этотъ приказъ шли сношенія и по церковнымъ дѣламъ.

И дѣйствительно мы видимъ, что почти всѣ чисто церковныя дѣла поручались или воеводѣ, или головѣ, или особымъ присылаемымъ въ Сибирь лицамъ, словомъ, свѣтской власти. На ихъ обязанности лежало, напр., приглашеніе священнослужителей. „А князю Петру, читаемъ въ одной изъ грамотъ, и попа велѣли приговаривати“²⁾. Они же давали разрѣшеніе (по приказамъ изъ Москвы) на построеніе церквей и слѣдили за постройкой. „А пріѣхавъ въ Таборы, велѣти князю Петру и церковь поставити и освящати велѣти“, читаемъ въ наказѣ отъ 1594 года³⁾. Наконецъ, воеводы привозили изъ Москвы иконы, церковную утварь, словомъ, „церковное строенье всякое“ и распредѣляли его по церквамъ⁴⁾.

Неудобство такой постановки дѣла, конечно, видно само собою и, вѣроятно, давало себя чувствовать въ самомъ же началѣ. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что отдаленность сибирскихъ владѣній, при трудности путей сообщенія, не давали возможности слѣдить за ходомъ дѣлъ и провѣрять своевременно поступки воеводъ и духовенства, часто злоупотреблявшихъ своею властью и пренебрегавшихъ своими обязанностями въ ущербъ дѣлу церкви. Лишь только кончилось смутное время и наступилъ періодъ сравнительнаго спокойствія, такъ необходимаго для внутренняго благоустройства, правительство обратило вниманіе

1) И. А. т. 2, № 355; ср. отписку кетскаго воеводы сургутскому (Мил. оп. С. ц. 317 стр., прим.) или грамоту Василя Шуйскаго въ Сургутъ (Мил. ів 329 стр., прим.). Ср. еще Мил. ів. стр. 343, прим.; 394, прим.; Р. И. Б. т. 2, № 91 и др.

2) Р. И. Б. т. 2, № 68.

3) Р. И. Б. т. 2, № 56, стр. 112; ср. ів. № 47, 48, 68; И. А. т. 2, № 48; Мил. опис. С. ц. стр. 340; 359; гл. V, § 28, прим.

4) См., напр., Р. И. Б. т. 2, № 56, 60. Впрочемъ доставка священныхъ вещей, напр., мѣра и антиминсовъ, поручалась духовнымъ лицамъ. „А антиминсъ и мѣро и масло посланы съ Москвы съ тобольскимъ чернымъ попомъ съ Авраамьемъ“. Р. И. Б. т. 2, № 47; ср. № 75, 76.

на свою отдаленную вотчину и позаботилось объ ея нуждахъ. Михайль Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ рѣшили открыть въ Сибири самостоятельную епархію (1620 г.). Епархіальнымъ городомъ назначенъ Тобольскъ, и епархія получила названіе Тобольской и Сибирской, а въ виду важваго значенія ея возведена на степень архіепископіи. Архіепископу назначено какъ денежное жалованье въ 200 рублей, такъ и „хлѣбное“ разными припасами ¹⁾. Кроме того, для содержанія архіепископскаго дома отведены и земельныя угодья ²⁾.

Первымъ архіепископомъ былъ назначенъ *Кипріанъ* (старорусеникъ). „По благословенію нашего отца св. патріарха Филарета Никитича, пишетъ царь въ грамотѣ, отправленной въ Тобольскъ, поставленъ въ Сибирь архіепископъ Кипріанъ, и отпускаемъ его вскорѣ изъ Москвы“ ³⁾. Выборъ Кипріана на Сибирскую кафедру былъ очень удаченъ. Это былъ человекъ по своему времени образованный, очень энергичный и что было всего дороже по особому положенію сибирскаго архіепископа, знакомый съ политической дѣятельностью. Будучи въ Новгородѣ архимандритомъ Хутынскаго монастыря, онъ участвовалъ въ посольствѣ Новгородцевъ къ шведскому царевичу Филиппу, при чемъ выказалъ ревность къ православію, не колеблясь подкупомъ, угрозами и пытками ⁴⁾. Онъ же былъ въ Новгородской депутаціи къ Михаилу Ѳедоровичу ⁵⁾. Тутъ онъ и сдѣлался извѣстнымъ царю и патріарху.—Посвященный въ сентябрѣ 1620 года, Кипріанъ чрезъ нѣсколько времени, снабженный всѣмъ необходимымъ, со штатомъ священно-и-церковно-служителей и прислуги отправился на мѣсто назначенія ⁶⁾, куда прибылъ послѣ пятимѣсячнаго путешествія (19 іюня).

1) Буцинскій. В. и Р. 1890 г. № 21; стр. 566, И. А. т. 3, № 93 и 96.

2) Буцинскій, ів.

3) Буцинск. В. и Р. 90 г. № 21, стр. 570.

4) Инокентій. Церк. ист. отд. II, стр. 525.

5) Буцинск. ів. 564.

6) О давныхъ Кипріану дорожныхъ запасахъ см. у Буц. ів. 566. Штатъ свщ. церк. служителей состоялъ изъ протоіеря, ключаря, 3 священниковъ, протодіакона, діакона, пѣвчихъ и понаморей. Кроме того съ Кипр. отправлено 8 старцевъ (монаховъ), нѣсколько боярскихъ дѣтей и приказныхъ. Всѣ отправленные съ Кипріаномъ лица, взяты изъ разныхъ городовъ, напр., Москвы, Новгорода, Вологды и др. Буцинск. ів. 565. примѣч.

Трудно было Кипріану править епархіей, потому что онъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и помощи ни въ духовенствѣ, ни въ свѣтской власти. Отправившіяся съ Кипріаномъ лица еще на пути стали оказывать ему неповиновеніе, — они отстали отъ архіепископа, „ѣхавъ по сторонамъ своимъ произволомъ какъ кто хотѣлъ для самовольства и пьянства“, такъ что въ Верхотурьѣ Кипріану пришлось дожидаться ихъ. И они же собравшись, „безчестіе многое учинили“ архіепископу, укоряя его за то, что онъ завезъ ихъ въ Сибирь ¹⁾. По пріѣздѣ въ Тобольскъ, у Кипріана снова возникли непріятности какъ съ духовенствомъ, такъ и съ воеводой Годуновымъ. Послѣдній не смотря на полученное изъ Москвы предписаніе очистить для временнаго помѣщенія архіепископа свой домъ, не сдѣлалъ этого. А когда, по жалобѣ Кипріана царю, принужденъ былъ уступить, то началъ мстить архіепископу, что, при тогдашнемъ всевластїи воеводъ, было для него весьма возможно. Такъ, онъ отказывалъ Кипріану въ выдачѣ разныхъ запасовъ, вмѣшивался въ подлежащія вѣдѣнію архіепископа дѣла, лишилъ его возможности сноситеся съ инородцами, отнявъ у него толмачей и т. под. ²⁾. Непріятности съ духовенствомъ возобновились опять по нежеланію его служить въ Сибири. Оно отказывалось занимать мѣста и не хотѣло брать жалованья, думая тѣмъ ускорить свое возвращеніе въ Россію. Нѣкоторые сдѣлали было попытку убѣжать, но были захвачены и возвращены. Только устрешенные угрозою правительства разослать ихъ по отдаленнымъ городамъ Сибири, они, наконецъ, помирились съ своимъ положеніемъ ³⁾. Мѣстное духовенство также оказывало противодѣйствіе архіепископу. Не странно поэтому постоянныя жалобы Кипріана на то, что „духовный чинъ его не слушаетъ“. Понятнымъ становится и то, что остальное населеніе мало обращаетъ вниманіе на его распоряженія и пастырскія обличенія. Ничуть не удивительно поэтому, что всѣ труды Кипріана имѣли мало успѣха. Примѣръ можно указать въ слѣдующемъ фактѣ. Кипріанъ, между прочимъ, учредилъ

1) Буцянск. ів. 568—9.

2) Ів. 667—8. Это, впрочемъ, кончилось удаленіемъ Годунова.

3) Ів. 655—6.

должности десятильниковъ. Эти должности занимали свѣтскія лица изъ привезенныхъ архіепископомъ боярскихъ дѣтей. На ихъ обязанности лежали: сборъ каедральныхъ суммъ, наблюдение надъ жизнью духовенства и народною нравственностью и судебное дѣлопроизводство по такъ называемымъ духовнымъ дѣламъ ¹⁾. Однако общество сибирское не могло или, вѣрнѣе, не хотѣло привыкнуть къ суду десятильниковъ. По прежнему обычаю всѣ шли судиться къ воеводамъ, тѣмъ болѣе, что тѣ не отказывали и часто сами вмѣшивались въ духовныя дѣла. „Вѣдомо учинилось, пишетъ царь, что въ Сибирскихъ городѣхъ служилые и всякихъ чиновъ люди въ духовныхъ дѣлѣхъ богомольца нашего архіепископа Кипріана {и его десятильниковъ слушати и подъ судъ къ нему ходити не хотятъ, и научаютъ межъ себя на архіепископа служилыхъ и всякихъ чиновъ людей... шумѣтъ, а вы, воеводы, имъ въ томъ потакаете ²⁾).

Всѣ препятствія и постоянныя неудовольствія утомили Кипріана, и онъ сталъ проситься въ Москву „посмотрѣть государевы очи“. Получивъ разрѣшеніе, онъ уѣхалъ туда (1624 г.) и болѣе не возвращаясь, будучи назначенъ въ Крутицкую епархію ³⁾. Лѣтопись замѣчаетъ о Кипріанѣ, что онъ „въ Сибири будучи... невѣрныхъ многихъ крестилъ... и слабость во многихъ духовныхъ дѣлѣхъ исправилъ и утвердилъ“ ⁴⁾.

На мѣстѣ Кипріана назначается *Макарій* (Кучинъ) изъ боярскаго рода Кучиныхъ, игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря ⁵⁾. Кроткій, уживчивый и мало дѣятельный, онъ безъ особенныхъ непріятностей правилъ своей епархіей. При немъ нѣсколько улучшились отношенія воеводъ къ архіепископской власти. Подѣйствовалъ ли на нихъ примѣръ удаленія Годунова при Кипріанѣ, или вообще воеводы увидѣли необходимость помириться съ этимъ неизбѣжнымъ обстоятельствомъ, какъ бы то ни было, огульнаго противодѣйствія архіепископу со всѣхъ сторонъ не видно. Впрочемъ, это обстоятельство скорѣе объ-

¹⁾ Тоб. еп. вѣд. 83 г. № 1, отд. неоф. 13 стр.

²⁾ И. А. т. 3, № 113.

³⁾ Мил. Еж. соч. 1764 г. 415 стр.; Др. Р. В. III. 141; нѣсколько подробнѣе о разносторонней дѣятельности Кипріана сказано въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Полн. собр. лѣт. (изд. 1879 г.) т. III, 152 стр.

⁵⁾ Др. Р. В. III, 142. 143.

ясняется личнымъ характеромъ и личными отношеніями Макарія къ воеводамъ, потому что уже при слѣдующемъ архіепископѣ снова встрѣчаемся съ всеобщимъ неудовольствіемъ на него.

Макарій стоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ не только съ тобольскимъ воеводою Сулешовымъ, но и съ воеводами, отдаленныхъ городовъ. Въ его время мы видимъ единственный примѣръ, что воеводы даютъ отчетъ архіепископу въ своихъ дѣлахъ. Верхотурскіе воеводы прислали Макарію „роспись службъ своихъ и прибылей, какія они учинили государю“¹⁾. Конечно, это не былъ оффиціальный документъ, и тѣмъ болѣе это обстоятельство указываетъ на то значеніе архіепископа, какое онъ имѣлъ въ глазахъ воеводъ. Благодаря хорошимъ отношеніямъ свѣтской власти къ архіепископу, судъ его десятильниковъ получаетъ силу и значеніе. Въ Березовѣ, одномъ изъ отдаленныхъ отъ Тобольска городовъ, воевода самъ предложилъ десятильнику и поповскому старостѣ „учинить наказанье“ одному священнику за его предосудительный поступокъ на обѣдѣ у воеводы²⁾. Кстати замѣтить, упоминаніе о поповскимъ старостѣ впервые встрѣчается въ указанномъ документѣ. Нужно думать, что эта должность учреждена при Макаріѣ.—Архіепископъ Макарій управлялъ паствою въ теченіе 10 лѣтъ и скончался въ Тобольскѣ въ 1635 году³⁾.

Третьимъ архіепископомъ на сибирской кафедрѣ былъ *Нектарій*, игуменъ Ниловой пустыни⁴⁾ (съ 1636 г.). Это былъ строгій монахъ и отличался какъ личнымъ аскетизмомъ, такъ и строгимъ отношеніемъ къ монашествующимъ. Извѣстно, напр., что онъ замѣнилъ выдачу вина на архіепископскій домъ выдачею меда⁵⁾. Его аскетизмъ отлично характеризуются однимъ изъ его писемъ къ придворному боярину. Вспоминая время своего послушанія въ Ниловой пустыни, Нектарій съ любовью говоритъ о побояхъ, вынесенныхъ имъ отъ „честныхъ рукъ“ духовнаго отца, который бивалъ его чѣмъ ни попало, иногда

¹⁾ „Это было въ 1627 году. Буццвск. В. Р. 91 г. № 7, стр. 410.

²⁾ Р. И. Б. т. 8, № 11, XI, 380.

³⁾ Др. Р. В. III, 155.

⁴⁾ Др. Р. В. III, 156; Странн. 66 г. т. I, 67 стр.

⁵⁾ А. А. Э. т. 4, № 165. Буццвскій. В. и Р. 91 г. № 10, стр. 578; Тоб. еп. ч. 2, стр. 18.

такъ, что „едва дыханіе бысть въ немъ“¹⁾. Съ малолѣтства поступивши въ монастырь и совершенно незнакомый съ мірскою жизнью и административной дѣятельностью, Нектарій не могъ быть хорошимъ управителемъ епархіи, не могъ стать въ добрыя отношенія съ обществомъ. Его попытки ввести строгій монашескій уставъ озлобили на него монаховъ, а неспособность принаровиться къ условіямъ общественной жизни сдѣлала неприязненными отношенія духовенства, свѣтской власти и общества. Уже постоянные доносы, можетъ быть, въ большинствѣ и несправедливые, идущіе со всѣхъ сторонъ—и отъ воеводъ, и отъ монашествующихъ, и отъ боярскихъ дѣтей, наконецъ, отъ „софійскихъ людей“²⁾, свидѣлствуютъ, что Нектарій навлекъ на себя неудовольствіе всѣхъ. Очень понятно, поэтому, что онъ не имѣлъ никакого авторитета. Снова воеводы вмѣшиваются въ церковныя дѣла и совершенно пренебрегаютъ архіепископомъ, ставя его иной разъ въ совершенно безвыходное положеніе, какъ было, напр., въ дѣлѣ Саввы Французавина съ архіепископомъ и со старшимъ Тобольскимъ воеводой. Дѣло дошло до того, что самъ Нектарій былъ обвиненъ въ государевомъ „словѣ и дѣлѣ“, а потому лишился возможности участвовать въ судѣ³⁾. Извѣстны также факты, что воеводы безъ вѣдома архіепископа давали отпускъ священникамъ своего города. Такъ поступили воеводы Мангазейскій и Верхотурскій⁴⁾. Всѣ подобныя непріятности вынудили Нектарія, привыкшаго къ безмятежной монастырской жизни, обратиться въ Москву съ просьбой объ увольненіи (1639 г.). Просьба была удовлетворена, и въ слѣдующемъ году Нектарій уѣхалъ въ Москву, сложилъ тамъ санъ и удалился въ любимую Нилову пустынь, гдѣ прожилъ до самой смерти (1666 г.⁵⁾.

Его преемникомъ былъ *Герасимъ* (Кремлевъ), игумень Новгородскаго Тихвинскаго монастыря⁶⁾. Свое десятилѣтнее уп-

1) Русск. Архивъ. 1873 г. № 9, ст. 1774.

2) Буцинскій, ib. 585. 586—90. Названіе „софійскихъ людей“ носили лица, жившія при архіепископскомъ домѣ, который назывался софійскимъ по главной церкви.

3) Буцинск. ib. 586—90.

4) Ib. 592. 593.

5) Р. А. ib. Др. Р. В. III, 160. 162.

6) Др. Р. В. III, 164. Амвросій. Ист. р. іер. ч. I, стр. 110.

равленіе Герасимъ провелъ въ постоянной враждѣ съ разными лицами и въ перепискѣ съ Москвой по ихъ жалобамъ. Это былъ человѣкъ жестокій, пристрастный, неуступчивый и большой сутяга. Его притѣсненія закладчиковъ архіепископскаго дома, его жестокія „смиренія“ разныхъ лицъ то тюрьмою, то мукосѣйней, то батогами и т. п. служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ первой указанной черты его характера. Замѣчательно, что на его жестокость жалуется даже воевода, и это обстоятельство даетъ намъ еще большее право на высказанную мысль. Дѣло въ томъ, что прежде при неудовольствіяхъ между воеводами и архіепископомъ дѣло рѣдко доходило до жалобъ первыхъ на послѣдняго. Вѣроятно, воеводы сознавали свою виновность и ограничивались поэтому только домашней враждой. Если же и бывали несправедливыя жалобы на архіепископа, то правительство оставляло ихъ безъ вниманія. Жалобамъ же на Герасима въ Москвѣ вѣрили. Царь прямо и рѣзко пишетъ Герасиму, чтобы онъ „впредь отъ такого дурна унялся и оставляетъ безъ отвѣта его челобитную о назначеніи слѣдствія. Пристрастіе Герасима видно въ его снисхожденіи всякимъ поступкамъ своихъ родственниковъ, привезенныхъ имъ съ собой изъ Россіи. Замѣчательно, что всѣ они были люди слишкомъ распущенные, и благодаря лишь родству съ архіепископомъ избѣгали наказанія. Племянникъ Герасима, бывшій экономъ при архіепископскомъ домѣ, окончательно растратилъ все хозяйство, однако все ему сходило съ рукъ. Сутяжничество было, кажется, страстью Герасима; онъ не оставляетъ безъ отвѣта ни одной жалобы и свои отписки по нимъ наполняетъ извѣтами на своихъ враговъ. А въ одной изъ нихъ, написанной по поводу жалобы, гдѣ Герасима обвиняли въ „воровскихъ статьяхъ, разномъ дурнѣ и безчиніи“, онъ огульно обвиняетъ всѣхъ, жалующихся на него „своеобычныхъ и жестокосердыхъ людей“¹⁾. Постоянно озабоченный занятіями по личнымъ дѣламъ, Герасимъ, кажется, пренебрегалъ своими главными обязанностями по управленію епархіей. Епархіальныя дѣла были во многихъ отношеніяхъ запущены, такъ что на его преемника легла обя-

¹⁾ Все, что касается характеристикъ Герасима, подробнѣе можно видѣть у Будиныхъ. В. и Р. 1891 г. № 10.

запность исправлять эти недостатки. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Герасимъ проявлялъ большую энергію. Нарымскій воевода Чаадаевъ пожелалъ обвѣнчаться четвертымъ бракомъ, но Герасимъ запретилъ священнику Нарымскаго острога совершать этотъ бракъ. Когда же священникъ, не взирая на запрещеніе, обвѣнчалъ Чаадаева, то Герасимъ сдѣлалъ донесеніе въ Москву, и дѣло передано на его „святительское разсмотрѣніе“. По его рѣшенію оно кончилось разводомъ ¹⁾.

По смерти Герасима (1650 г.) былъ назначенъ на сибирскую кафедру образованный и просвѣщенный игуменъ Боровскаго Пафнутаева монастыря—*Симеонъ* ²⁾. По своему образованію онъ былъ извѣстенъ и имѣлъ значеніе въ Москвѣ. До своего опредѣленія въ Сибирь Симеонъ былъ справщикомъ книгъ, а въ 1554 году изъ Tobольска призывался на соборъ по поводу книжныхъ исправленій. Позднѣе, послѣ оставленія сибирской кафедры, онъ снова сдѣланъ справщикомъ при Чудовомъ монастырѣ ³⁾. Посвященный въ Москвѣ 9 марта 1651 г., Симеонъ въ концѣ этого года явился въ Tobольскъ ⁴⁾. Здѣсь онъ энергично занялся своимъ дѣломъ,—приглашалъ духовенство, исправлялъ церковные недостатки по чтенію и пѣнію при богослуженіи, вводилъ новоисправленныя книги, заботился объ исправленіи религіозно-нравственныхъ недостатковъ паствы, отправляя по епархіи обличительныя грамоты и пр. ⁵⁾. Вызванный въ 1663 году по какимъ то дѣламъ въ Москву, Симеонъ „смирненія ради“ въ слѣдующемъ году сложилъ санъ ⁶⁾.

Въ это время, какъ мы видѣли, сибирскія владѣнія распространились далеко на Востокъ, такъ что Сибирская епархія сдѣлалась, кажется, самою обширною по своимъ размѣрамъ. Tobольская кафедра, такимъ образомъ, благодаря этому, съ одной стороны, а также и все увеличивающейся трудности управленія ею, наконецъ, благодаря распространяющемуся тамъ расколу, получила большое значеніе въ ряду другихъ епархій

¹⁾ Ист. Вѣстн. 1890 г. № 7, стр. 204—205.

²⁾ Др. Р. В. III, 181; Амвр. Ист. р. іер. ч. I, стр. 110.

³⁾ Tob. ен. вѣд. 78 г. № 21—22; стр. 424. Др. Р. В. III, 184.

⁴⁾ Буцвикск. ів. 613; Др. Р. В. III, 181. Др. церк. гр. Мелетія, № 1.

⁵⁾ Др. Р. В. III, 181; Амвр. ів. 110.

⁶⁾ Странн. 67 г. III, 43 стр.

русской церкви. По этой причинѣ при преемникѣ Симеона Корнилии она возведена на степень митрополіи.

Архіепископъ *Корнилій*, бывшій архимандритъ Спасскаго Хутынскаго монастыря, изъ воспитанниковъ Новгородскаго училища при архіерейскомъ домѣ, поставленъ на Сибирскую кафедру 24 іюня 1664 года ¹⁾. Послѣ трехгодичнаго управленія епархіей Корнилій вызванъ въ Москву для возведенія въ митрополиты. 25 мая 1668 года посвященіе состоялось, и Сибирская митрополія поставлена четвертой въ ряду митрополій русской церкви ²⁾. Митрополитъ Корнилій довольно успѣшно правилъ епархіей въ теченіе 10 лѣтъ и умеръ въ Тобольскѣ въ Знаменскомъ монастырѣ, куда перешелъ послѣ пожара, уничтожившаго архіепископскій домъ (1678 г.) ³⁾.

На слѣдующій годъ прибылъ въ Тобольскъ новый митрополитъ *Павелъ*, до того бывшій архимандритомъ Московскаго Чудова монастыря ⁴⁾. На долю митрополита Павла выпало еще болѣе заботъ, чѣмъ для прежде бывшихъ іерарховъ. Съ одной стороны, размѣры епархіи не позволяли успѣшно слѣдить за ходомъ дѣлъ, которыя при небрежныхъ исполнителяхъ сильно запускались; далѣе, нужно было положить много заботъ и трудовъ по устройству открывавшейся миссіи и, наконецъ, предстояла борьба съ расколомъ, могущественно распространявшимся по Сибири и проявлявшимся въ дикихъ, изуверныхъ поступкахъ. Кромѣ того, и православный элементъ епархіальнаго населенія требовалъ большихъ заботъ. На все это митрополитъ Павелъ положилъ не мало трудовъ. Его мѣры по устройству миссіи мы видѣли; съ противораскольнической дѣятельностью познакомимся въ своемъ мѣстѣ, о мѣрахъ по исправленію недостатковъ поствы также будетъ упомянуто, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ его распоряженіяхъ по церковному управленію вообще.—Передавая Даурскую десятину въ вѣдѣніе игумена Θεодосія, начальника миссіи ⁵⁾, Павелъ

¹⁾ Др. Р. В. III, 197; Амвр. ib. 110; Тоб. еп. ч. 2, стр. 25.

²⁾ Др. Р. В. ib. 203—204.

³⁾ Ib. 231.

⁴⁾ Др. Р. В. III, 234; Амвр. ib. 110.

⁵⁾ До того времени эту должность занималъ боярскій сынъ Бѣллаевъ. Др. ц. гр. № 13.

даетъ послѣднему подробную инструкцію: „Указали мы, пишетъ онъ, вѣдати церковныя догматы и духовныя дѣла... и тыбъ судилъ во всякихъ дѣлахъ духовный чинъ, черныхъ и бѣлыхъ поповъ и дьяконовъ и иноковъ и инокинь и церковныхъ причетниковъ и мірскихъ всякихъ чиновъ людей, кто на кого въ чемъ побьетъ челомъ... а о церковныхъ правилѣхъ, чего тебѣ разсудити не довелось, отписывался къ намъ въ Tobольскъ... да тебѣ же... надъ попами смотрѣть, чтобъ у нихъ въ церквахъ Божіихъ было благочинно... буде которые учнутъ жити нечестиво... смирялъ и подъ началъ посылалъ; аще ли не накажутъ, въ Tobольскъ посылалъ“¹⁾. Такимъ образомъ, съ передачей должности десятильника въ руки духовнаго лица, увеличились его права и обязанности. Десятильникъ изъ свѣтскихъ лицъ только имѣетъ надзоръ надъ духовенствомъ, а духовному лицу передается уже право наказанія провинившихся. Впрочемъ, перемѣна свѣтскихъ десятильниковъ духовными ограничилась, кажется, одною Даурской десятиной. По крайней мѣрѣ, свѣдѣній о подобной перемѣнѣ въ другихъ мѣстахъ не находимъ, а съ другой стороны, извѣстно, что въ Якутской десятинѣ, настолько же отдаленной отъ каѳедральнаго города, какъ и Даурская, десятиникомъ было свѣтское лицо, именно, боярскій сынъ Иванъ Захаровъ²⁾. То же было и въ другихъ, болѣе приближенныхъ десятинахъ, напр., Томской,³⁾ такъ что перемѣна въ Даурской десятинѣ обуславливалась просто благопріятною случайностью.

Послѣ 12-лѣтняго служенія митрополитъ Павелъ заболѣлъ, — съ нимъ случился параличъ, — „отнять у него языкъ и правая рука и нога: и бысть яко младенецъ гугнивъ“. Получивъ небольшое облегченіе, Павелъ отправился въ Москву, но на дорогѣ болѣзнь усилилась, и онъ скончался, „не доѣхавъ Соли Камской на Верхотурскомъ волоку, зовомомъ на Чикманѣ“⁴⁾.

Послѣднимъ сибирскимъ митрополитомъ въ 17 вѣкѣ былъ *Иматій* Римскій—Корсаковъ, архимандритъ Новоспасскаго

¹⁾ Др. ц. гр. № 13.

²⁾ Др. ц. гр. № 20. 21.

³⁾ 3 посл. м. Игнатія, стр. 131. Казань 1855 г.

⁴⁾ Др. Р. В. III, 277; Амвр. ib. 110.

Московского монастыря ¹⁾. Біографія этого митрополита не лишена интереса. Происходя изъ боярскаго рода, онъ былъ стольникомъ при царскомъ дворѣ и по любви къ уединенной жизни удалился въ Соловецкій монастырь. Употребляя досужное время на чтеніе книгъ, онъ получилъ здѣсь солидное образованіе. Изъ его сочиненій извѣстны: 1. *Историческое извѣстіе о путешествіи въ Костромской и Кинешемскій уѣзды* ²⁾, куда Игнатій ѣздилъ въ 1687 году по порученію правительства для собесѣдованій съ раскольниками, будучи уже въ Новоспасскомъ монастырѣ. 2. *Историческое извѣстіе о Россійскомъ царствѣ, составленное отъ святаго писанія и отцевъ*; 3. *Слово къ воинству*; ³⁾ 4. *Благочестивыя святыя соборныя и апостольскія восточныя церкви, греческаго православія, отъ божественныхъ писаній собранное Игнатіемъ, іеромонахомъ Спасова Новаго монастыря архимандритомъ, на лютеранскій еретическій катхисисъ воззобличеніе* ⁴⁾; 5. *Предисловіе къ ирмологію*; 6. Написанныя въ бытность Сибирскимъ митрополитомъ три пастырскія посланія и 7. *Сказаніе о жизни, чудесахъ и открытіи мощей преп. Симеона Верхотурскаго* ⁵⁾.

На Сибирскую кафедру Игнатій назначенъ въ 1692 году и здѣсь онъ пробылъ до 1700 года, когда вызванъ по какимъ то дѣламъ въ Москву ⁶⁾. Помѣстившись здѣсь въ Рязанскомъ подворьѣ, онъ представлялся царю ⁷⁾, но вскорѣ съ нимъ случилось несчастіе. „Отъ безсонницы великой, яко ли мало сна приеметь и пищу едва ясть, или отъ чего инаго, повредися въ

¹⁾ Др. Р. В. ів. 278; Амвр. ів. 110; Евгеній Слов. о пис. д. ч. I, стр. 194, 195. Tob. еп. вѣд. 84 г. № 12, стр. 263.

²⁾ Этого сочиненія нѣтъ въ печати. Tob. еп. вѣд. ів. 265; Евг. ів. I, 195.

³⁾ И эти сочиненія находятся лишь въ рукописяхъ.

⁴⁾ Воззобличеніе напечатано въ чтен. въ общ. ист. и древн. за 1884 г. ч. III. Матер. истор.—янтер. стр. 1—9. Можетъ быть, Игнатію принадлежит и другое, напечатанное тутъ же (10—32 стр.) сочиненіе подъ заглавіемъ: *Слово на Латиновъ и Лютеровъ: яко оз Московстѣмъ царствіи и во всей россійстѣй землѣ не подобаетъ имъ костела и керки еретическихъ своихъ вѣръ соиздати.*

⁵⁾ Посланія Игнатія отпечатаны (Казань 1855 г.), а сказаніе остается въ рукописи. См. объ этихъ соч. Tob. еп. вѣд. ів. 265; Евг. ів. I, 195.

⁶⁾ Др. Р. В. III, 280; Ев. ів

⁷⁾ Др. цер. грам. № 79.

умѣ“, какъ доносить патриархъ Адрианъ царю ¹⁾. Помѣшательство выразилось, какъ видимъ изъ того же донесенія, въ томъ, что Игнатій дважды нанесъ оскорбленіе патриарху и другимъ епископамъ въ Крестовой палатѣ. Адрианъ помѣстилъ было Игнатія въ Чудовъ монастырь, а затѣмъ „ради его сохранства, донележе Господь дастъ ему смыслъ совершенъ“, отослалъ его въ Симоновъ монастырь ²⁾. Здѣсь Игнатій и умеръ въ началѣ 1701 года ³⁾.

Что касается его дѣятельности на Tobольской каедрѣ, то въ этомъ отношеніи должно отдать полную справедливость энергіи, съ какою онъ дѣйствовалъ по искорененію раскола, по исправленію нравственности народной и по поддержанію церковнаго благочинія. Игнатій первый изъ сибирскихъ епископовъ сталъ совершать поѣздки по епархіи для основанія „въ неимущихъ мѣстѣхъ святыхъ Божіихъ церквей, проповѣди Святаго Евангелія и истребленія арменскаго ученія“ (т. е. раскола) ⁴⁾. Въ правленіе Игнатія окончательно рѣшенъ вопросъ о сословіи, къ какому должны принадлежать десятильники. Въ 1698 году сдѣлано распоряженіе о назначеніи десятильниковъ исключительно изъ духовенства. Это распоряженіе вызвано злоупотребленіями десятильниковъ изъ свѣтскихъ лицъ. Въ Москвѣ „вѣдомо учинилось, что... преосвященнаго Игнатія... дѣти боярскія посланы во всѣ Сибирскіе города десятильниками: и тѣ десятильники... нападками своими ложными многіе чинятъ разоренія и обиды и налоги и заставляютъ дѣвокъ и вдовъ говорить ложно на добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей емлютъ себѣ взятки великія“. Предписывая воеводамъ по этому случаю разслѣдовать дѣла и доносить митрополиту, царь вмѣстѣ отсылаетъ Игнатію указъ ставить въ десятильники „чина духовнаго людей добрыхъ и искусныхъ, которые правосудія въ дѣлахъ духовныхъ чинили съ кротостію и такова бѣ руганія и продажи православнымъ христіанамъ не чинили“ ⁵⁾.

1) Устряловъ. Ист. царств. П. В. т. 3: прилож. VII, № 61.

2) Устряловъ. *ib.* № 66.

3) Тоб. еп. вѣд. *ib.*

4) П. А. т. 5, № 249.

5) П. А. т. 5, № 273; П. С. З. т. 3, № 1601.

Не лишне замѣтить въ заключеніе этого отдѣла объ исключительномъ положеніи сибирскихъ іерарховъ по отношенію къ гражданской власти въ Сибири. Дѣло въ томъ, что, кромѣ назначенія своего къ чисто церковной дѣятельности, сибирскіе архіепископы служили органомъ гражданскаго правительства по контролю воеводъ. Такія полномочія были даны еще первому архіепископу. По данной ему грамотѣ, видимъ, что ему поручалось наблюденіе за дѣятельностью воеводъ и за матеріальнымъ положеніемъ русскаго и инородческаго общества. „А увѣдаетъ архіепископъ у боярина или воеводъ и дьяковъ какое небреженіе, а людямъ отъ кого насильство и напрасные налоги, и архіепископу говорить о томъ боярину, воеводамъ и дьякамъ дважды и трижды и не послушаютъ они, то писать къ государю и патриарху“. „Тебѣ бѣ, богомольцу нашему, пишетъ государь Кипріану, поразсмотрѣть надъ нашими торговыми и служилыми людьми, надъ посопными и пашенными крестьянами—кто сколько пашни пашетъ на себя и па насъ; да *по своему усмотрѣнію и по совѣту съ бояриномъ нашимъ съ товарищами* положить на торговыхъ людей оброкъ“¹⁾. Въ „памяти“ Макарію точнѣе опредѣляется сфера вліянія архіепископа въ гражданскихъ дѣлахъ. „Держати архіепископу, читаемъ здѣсь, съ бояриномъ и воеводами и діаки совѣтъ о великихъ государевыхъ дѣлахъ, опричь кровныхъ и убойственныхъ дѣлъ“. Въ дѣлахъ такого характера архіепископъ не только не имѣетъ участія, но свѣтской власти даже вмѣняется въ обязанность не открывать своихъ мыслей относительно подобнаго рода дѣлъ²⁾. Такими полномочіями, можетъ быть, можно объяснить и то неудовольствіе, которое было вызвано учрежденіемъ архіепископін, и всю ненависть къ архіепископу тѣхъ изъ воеводъ, для которыхъ участіе архіепископа служило препятствіемъ къ ихъ самовольнымъ поступкамъ.—Не видно, къ сожалѣнію, пользуются ли всѣ сибирскіе іерархи своими правами въ указанномъ отношеніи. Навѣрное можно сказать только о Кипріанѣ, который болѣе другихъ слѣдилъ за всѣми сторонами сибирской жизни. Недаромъ онъ получалъ благодарности отъ царя. „Ты,

1) Буцискій В. и Р. 90 г. № 23; стр. 641. 642. 643, 648. Ср. И. А. т. 3, № 113.

2) Ивановъ. Опис. гос. арх. ст. дѣлъ. стр. 265—666.

богомолецъ нашъ, пишетъ ему послѣдній, то учинилъ гораздо, что о нашемъ дѣлѣ радѣешь и всякихъ людей нужу разсмотришь и намъ о томъ вѣдомо чинишь“¹⁾). Кажется, чаще они ограничиваются лишь донесеніями въ Москву. Впрочемъ, и это имѣло большое значеніе. Помимо архіепископа надъ воеводами не было контроля, и такимъ образомъ эти деспоты, каковыми въ огромномъ большинствѣ были воеводы, имѣли бы большую возможность безнаказанно творить свои безобразія. Авторитетъ же архіепископа, если не какъ духовнаго лица, то какъ правительственнаго органа, пользующагося большимъ довѣріемъ царя, имѣлъ, конечно, свое сдерживающее вліяніе. И если мы при этомъ условіи видимъ то ужасное воеводское самоуправство, съ которымъ мы отчасти уже познакомились (и о которомъ ниже будетъ сказано подробнѣе), то можемъ себѣ представить, что могло бы быть при отсутствіи этого сдерживающаго начала.

Д. Духовенство; его матеріальное положеніе и нравственное состояніе. Если колонизаторы Сибири не могли обходиться безъ храмовъ, тѣмъ болѣе имъ нужны были священники для исполненія тѣхъ христіанскихъ обязанностей, которыя невозможны безъ духовенства. И дѣйствительно духовенство является въ Сибири на первыхъ же порахъ. Еще при отрядѣ казаковъ Ермака, по свидѣтельству Миллера, имѣлись лица священнаго сана, именно, „три попа и одинъ бѣглый монахъ“²⁾). Іоаннъ Грозный, узнавъ о покореніи Сибири, послалъ туда 10 священниковъ³⁾). Въ дальнѣйшее время Сибирь снабжалась духовенствомъ также изъ Россіи; преимущественно по царскимъ указамъ священно и церковно-служителей переводились изъ ближайшихъ къ Сибири російскихъ городовъ. Такъ, къ Табаринской церкви въ 1592 году назначенъ былъ священникъ изъ Перми, а діакопъ изъ Ростова. „А попа въ тотъ новый городъ велѣно ему (Горчакову) взять изъ Перми Углетцкого, а діакона, ѣдучи въ Сибирь, взять въ Ростовѣ, котораго владыка велѣлъ выбрать“⁴⁾). Изъ Перми же переведенъ былъ священникъ

1) Буцинскій. В. и Р. 90 г. № 23, стр. 669.

2) Мил. Ол. С. и. 97 стр.

3) Карамзинъ. Ист. гос. рос. (изд. 1821 г.) т. IX, VI, стр. 399.

4) Р. И. Б. т. 2, № 56.

въ Верхотурье. „Билъ памъ челомъ, читаемъ въ одной грамотѣ, верхотурскаго города попь Левонтей, а сказалъ: присланъ онъ изъ Перми Великой“ ¹⁾. Въ 1600 или 1601 году въ Тюмень изъ Россіи же посланы были „черный попь Никонъ, да церковный дьячекъ Евтифейко Ѳомиинъ“ ²⁾. Иногда, впрочемъ, въ отдаленные сибирскіе города духовенство переводилось изъ сибирскихъ же приходоѡ. Напримѣръ, въ Туринскую слободу „попа велѣли послати съ Верхотурья“ ³⁾, а въ Мангазею переведенъ Березовскій священникъ ⁴⁾. Однако духовенства въ Сибирскомъ краѣ было недостаточно. Какъ только явился въ Верхотурье первый сибирскій архіепископъ, къ нему отовсюду пошли просьбы относительно духовенства. Жители Табаринской слободы писали ему, что они „живуть скотски, помирають безъ дароѡ и покаянія... младенцы некрещенными живутъ многое время... а попа нѣтъ“ ⁵⁾. Подобныя требованія шли и изъ другихъ мѣстъ, напр., изъ Березова, Тары, Сургута, Томска, Нарыма ⁶⁾. Недостатокъ этотъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что русскіе духовенство неохотно переходило въ Сибирь ⁷⁾, а мѣстные жители, съ другой стороны, или были недостойны приѡма въ духовное званіе или вовсе отказывались (какъ свидѣтельствуеть Киприанъ), не смотря на разрѣшеніе царя, который писалъ о томъ воеводѣ ⁸⁾. Тотъ же недостатокъ въ духовенствѣ видимъ при всѣхъ архіепископахъ 17-го вѣка. Макарій немедленно по приѣздѣ жалуется на это, тѣмъ болѣе, что привезенныя Киприаномъ лица или умерли или получили разрѣшеніе отправиться въ Россію ⁹⁾. „А вновь, пишетъ Макарій царю, изъ мірскихъ людей никто не ставится“ ¹⁰⁾. Поэтому „въ городахъ и острогахъ (даже въ самомъ епархіальномъ городѣ) черными и бѣлыми попами скудно... многіе люди

1) И. А. т. 2, № 37.

2) Р. И. Б. т. 2, № 75, 76.

3) *ib.* № 47.

4) Мил. Еж. соч. 1764 г. 37 стр.

5) Буцинскій. В. и Р. 90 г. № 23, стр. 648.

6) *ib.*

7) Почему—ниже будетъ сказано.

8) Буцинскій. *ib.* 649.

9) Буц. В. и Р. 91 г. № 7, 412 стр.; И. А. т. 3, № 137; Р. И. Б. т. 8, № 11, VIII.

10) Буцинскій, *ib.*

помирають безъ покаянія и безъ причастія“. Правительство не скоро отозвалось на посылаемыя Макаріемъ просьбы о назначеніи въ Сибирь духовенства,—только въ 1635 году Вологодскій архіепископъ Варлаамъ получаетъ изъ Москвы приказаніе назначить для отправленія въ Сибирь нѣсколько духовныхъ лицъ ¹⁾, именно: протоіерея, 2 іеромонаховъ и 3 священниковъ—лицъ „добрыхъ, крѣпкожителейныхъ и духовныхъ учителей, а не бражниковъ“ ²⁾. Долго не было изъ Вологды свѣдѣній объ исполненіи даннаго распоряженія, наконецъ, пришелъ отъ вологодскаго воеводы докладъ, что въ „сѣзжую избу“ присланы: ключарь Григорій, 2 іеромонаха и бѣлые попы. Михаилъ Ѳедоровичъ въ отвѣтъ на это шлетъ грамоту, въ которой приказываетъ выбрать еще архимандрита, 5 іеромонаховъ и 10 или 12 бѣлыхъ священниковъ ³⁾. Снова потребовалось много времени для выбора, и царь, долго не получая отъ Варлаама свѣдѣній, шлетъ ему новую грамоту съ указомъ. „А то ты, богомолецъ нашъ, пишетъ онъ, учинилъ оплошно“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, понимая причины замедленія и трудность выбрать достойныхъ лицъ, назначаетъ отправляемымъ большое вспомошествованіе ⁴⁾. Наконецъ дѣло уладилось,—духовенство было набрано, хотя и въ меньшемъ опредѣленномъ числѣ. Отправились въ Тобольскъ: архимандритъ Герасимъ, протопопъ Григорій Пототуринъ, іеромонахи—Тимофей, Нафанаилъ, Питиримъ и священники—Кириллъ, Кирьякъ, Аѳанасій, Ипатій, Иванъ и Аѳанасій ⁵⁾. Это—отправившіеся по назначенію. Кромѣ нихъ, „написались своею волею ѣхать въ Сибирь“ іеромонахи—Герасимъ, Меркурій и священники—Стефанъ, Аввакумъ, Ермолай, Симеонъ ⁶⁾. Явившись въ Тобольскъ всѣ они немедленно распредѣлены по мѣстамъ. Нужда, одинаково продолжавшаяся при Нектаріѣ, Герасимѣ, Симеонѣ и Корниліи ⁷⁾, нѣсколько уменьшается при

¹⁾ Замѣчательно, что потребовалось прямое назначеніе; очевидно, добровольцами никто не отправлялся.

²⁾ Р. И. В. т. 2, № 164, I.

³⁾ Р. И. В. т. 2, № 164, I, 584—586 ст.

⁴⁾ *ib.*

⁵⁾ *ib.* IV, ст. 592. 595—6.

⁶⁾ Буцинск. *ib.* 413. 414, прим.

⁷⁾ Буцинск. *ib.* 91 г. № 10, 593 стр. Хотя отъ времени Герасима не оста-

послѣднихъ двухъ митрополитахъ, вѣроятно, потому, что съ того времени стали появляться и мѣстные кандидаты или изъ церковнослужителей или даже изъ свѣтскихъ лицъ. Такъ, въ Спасскую церковь въ Иркутскѣ въ 1687 году поставленъ протоіереемъ дьячекъ Иванъ Терентьевъ ¹⁾, въ Братскомъ острогѣ въ 1690 году—„братскаго острога житель Иванъ Григорьевъ ²⁾, въ 1691 году въ Киренскій Троицкій монастырь діаконъ Иванъ Дмитріевъ ³⁾ и въ Кабанскій острогъ священникъ Иванъ Ѳедоровъ ⁴⁾ также изъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, и изъ Россіи духовенство шло уже охотнѣе. Впрочемъ, по мѣстамъ и теперь еще чувствуется недостатокъ. Когда Якутскій священникъ Стефанъ былъ вызванъ въ Тобольскъ, то прихожане просили оставить его, „потому что де въ Якуцку бѣлаго священника, кромѣ его, Стефана, нѣту“ ⁵⁾.

Причиною недостатка въ духовенствѣ, какъ мы видѣли, является, съ одной стороны, отсутствіе достойныхъ кандидатовъ среди сибирскаго населенія или нежеланіе заслуживающихъ того лицъ идти въ духовное званіе; съ другой—неохотное переселеніе російскаго духовенства въ сибирскую епархію. Все это обусловливалось положеніемъ духовенства въ Сибири, именно, какъ недостаточнымъ обезпеченіемъ его въ матеріальномъ отношеніи, такъ, главнымъ образомъ, зависимостью отъ воеводскаго произвола. Въ послѣднемъ отношеніи не лишне привести слова Словцова относительно условій сибирской жизни того времени. „Судя по воспрещеніямъ наказовъ, говоритъ онъ, надлежало или жить въ лишеніи обыкновенныхъ житейскихъ отрадъ или выкупать необходимыя отрады у воеводъ“ ⁶⁾. Это съ одной стороны. Съ другой—насильственные поступки воеводъ надъ духовенствомъ—не рѣдкость въ то лось требованій духовенства, однако нельзя думать, что нужды въ немъ не существовало. Дѣло въ томъ, что Герасимъ вообще недостаточно усердно заботился объ епархіальныхъ нуждахъ, а его преемникъ немедленно по приѣздѣ шлетъ просьбы о духовенствѣ.

¹⁾ Др. ц. гр. № 14.

²⁾ Ib. № 32.

³⁾ Ib. № 52.

⁴⁾ Ib. № 42.

⁵⁾ Др. ц. гр. № 22.

⁶⁾ Ист. об. Сиб. пер. I, стр. 50.

время въ Сибири. Если воеводы могли допускать противодѣйствія высшей церковной власти—архіепископу, то поступки ихъ по отношенію къ низшему духовенству были еще болѣе безцеремонными. Туринскій воевода не пустилъ въ монастырь назначенныхъ Кипріаломъ лицъ. То же самое было и въ другихъ городахъ ¹⁾. Старцы Верхотурскаго Никольскаго монастыря терпѣли притѣсненіе отъ воеводъ ²⁾. Боярскій сынъ Яковъ Елагинъ, „будучи въ Братскомъ острогѣ на приказѣ... ималъ Савватѣя (строителя Спасской пустыни) въ сѣзжую избу сильно со всякимъ невѣжествомъ и держалъ скованнаго за карауломъ многое время“ ³⁾. Нарымскій воевода, когда нѣкоторые, обиженные имъ лица, обратились къ священнику съ просьбою написать жалобу на воеводу, „билъ кнутомъ и попа и служилыхъ людей“ ⁴⁾. „Воеводы, пишетъ п. Филаретъ въ своей обличительной грамотѣ, попамъ приказываютъ вѣнчать насильно“ ⁵⁾.—Неблагопріятныя отношенія къ духовенству замѣтны и со стороны населенія, хотя безъ священниковъ оно не могло обходиться. „Уклоняются православные христіане къ бѣсовскимъ прелестямъ и ко пьянству; и отцевъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учительныхъ людей наказанья не слушаютъ, и за наказанье... поруганіе и укоризну и безчестье и налогъ дѣлаютъ“ ⁶⁾.

Что касается матеріальной нужды духовенства, то она становится попятной, если мы будемъ имѣть въ виду малонаселенность сибирскихъ приходоу, бѣдность населенія и его нравственную распущенность, а въ первое время и дороговизну содержанія ⁷⁾. При этихъ условіяхъ духовенство едва ли могло рассчитывать на достаточное обезпеченіе одною оплатою совершенія требъ. Дѣйствительно, иной разъ ему приходилось очень плохо. Верхотурскій священникъ Леонтій шлетъ царю чело-

1) Буцинск. В. и Р. 90 г. № 21, 660 стр.

2) И. А. т. 3, № 148.

3) И. А. т. 5, № 211; Др. ц. гр. № 35.

4) Собр. гос. гр. и д. т. 3, № 60.

5) Ib.

6) И. А. т. 4, № 35.

7) Пока въ Сибиря не привилось и не распространилось хлѣблашество, хлѣбъ привозился изъ Россіи.

битную, что „жалованья и руги ему не даютъ ничегожь, и онъ де и будучи у богомолья обнищаль“, не смотря на то, что при его переѣздѣ въ Сибирь ему было оказано вспомошествованіе ¹⁾). Поэтому въ первое же время многіе изъ духовенства получаютъ жалованье и ругу, или „хлѣбное жалованье“, правда въ незначительномъ количествѣ. Такъ, тотъ же священникъ Леонтій, по его просьбѣ, былъ „поверстанъ“ окладомъ жалованья. „И вы бѣ ему дали, пишетъ Борисъ Годуновъ къ верхотурскимъ воеводамъ, нашего денежнаго жалованья на нынѣшній годъ шесть рублей, да хлѣбъ... да и впередъ ежегодно по тому жѣ“ ²⁾). Подобнымъ образомъ, имѣютъ ругу и жалованье—священникъ въ Епанчинныхъ юртахъ ³⁾, духовенство, привезенное Киприаномъ ⁴⁾ и присланное изъ Вологды при архіепископѣ Макаріѣ ⁵⁾). Для переѣзда въ Сибирь духовенству давалось иногда вспомошествованіе или прямо отъ казны или дѣлался сборъ „съ поповъ съ посадскихъ людей и съ уѣзду“. Такую „подмогу“ въ количествѣ 40 рублей получилъ отправленный въ Сибирь ростовскій дьяконъ ⁶⁾. Вологодское духовенство получаетъ пособіе слѣдующихъ размѣровъ—архимандритъ 40 рублей, протоіерей 35, священники по 30 ⁷⁾).

При указанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для жизни, изъ которыхъ главныя—зависимость отъ воеводъ и неблагопріятныя отношенія общества въ значительной степени остаются за весь рассматриваемый періодъ, а остальные сравнительно уменьшились, становится вполне понятной и та нравственная непорядочность сибирскаго духовенства, какую можно видѣть на всемъ протяженіи 17 вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, явившись въ Сибирь, духовенство должно было подчиниться общему духу сибирской жизни и, выкупая свои „необходимыя отрады“, заполнять этотъ чрезвычайный расходъ какими нибудь средствами. Съ другой стороны, переселенцы волонтеры изъ духовенства бросаютъ на

1) И. А. т. 8, № 37.

2) Ib.

3) Р. И. Б. т. 2, № 47.

4) В. п. Р. 90 г. № 21, стр. 565.

5) Р. И. Б. т. 2, № 164.

6) Ib. № 56.

7) Ib. № 164.

себя сильное подозрѣніе въ чистотѣ цѣлей переселенія, при той общей неохотѣ, какую выказываютъ лица, предназначенныя для переселенія въ Сибирь. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, должно думать, что съ охотою ѣхать въ Сибирь могъ лишь тотъ, кто надѣялся на свою способность подойти подъ условія тамошней жизни. Словомъ, сибирское духовенство, кажется, должно было быть такимъ, какимъ оно является со всею нравственною распущенностью, потому что это необходимо вызывалось условіями сибирской жизни. И тотъ фактъ, что при отрядѣ Ермака былъ *блгмыи* монахъ, какъ будто служилъ предзнаменованіемъ того общаго характера, какой должно было принять сибирское духовенство.

Въ самомъ дѣлѣ, судя по массѣ фактовъ, какіе представляютъ намъ оставшіеся отъ того времени документы, мы должны дать слишкомъ неблагопріятный отзывъ о религіовно-нравственномъ состояніи духовнаго сословія. Обращаясь къ его характеристикѣ съ этой стороны, прежде всего должно отмѣтить небрежное отношеніе его къ своимъ обязанностямъ, отъ чего „церкви Божіи стоятъ безъ пѣнія и архіерейская дань и пошлывы теряютца“ ¹⁾. Въ этомъ были замѣчены, напр., Бургузинскій священникъ ²⁾ и священникъ Тумашской волости Дмитрій Иродіоновъ, который, по донесенію игумена Θεодосія, „при святой церкви живетъ нерадиво... къ церкви не приходитъ въ дома къ роженицамъ и для крещенія младенцевъ за великими запросы по зву ихъ не ходитъ“ ³⁾. Не даромъ же приходилось слѣдить, чтобы священники „безчинства никакова не чинили и не кощуняли... и церкви Божіи снабдѣвали, и безъ пѣнія бѣ въ церквахъ Божіихъ не было... къ цервамъ Божіимъ ходили бѣ безлѣвностно“ ⁴⁾.

По отношенію къ власти духовенство часто оказываетъ полнѣйшее непослушаніе, вызывавшее иногда мѣры насилія для обузданія своевольныхъ поступковъ. Мы уже видѣли, какое противодѣйствіе и непослушаніе оказывало духовенство нѣкото-

1) Др. ц. грам. № 9.

2) Ib. № 10.

3) Др. ц. грам. № 77.

4) Ib. № 13.

рымъ изъ іерарховъ, напр., Кипріану, Нектарію. Здѣсь можно прибавить еще тотъ фактъ, что священники часто, по собственному произволу покидая свои мѣста, переходили въ другіе приходы или скитались по городамъ, „воруя по разнымъ мѣстамъ и безъ благословенной грамоты священствуя“. Таковы были, напр., священники Иванъ и Андроникъ ¹⁾).

Въ общественныхъ отношеніяхъ духовенство не сохранило никакой сдержанности и приличія. Пьянство, соединенныя къ нимъ ссоры, кляузничество, корыстолюбіе, развратъ и уголовныя преступленія—не рѣдкость среди сибирскаго духовенства. „Попы—воры и бражники“—такими словами характеризуетъ сибирское духовенство архіеп. Кипріанъ ²⁾). Мы приведемъ нѣкоторые факты, касающіеся указанныхъ пороковъ. Группа духовныхъ лицъ, убѣжавшая изъ Тобольска отъ Кипріана, предварительно обокрала его ³⁾). Священникъ Тобольской Вознесенской церкви, желая поссорить Кипріана съ воеводою Сулешовымъ, нагло клеветалъ архіепископу на воеводу и воеводѣ на архіепископа ⁴⁾). Попъ Яковъ, остановленный въ Верхотурьѣ по поводу какихъ то „воровскихъ кореньевъ“, которые онъ везъ, проживая тамъ, „зарѣзалъ до смерти Никольскаго монастыря строителя“ ⁵⁾). Упомянутый ранѣе священникъ Иванъ, самовольно удалившись съ своего мѣста, скралъ и увезъ съ собой всѣ деньги, документы и книги ⁶⁾). Въ домѣ Верхотурскаго воеводы Мещерскаго въ день именинъ великой княжны Анны Михайловны (въ 1642 г.) былъ обѣдъ, на которомъ въ числѣ гостей присутствовали двое священниковъ Яковъ и Клементій. Между ними „хмѣльнымъ обычаемъ“ произошелъ споръ. А „поспоровали (они) про величаніе святыхъ матери Анны, и попъ Яковъ молвылъ Клементью: хотя де ты нынѣ родителей поминай“ ⁷⁾). Священникъ Иродіоновъ „всегда во многое и безмѣрное пьянство упиваетца... прихожанъ бранить и безчестить всячески...

1) В. и Р. 91 г. № 10, 592 стр.; Др. ц. гр. № 19; Ср. №№ 10, 13, 22.

2) В. и Р. 90 г. № 23, стр. 643.

3) Ib. 656.

4) Ib. 657.

5) Р. И. Б. т. 3, № 11, VIII.

6) В. и Р. 91 г. № 10, 592 стр.

7) И. А. т. 3, № 223.

ивныхъ бьетъ своими руками до крови“¹⁾). Не лишенъ интереса и слѣдующій фактъ. Въ Мангазею въ архіепископство Макарія явился какой то священникъ и сталъ отправлять свои обязанности. Вскорѣ онъ исчезъ оттуда, а чрезъ нѣкоторое время явился снова. Такимъ образомъ онъ періодически появлялся въ Мангазеѣ и убѣгалъ оттуда. Какъ оказалось, онъ торговалъ соболями. Былъ ли то дѣйствительно священникъ или просто какой нибудь проходимецъ, воспользовавшійся священнымъ саномъ ради соединившихся съ нимъ льготъ— неизвѣстно²⁾). Дѣло этого священника замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что оно очень ярко характеризуетъ недостатокъ духовенства въ сибирской епархіи. Когда объ этомъ священникѣ узналъ архіепископъ Нектарій, то не смотря на его безпаспортность и предосудительные поступки, оставилъ его на мѣстѣ, съ запрещеніемъ лишь отлучекъ³⁾). Видно велика была нужда, когда приходилось держать такихъ темныхъ личностей. Не даромъ и Кипріанъ говорилъ: „попы воры и бражники, да и быть имъ нельзя, только быть имъ по великой нуждѣ, потому что перемѣнить некъмъ“⁴⁾). Понятною становится и просьба Нектарія вернуть къ нему игумена Іону, который убѣжалъ въ Россію, обокравъ свой монастырь⁵⁾).

Таково было сословіе, предназначаемое къ нравственному вліянію на общество и къ руководству его въ дѣлѣ христіанской жизни. Конечно, нельзя огульно говорить такъ обо всемъ духовенствѣ только потому, что не находимъ свѣдѣній противоположнаго характера. Можно, безъ сомнѣнія, думать, что были среди духовенства и добрыя личности, но во всякомъ случаѣ слишкомъ немного, иначе ихъ вліяніе едва ли оставалось бы незамѣтнымъ.

II. Овчинниковъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Др. ц. гр. № 77.

2) В. и Р. 91 г. № 10.

3) В. и Р. 1891 г. № 10, стр. 594.

4) Ib. 90 г. № 23, стр. 643--4.

5) Ib. 91 г. № 10, стр. 593.

МЫШЛЕНІЕ И ПОЗНАНІЕ.

(Окончаніе *).

III.

До сихъ поръ разсмотрѣны категоріи количества и качества. Априорное, независимое отъ опыта, происхожденіе этихъ понятій очевидно изъ того, что коренное и важнѣйшее значеніе эти понятія имѣютъ прежде всего въ области самосознанія, и слѣд. здѣсь, а никакъ не въ опытѣ должно полагать источникъ для тѣхъ понятій. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ категорій—*бытія* и *отношенія*. Особенное значеніе этихъ категорій заключается въ томъ, что въ равной мѣрѣ онѣ примѣнимы и къ области внѣшняго опыта, и къ опыту внутреннему, а потому чрезъ эти категоріи мысль наша равно возвышается и надъ тѣмъ, и надъ другимъ опытомъ, становится въ положеніе, независимое отъ предметовъ *всякаго* опыта; а такое, независимое отъ всякаго опыта, значеніе означенныхъ категорій не свидѣтельствуетъ ли и о происхожденіи таковыхъ категорій, тоже независимомъ отъ всякаго опыта?—Утверждаясь на тѣхъ категоріяхъ, человѣческое сознаніе получаетъ возможность стать выше всякой представляющей ему дѣйствительности и взойти въ область идеальныхъ понятій, или просто идеаловъ, при чемъ подъ идеалами должно разумѣть не какія либо мечтательныя созданія воображенія, но необходимо мыслимые предметы, соотвѣтствующіе кореннымъ, важнѣйшимъ потребностямъ человѣческаго духа.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18, за 1896 г.

Что мы называемъ *бытіемъ*, и какой смыслъ заключается въ этомъ словѣ?

Подъ бытіемъ нельзя разумѣть ощущаемое, или иначе, содержаніе ощущенія; ибо, какъ извѣстно, бытіе мы прежде всего противопологаемъ внутреннимъ нашимъ состояніямъ, какъ нѣчто данное *внѣ насъ*. Но сами по себѣ ощущенія не могутъ служить критеріемъ для раздѣленія того, что внѣ насъ, отъ внутреннихъ нашихъ состояній. Хотя ощущенія и происходятъ отъ впечатлѣній, исходящихъ, съ одной стороны, отъ внѣшнихъ, а съ другой—отъ внутреннихъ причинъ, но для нашего непосредственнаго сознанія не существуетъ строгаго раздѣленія однихъ ощущеній отъ другихъ; сами по себѣ ощущенія неясно говорятъ намъ о своемъ происхожденіи, и оттого ощущенія, служащія только показателями внутренняго нашего состоянія, мы нерѣдко принимаемъ за выраженіе бытія, т. е., того, что внѣ насъ, и такимъ образомъ ощущеній, возбуждаемыхъ внутренними впечатлѣніями, мы иногда не различаемъ отъ ощущеній, производимыхъ впечатлѣніями внѣшними, т. е., отъ тѣхъ ощущеній, которыя для насъ по преимуществу служатъ признаками и выразителями бытія. Не всякія безразлично ощущенія, а только тѣ, которыя исходятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и непосредственно съ ними связаны, а не возникаютъ лишь по поводу ихъ болѣе или менѣе самостоятельно, только такія ощущенія для насъ служатъ выразителями или признаками дѣйствительнаго бытія. А такъ какъ ощущенія, исходящія отъ внѣшнихъ впечатлѣній, по этому своему происхожденію противоположны тѣмъ ощущеніямъ, для которыхъ началомъ служатъ впечатлѣнія внутреннія, то и безъ сомнѣнія въ этомъ смыслѣ, и не почему либо иному, мы противопологаемъ *бытіе* своимъ внутреннимъ состояніямъ (говорятъ на примѣръ, что звукъ и свѣтъ, тепло и холодъ, какъ таковыя, т. е., въ своемъ собственномъ качествѣ не существуютъ, а только суть состоянія ощущающаго субъекта). Такимъ образомъ только чрезъ различное свое происхожденіе (отъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ) ощущенія служатъ либо признаками бытія, либо признаками внутренняго состоянія нашего; независимо отъ происхожденія своего сами по себѣ взятыя ощущенія всѣ суть состоянія

внутреннія. Но *происхожденіе* ощущеній не *ощущается*, а *мыслится*. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается та особенность, по которой мы только ощущенія, исходящія отъ впечатлѣній внѣшнихъ, принимаемъ за свидѣтельство и выраженіе бытія? Особенность эта не что иное, какъ отдѣльность, самостоятельность ощущаемаго въ отношеніи къ ощущающему. Свойство это называется *предметностію*, объективностію: предметъ есть то, что находится *передо мною*, слѣд. отдѣлено отъ меня, отъ моего я и сознанія моего, а потому обладаетъ самостоятельностью, и въ этомъ смыслѣ называется *субстанціей*. Но сознаніе самостоятельности, отдѣльности, субстанціальности ощущаемаго очевидно уже не есть ощущеніе, а мысль, которая, правда, сливается съ ощущеніемъ до безразличія, и однако же какъ мысль только въ формѣ мышленія сознается и выражается нами, именно въ формѣ *сужденія* (это есть, или не есть, существуетъ, не существуетъ) и прежде всего въ видѣ простаго непосредственнаго *положенія*. Поэтому нельзя не согласиться съ Кантомъ и Гербартомъ въ томъ, что бытіе есть простое положеніе, актъ мышленія: существуетъ для меня то, что полагается мною, какъ существующее. Если же къ сознанію бытія мы приходимъ чрезъ форму мышленія, то очевидно, должно быть и понятіе, руководящее въ употребленіи и примѣненіи этой формы, и такое понятіе есть именно понятіе субстанціональности, субстанціи. Не слѣдуетъ однакожь полагать, что бытіе, какъ сознаваемое въ формѣ мышленія, есть поэтому и произведеніе мышленія. Мышленіе конечно есть предшествующее условіе бытія, но только мышленіе не человѣческое, а божественное, т. е., неограниченное, —обладающее неограниченною, безусловною творческою силою. Не таково мышленіе человѣческое; оно формально; именно, —положеніе бытія какъ чего то отдѣльнаго, самостоятельнаго въ отношеніи къ нашему сознанію, есть только формальный актъ, для котораго содержаніемъ служатъ ощущенія. А какъ ощущенія — состоянія пассивныя по преимуществу, то, сознавая самостоятельность относительно насъ предмета ощущаемаго, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ самихъ себя несамостоятельными, несвободными, связанными въ отношеніи къ тому предмету, именно са-

мыя ощущенія сознаются нами какъ такія не свободныя дѣйствія въ насъ самаго предмета ощущаемаго. Поэтому предметъ необходимо мыслится не только какъ *субстанція*, но вмѣстѣ и какъ *причина* состояній, производимыхъ имъ въ нашемъ сознаніи.

И *субстанція*, и *причина*—эти понятія имѣютъ прежде всего характеръ и значеніе (т. е., по своему ближайшему употребленію) понятій *относительныхъ*, такъ что *категорія отношенія* состоятъ въ необходимой связи съ категоріями *субстанціональности* и *причинности*, ибо наиболѣе общими отношеніями признаются *отношенія совмѣстности* (субстанціальность или предметность) и *последовательности* (причинность), или иначе, различаются главнымъ образомъ два рода отношеній: отношенія между предметами и отношенія между переменными, которымъ предметы подвергаются (статическое и динамическое, или генетическое разсмотрѣніе вещей). Итакъ, субстанція и причина выражаютъ отношенія и имѣютъ характеръ отношеній,—а это значитъ, что бытіе, которое опредѣляется для насъ чрезъ категоріи субстанціи и причины, полагается нами прежде всего не просто, какъ субстанція, но какъ *отношеніе субстанціальности* (субстанція и акциденція, т. е., принадлежащее субстанціи), не какъ причина, но какъ *отношеніе причинности* (причина и дѣйствіе). Разсмотримъ этотъ относительный характеръ категорическихъ понятій о причинѣ и субстанціи.

Собственное наше существованіе мы непосредственно ощущаемъ, повидимому всѣ другія ощущенія сопровождаются ощущеніемъ реальности. Но есть ли на самомъ дѣлѣ особое ощущеніе реальности. Если бы такое ощущеніе существовало, то это было бы самое общее ощущеніе, которое можно было бы относить ко всякому предмету, представляемому, какъ нѣчто дѣйствительное, и ко всякому испытываемому нами состоянію. Но извѣстно, что ощущеніе всегда индивидуально, а потому такого ощущенія, которое имѣло бы характеръ общности и было бы общимъ, а не индивидуальнымъ, не можетъ быть. Дѣйствительно то, что мы ощущаемъ, получаетъ для насъ характеръ и значеніе бытія, какъ выше разъяснено, только тогда,

когда ощущаемое нами, мы извѣстнымъ образомъ мыслимъ, именно когда мыслимъ какъ субстанцію, т. е., само по себѣ сущее, отдѣльное, или какъ причину, какъ нѣчто могущее оказать какое либо дѣйствіе. Но дѣло въ томъ, что и понятіе о субстанціи, или точнѣе категорію субстанціи, и категорію причины мы одинаково можемъ относить и дѣйствительно относимъ либо къ себѣ самимъ, къ своему я, либо къ другимъ, отдѣльнымъ отъ насъ, предметамъ. И отъ этого именно зависитъ относительный характеръ названныхъ категорій. Прилагая категоріи субстанціи къ внѣшнимъ и отдѣльнымъ отъ насъ предметамъ, и распространяя эту категорію на все неопредѣленное множество таковыхъ предметовъ, мы получаемъ то представленіе о себѣ, что мы сами не болѣе, какъ часть этого внѣшняго бытія, есть какъ бы акциденція, принадлежность всеобщаго бытія, представляющагося въ видѣ неопредѣленнаго множества вещей, что мы называемъ внѣшнимъ міромъ, природою. Но съ другой стороны, смотря на вещи, какъ на представленія, данныя въ нашемъ сознаніи, какъ на явленія нашего сознанія, мы получаемъ возможность мыслить въ качествѣ субстанціи лишь собственное наше я, или по крайней мѣрѣ, мы вынуждаемся при этомъ смотрѣть на наше я, какъ на субстанцію, по преимуществу, какъ на существо, обладающее самостоятельнымъ бытіемъ въ собственномъ смыслѣ, въ сравненіи съ которымъ самостоятельность другихъ предметовъ признается лишь кажущеюся, мнимою. Такая же двойственность оказывается и въ пониманіи категоріи причинности чрезъ примѣненіе ея то ко внѣшнему міру, къ дѣйствительности внѣшней природы, то ко внутреннему міру нашей души. Законъ причинности въ отношеніи ко внѣшней дѣйствительности означаетъ, что эта дѣйствительность есть не что иное, какъ непрерывная цѣль причинъ и слѣдствій, въ которой всѣ вещи являются настолько взаимно обусловленными и зависимыми одна отъ другой, что все, происходящее во внѣшней дѣйствительности, получаетъ характеръ непреодолимой необходимости, а потому, включая человека, какъ часть, въ систему внѣшней дѣйствительности, мы придаемъ чрезъ то и самимъ дѣйствіямъ человека тотъ же характеръ механической необходимости, впрочемъ свойственное

человѣку сознание себя самаго существомъ свободнымъ, способнымъ къ самоопредѣленію, признается обманчивымъ, ложнымъ. Напротивъ, когда категорія причинности прилагается прежде всего къ нашему я, причѣмъ предполагается, что собственно только здѣсь, въ области нашего внутренняго духовнаго бытія, категорія причинности имѣетъ свой настоящій смыслъ и значеніе, то при этомъ не только утверждается существованіе свободной воли въ человѣкѣ, но оказывается даже невозможнымъ иное какое либо понятіе о нашей волѣ, какъ именно то, что, въ качествѣ собственной и первоначальной причины, она есть способность къ *самоопредѣленію*, т. е., что свобода составляетъ ея истинный и существенный характеръ, ибо воля наша не была бы причиною въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, если бы она была зависима отъ какой либо иной причины, и только этою причиною, а не сама собою опредѣлялась бы къ дѣйствию. Полагая, что реальное основаніе и потому собственный смыслъ и значеніе категоріи причинности заключается въ нашей свободной волѣ, мы должны, въ такомъ случаѣ, согласиться и съ тѣмъ, что всеобщую приложимость категорія причинности получаетъ единственно чрезъ то, что всѣ предметы, коль скоро являются они исходными пунктами какимъ либо перемѣнъ, разсматриваются нами, по аналогіи съ нашимъ я, какъ существомъ свободнымъ и дѣятельнымъ, именно разсматриваются какъ *субъекты* своихъ дѣствий; понятно также, что при этомъ само собою навязывается еще то заключеніе, что понятіе причинности должно быть тѣмъ въ большей мѣрѣ примѣнимо къ данному предмету, чѣмъ больше аналогія этого предмета съ нашимъ я, хотя нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ, наперекоръ такому заключенію, не указать на то обстоятельство, что отношеніе причинности представляется намъ обыкновенно съ наибольшою ясностію выраженнымъ именно тамъ, гдѣ наименѣе умѣстна аналогія съ нашимъ я, т. е., въ области механическихъ дѣствий природы, въ природѣ неорганической, и конечно поэтому только многіе причинность, понимая оную въ смыслѣ механической необходимости, противоплагаютъ свободной волѣ.

Итакъ, повидимому правильное и вполне законное употребленіе категорій субстанціальности и причинности приводитъ

насъ къ антиноміямъ, требующимъ разрѣшенія. То внѣшній міръ, рассматривая его въ цѣломъ, признаютъ субстанціально существующимъ, причемъ наше я оказывается лишь однимъ изъ множества явленій, или иначе акциденціей этой міровой дѣйствительности, то наоборотъ наше я признается истинной субстанціей, причемъ міровая дѣйствительность оказывается не болѣе, какъ феноменомъ сознанія, принадлежащаго этой субстанціи, слѣдовательно ея акциденціей. То же самое повторяется и съ категоріей *причинности*. То міровая дѣйствительность, въ ея цѣлости, рассматривается какъ причина въ отношеніи ко всякой части ея и въ отношеніи ко всему происходящему въ ней въ частности, слѣдовательно и въ отношеніи къ нашему я, какъ части, или же какъ явленію этой дѣйствительности, то наоборотъ, истинная и собственная причинность полагается только въ нашемъ я, а вся міровая дѣйствительность признается лишь произведеніемъ и послѣдствіемъ этой причины. Какъ и чѣмъ мы должны разрѣшить эти антиноміи и возможно ли ихъ разрѣшеніе?

Категоріи субстанціи и причины въ примѣненіи и ко внѣшней міровой дѣйствительности, и къ внутреннему міру психическихъ явленій—имѣютъ значеніе относительное. Всякая вещь, въ отдѣльности взятая, есть нѣкоторымъ образомъ и субстанція, и причина, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при другомъ разсмотрѣніи, оказывается послѣдствіемъ или же акциденціей другой какой либо вещи. Поэтому неудивительно, что и наше я, какъ центръ внутренняго міра, а равно и внѣшняя природа одинаково представляется нашему мыслящему сознанію то въ значеніи субстанціи и причины, то какъ явленіе иной субстанціи и какъ послѣдствіе нѣкоторой иной причины. При употребленіи въ такомъ относительномъ, условномъ смыслѣ, какъ бы это употребленіе ни было различно, категоріи субстанціальности и причинности ничего сомнительнаго и спорнаго не представляютъ. Споръ и непримиримое раздѣленіе возникаютъ собственно тогда, если дѣло идетъ о томъ, чтобы установить понятіе объ *абсолютной* субстанціи и о безусловной причинѣ, когда возникаетъ вопросъ о томъ, что же должно признаться субстанціей въ собственномъ смыслѣ и первою, коренною, слѣдовательно истинною причиною всего.

Здѣсь то и оказывается неизбѣжною антиномія, какъ только принимается положительное рѣшеніе названнаго вопроса, ибо представляется возможнымъ рѣшеніе его въ двойномъ противоположномъ смыслѣ: для матеріалиста истинная субстанція и первая основная причина всего есть *матерія* (какъ совокупность простыхъ тѣлъ, или же какъ совокупность недѣлимыхъ частицъ, составляющихъ послѣдніе элементы таковыхъ тѣлъ), для спиритуалиста напротивъ такая субстанція и такая причина есть *духъ*. Не выходя изъ предѣловъ нашей задачи, т. е., изъ предѣловъ изслѣдованія основныхъ элементовъ или началъ мышленія, имѣемъ ли мы какія либо данныя для разрѣшенія означеннаго разногласія? Сущность вопроса (въ предѣлахъ нашей задачи) заключается очевидно въ двойномъ употребленіи категорій субстанціальности и причинности. Слѣдуетъ ли и возможно ли ограничиться употребленіемъ этихъ категорій только въ смыслѣ условномъ, относительномъ, или же для нашего мышленія равно необходимо и другое употребленіе тѣхъ же категорій, употребленіе ихъ въ смыслѣ безотносительномъ, безусловномъ? Если признавъ правильнымъ употребленіемъ названныхъ категорій только то, которое усвоетъ имъ значеніе относительное, условное, въ такомъ случаѣ споръ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, и необходимость держаться того или другого устраняются сами собою. Эта выгода отъ такого употребленія категорій субстанціальности и причинности, которое усвоетъ имъ лишь условное относительное значеніе, столь очевидна, что нисколько неудивительно, если многіе философы иного употребленія недопускаютъ и не признаютъ правильнымъ. Прежде всего, какъ извѣстно, Кантъ ограничивалъ употребленіе категорій всѣхъ вообще только *предѣлами опыта*, т. е., усвоилъ имъ только условное и относительное значеніе. Далѣе позитивизмъ (въ особенности Спенсеръ) только инымъ образомъ, именно соотвѣтственнымъ себѣ способомъ, выражаетъ тотъ же взглядъ на категоріи, когда утверждаетъ, что для насъ познаваемо только условное и относительное, а безусловное не познаваемо. Разсмотримъ эти мнѣнія.

Во что обращаются категоріи при томъ на нихъ взглядѣ, что онѣ имѣютъ свое значеніе только въ предѣлахъ опыта, и что

значеніе онѣ имѣютъ только относительное и условное? Очевидно, мы должны въ такомъ случаѣ смотрѣть на категоріи, какъ на формы мышленія; онѣ получаютъ характеръ формальный; въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, что одно и то же мы можемъ представлять, или точнѣе—мыслить, то какъ субстанцію, то какъ явленіе или акциденцію, то какъ причину, то какъ послѣдствіе или дѣйствіе причины? Это значитъ, что мыслимое столь различнымъ образомъ само въ себѣ, *реально*, не есть что либо изъ всего подобнаго, а есть только матеріаль, которому по своей надобности, мышленіе сообщаетъ такую или иную форму. Что сужденіе напр. есть форма мышленія,—это очевидно, ибо о чемъ бы мы ни мыслили, все мыслимое необходимо слагается въ нашемъ сознаніи въ формѣ сужденія (причемъ умозаключеніе есть связь сужденій, а понятіе—связь предикатовъ цѣлаго ряда сужденій, слѣдовательно и другія формы мышленія сводятся къ сужденію), и инымъ какимъ либо образомъ не можетъ быть мыслимо и выражено кратко, какъ только въ формѣ сужденія, чему въ рѣчи соотвѣтствуетъ предложеніе, которое такъ же есть необходимая форма рѣчи, какъ сужденіе—необходимая форма мышленія. Можно ли то же самое сказать о категоріяхъ? Категоріи имѣютъ не формальное, а по преимуществу реальное значеніе, будучи не формами только представляемости или мыслимости предмета, но формами (если ужъ непременно мы должны признавать ихъ формами) самой предметности, *формами бытія* мыслимаго, а не мышленія. Въ самомъ дѣлѣ,—что сужденіе форма мышленія—это всегда признавалось и иного взгляда на этотъ предметъ не существовало, но напр. число, которое есть наиболѣе общее выраженіе количества (категорія количества) пифагорейцы признавали сущностью вещей; количество для нихъ было не просто бытіемъ, но существомъ бытія; а Платонъ такое же значеніе придавалъ *качеству*, ибо идеи Платона—это свойства, или качества вещей, взятые въ ихъ чистомъ безпримѣсномъ видѣ, какъ число есть количество, тоже взятое въ чистомъ видѣ. Субстанція, по Аристотелю, есть то, что дѣйствительно существуетъ, именно всякая индивидуальная вещь, общее же, какъ общее, только мыслится, а не существуетъ таковымъ (какъ

общее) въ дѣйствительности. Для тѣхъ же, которые (какъ напр. Спиноза) полагали, что общее не только существуетъ въ дѣйствительности, именно какъ общее, но есть дѣйствительность по преимуществу, истинно сущее, и субстанція, сообразно съ этимъ, уже не есть вещь индивидуальная, а общее. Наконецъ причина обыкновенно противопоставляется основанію логическому, какъ *реальное* опредѣленіе—формальному; въ этомъ же смыслѣ противоположны субъектъ (въ сужденіи) и субстанція. Впрочемъ, и по Канту, категоріи суть формы объективности, но для него важно не столько это, сколько то, что категоріи вмѣстѣ съ тѣмъ признаются имъ формами разсудка, т. е., мышленія, и какъ формы разсудка—категоріи, по Канту, имѣютъ лишь субъективное значеніе, вслѣдствіе чего и сама объективность, т. е., предметное содержаніе познанія у него превращается въ игру субъективныхъ формъ. Итакъ—категоріи—не формы мышленія, а формы бытія, что служитъ содержаніемъ мышленія, иначе сказать, выраженія предметности, разныхъ сторонъ и видовъ бытія. Если же таково значеніе категорій, то очевидно должна быть субстанція, которая не просто лишь мыслится какъ субстанція, а впрочемъ можетъ быть мыслима иначе, но которая должна быть истинной субстанціей, въ смыслѣ собственномъ и безусловномъ, а не относительномъ. Хотя бы такая субстанція только была *мыслима* какъ субстанція, и инымъ образомъ не была сознаваема въ качествѣ таковой, однакожъ важно то, что не произвольно, или по обстоятельствамъ, а *необходимо и безусловно* она должна быть мыслима именно какъ субстанція, а не чѣмъ либо инымъ. И то же должно сказать о причинѣ. Должна быть причина въ собственномъ смыслѣ, причина безусловная, которая съ необходимостію мыслится какъ причина, слѣдовательно уже не можетъ быть такая причина слѣдствіемъ или произведеніемъ иной причины.

Впрочемъ, пусть будетъ вѣренъ взглядъ Канта на категорію что это субъективныя формы мышленія; однако это еще не можетъ служить доказательствомъ того, что употребленіе ихъ должно ограничиваться предѣлами опыта, и что иное ихъ употребленіе недопустимо. Дѣло въ томъ, что и по Канту существуетъ *идея абсолютнаго*, какъ необходимая принадлежность

нашего разума. При существованіи такой идеи, возможно ли ограничить употребленіе категорій предѣлами опыта? Кантъ признаетъ, что идея абсолютнаго дѣлаетъ необходимымъ для насъ примѣненіе къ ней категорій, но только такое употребленіе категорій, по его мнѣнію, производитъ иллюзію, превращая субъективную идею разума въ объектъ, т. е., въ предметъ существующій внѣ насъ и слѣдовательно независимо отъ разума. Извѣстно, что иллюзіи порождаются впечатлѣніями чувствъ. Средствомъ защиты противъ такого рода иллюзій служитъ разумъ. Но какъ мы можемъ предохранить себя противъ смѣшенія иллюзіи съ реальною дѣйствительностію въ томъ случаѣ, когда самъ же разумъ производитъ иллюзію? Въ такомъ случаѣ очевидно опорою для насъ должно служить свидѣтельство чувствъ, а это ведетъ къ тому заключенію, что истинное познаніе получается при томъ условіи, если изслѣдующая дѣятельность разума утверждается на данныхъ чувственнаго наблюденія (потому-то употребленіе категорій признается правильнымъ только въ предѣлахъ чувственнаго опыта). Правда, математическое познаніе не нуждается въ такомъ подкрѣпленіи и оправданіи, да и не можетъ имѣть его, но въ замѣнъ чувственнаго наблюденія, невозможнаго въ области познанія математическаго, такое же значеніе въ этой области имѣетъ созерцаніе трансцендентальнаго воображенія, именно чистое созерцаніе пространства и времени. Значитъ во всякомъ случаѣ чувственно-созерцательный элементъ необходимъ въ познаніи, и безъ такого элемента познаніе не дѣйствительно. Какое же значеніе имѣетъ для насъ иллюзія разума (т. е., идея абсолютнаго), если дѣйствительнаго познанія она въ себѣ не заключаетъ, ибо не подкрѣпляется и не оправдывается никакимъ чувственнымъ созерцаніемъ, ни эмпирическимъ, ни трансцендентальнымъ? Вопросъ этотъ возникаетъ въ виду того, что идея абсолютнаго есть *необходимое* понятіе разума, а потому хотя бы это была иллюзія, тѣмъ не менѣе освободиться отъ ея вліяній мы не можемъ; какъ понятіе *необходимое*, она должна имѣть для насъ нѣкоторое неустранимое значеніе. Каково же это значеніе? Намъ кажется солнце движущимся,—вотъ неустранимая иллюзія; обыкновенная наша рѣчь приспособлена къ этой иллюзіи очевидно

ради практическаго удобства; въ этомъ и состоитъ необходимое воздѣйствіе означенной иллюзіи на наше сознаніе. Подобнымъ же образомъ, по Канту, необходимая иллюзія разума, т. е., идея абсолютнаго имѣетъ важное значеніе въ практическомъ отношеніи, чрезъ нее подкрѣпляется и оправдывается категорическій императивъ, т. е., нравственный законъ, управляющій нашими дѣйствіями, и такимъ образомъ въ практической нашей дѣятельности мы тоже повидимому приспособляемся къ абсолютной идеѣ разума, т. е., стремимся поступать такъ, какъ бы эта идея была не иллюзіей, а выраженіемъ дѣйствительности, представленіемъ существующаго предмета. Однакожь нельзя сказать, чтобы для насъ было удобно приспособленіе къ иллюзіи разума въ практической жизни; напротивъ такое приспособленіе требуетъ большихъ усилій и даже жертвъ. Посему, если бы дѣйствительно идея абсолютнаго была иллюзіей, то воздѣйствіе ея на нашу волю такого свойства, т. е., не только необъяснимое удобствомъ, напротивъ сопряженное съ большими неудобствами, было бы совершенно непонятно.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы идея абсолютнаго въ практическомъ отношеніи для всѣхъ имѣла тождественное значеніе. Въдѣ абсолютное начало, какъ выше сказано, можетъ быть понимаемо въ смыслѣ противоположномъ—спиритуалистическомъ и матеріалистическомъ. Послѣднее пониманіе абсолютнаго начала, т. е., *материалистическое* въ сущности есть отрицаніе перваго—спиритуалистическаго, т. е., имѣетъ характеръ отрицательный, тогда какъ спиритуалистическое пониманіе есть положительное. Въ виду столь противоположнаго отношенія къ идеѣ абсолютнаго уже ни коимъ образомъ нельзя смотрѣть на эту идею, какъ на иллюзію; иллюзія, какъ психическій феноменъ, зависящій отъ непрерывно и неизмѣнно дѣйствующихъ психо-физическихъ условій, должна быть всегда и у всѣхъ одинакова.

Идея абсолютнаго, по Канту, не будучи познаніемъ, будучи лишена истинно объективнаго характера, имѣетъ однако не только практическое, но и теоретическое значеніе. Понятно само собою, что это послѣднее значеніе можетъ быть только формальное, коль скоро идея абсолютнаго не заключаетъ въ

себѣ ни какого познанія. По Канту идея абсолютнаго выражаетъ собою стремленіе разума къ абсолютной полнотѣ и цѣлости познанія. Слѣдовательно въ ней заключается какъ бы идеаль совершеннаго познанія. Но абсолютная полнота (всезнаніе) познанія и цѣлость его, т. е., единство или связность познающаго акта,—это цѣль недостижимая и не осуществимая, слѣдовательно идея абсолютнаго, понимаемая такимъ образомъ, обращается въ праздную и пустую мечту. Смысль идеи абсолютнаго, при такомъ толкованіи ея, совершенно непонятенъ. Идея абсолютнаго есть идея необходимая, и однако это идея безъ объекта, безъ содержанія, и даже не могущая сдѣлаться когда либо содержательною, т. е., сдѣлаться выраженіемъ дѣйствительности, получить осуществленіе. Возможно ли, чтобы существовало необходимое стремленіе, которое тѣмъ не менѣе, т. е., не смотря на свою необходимость, должно остаться навсегда безъ осуществленія?

Итакъ, принимая, что идея абсолютнаго не заключаетъ въ себѣ ни какого познанія, мы не въ состояніи изъяснить значенія этой идеи въ *смыслъ положительномъ* ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніи: въ практическомъ отношеніи идея абсолютнаго не имѣетъ значенія регулирующаго принципа (какъ утверждалъ Кантъ), по крайней мѣрѣ такое значеніе, съ одной стороны, если ей принадлежитъ, то непонятно (возможно ли, чтобы ради иллюзіи человѣкъ употреблялъ столь значительныя усилія, какія требуются для осуществленія нравственнаго идеала и приносилъ такія жертвы, съ какими сопряжено стремленіе къ этой цѣли), а съ другой —не можетъ быть признано необходимымъ, ибо возможно и отрицаніе такого ея значенія, въ отношеніи же теоретическомъ нельзя допустить, чтобы идея абсолютнаго была выраженіемъ стремленія къ абсолютной полнотѣ и цѣлости познанія, ибо такое стремленіе не осуществимо, и слѣдовательно это была бы потребность безъ возможности удовлетворенія.

Послѣ этого остается еще возможность истолковать идею абсолютнаго и въ томъ и въ другомъ отношеніи, т. е., и въ практическомъ, и въ теоретическомъ,—въ *смыслѣ отрицательномъ*, а не положительномъ. Нельзя ли въ самомъ дѣлѣ изъ-

яснить идею абсолютнаго въ этомъ смыслѣ? Опытъ такого истолкованія абсолютной идеи мы находимъ въ *позитивизмъ*.

Позитивизмъ, такъ же какъ и Кантъ, только опытное познание признаетъ истиннымъ и дѣйствительнымъ, и даже единственно возможнымъ. Содержаніемъ опытнаго познанія служатъ *явленія*, а задача такого познанія заключается въ томъ, чтобы установить законы, т. е., неизмѣнно повторяющіяся *отношенія* явленій.—Опытное познание имѣетъ слѣдовательно дѣло съ *отношеніями* явленій, а потому опытное познание въ отношеніи содержанія характеризуется тѣмъ, что только относительное и условное составляетъ предметъ возможнаго для насъ познанія. Если же познаваемо для насъ только относительное, условное, то безусловное, очевидно, *непознаваемо*. Ясно теперь, какое значеніе имѣетъ для насъ, съ точки зрѣнія позитивизма, идея абсолютнаго. Идея эта служитъ *границею* познанія. Сознаніе ограниченности нашего познанія въ теоретическомъ отношеніи важно тѣмъ, что предупреждаетъ и устраняетъ бесплодныя усилія познать непознаваемое, исключаетъ изъ науки вопросы для нея неразрѣшимые, т. е., вопросы метафизическіе, и направляетъ умственные силы человѣка на разработку вопросовъ разрѣшимыхъ, на пріобрѣтеніе знаній о томъ, что для насъ познаваемо; въ практическомъ же отношеніи идея абсолютнаго въ смыслѣ непознаваемаго, какъ граница познанія, единственно для насъ возможнаго, предохраняетъ отъ самоувѣренности, отъ самомнѣнія и излишней притязательности, и такимъ образомъ внушаетъ намъ скромность, смиреніе, возбуждаетъ и поддерживаетъ въ насъ, столь полезное для насъ и благотѣльное именно въ нравственномъ отношеніи, сознаніе ограниченности нашихъ силъ.

Но то понятіе объ абсолютномъ, что оно непознаваемо для насъ, нельзя признать достаточнымъ. Оно слишкомъ неопредѣленно: непознаваемое легко смѣшать съ непознаннымъ, что съ теченіемъ времени можетъ оказаться познаннымъ. Чѣмъ различается непознаваемое отъ непознаннаго? Это необходимо разъяснить. Такъ какъ непознаваемое составляетъ границу возможнаго для насъ познанія, то ясно, что къ области непознаваемаго слѣдуетъ отнести всѣ предѣльныя понятія, т. е., тѣ понятія, до которыхъ достигаетъ анализъ нашего познанія, но

за которыя перешагнуть онъ не въ состояніи, такъ что понятія эти служатъ для насъ показателями чего-то непостижимаго для насъ. Понятія такого рода найти не трудно. Возьмемъ то опредѣленіе познанія, которое установлено критическою философіей Канта. Познаніе есть синтезъ, условіями котораго служатъ съ одной стороны апріорныя формы познавательныхъ силъ, т. е., апріорныя понятія или представленія, а съ другой стороны данныя чувственнаго воспріятія. Итакъ, въ составъ познанія входятъ съ одной стороны субъективные элементы, а съ другой элементы объективные. Субъективные элементы всѣ сводятся къ основному представленію нашего я; а элементы объективные сводятся къ двумъ парамъ представленій, именно къ представленіямъ *пространства и времени*, а съ другой стороны къ представленіямъ *матеріи и силы*. Спенсеръ старается доказать, что мы не въ состояніи соединить съ каждымъ изъ этихъ представленій никакого опредѣленнаго и точнаго смысла, и отсюда выводитъ заключеніе, что всѣ эти представленія служатъ показателями чего то непостижимаго, слѣдовательно непознаваемаго для насъ.

Хотя бы дѣйствительно означенныя представленія указывали на нѣчто для насъ непознаваемое, лежащее по ту сторону границы доступнаго намъ познанія, тѣмъ не менѣе непознаваемое не можетъ для насъ имѣть иного опредѣленія кромѣ того, что оно непознаваемо, а если такъ, то оно необходимо должно представляться намъ какъ однородное нѣчто, единое. Вотъ почему Кантъ признавалъ абсолютное выраженіемъ стремленія къ *единству* въ познаніи. Между тѣмъ представленія нашего я, матеріи и силы, а также пространства и времени совершенно разнородныя. Итакъ, чтобы эти представленія означали нѣчто однородное единое, необходимо одно изъ двухъ: либо представленіе нашего я свести къ представленію матеріи и силы, или наоборотъ, т. е., либо субъективную дѣйствительность превратить въ объективную, или же объективную въ субъективную. По Спенсеру наше я есть не что иное, какъ рядъ тѣсно сплоченныхъ и постоянно повторяющихся въ томъ же видѣ представленій, а представленія происходятъ отъ ощущеній, элементами же ощущеній служатъ толчки, составляющіе сущность нервнаго воз-

бужденія при воспріятіи впечатлѣній. Такимъ образомъ Спенсеръ представленіе нашего я сводитъ къ представленію движенія, свойственнаго матеріи, слѣдовательно субъективную дѣйствительность превращаетъ въ объективную, и истинною сущностію вещей, хотя непознаваемою, онъ признаетъ *матерію*. Можно сказать на это: не все ли равно, какъ мы назовемъ начало, признанное непознаваемымъ; вѣдь названіе такъ и останется названіемъ въ настоящемъ случаѣ, т. е., словомъ безъ опредѣленнаго значенія. Не совсѣмъ такъ: пусть матерія для насъ непознаваема, однакожь явленія матеріальныя познаваемы; существуетъ извѣстный способъ ихъ изслѣдованія. Если мы предположимъ, что и явленія, обозначаемыя общимъ названіемъ я, также должны быть отнесены къ числу явленій матеріальныхъ, то этимъ самымъ уже предопредѣляется способъ изслѣдованія и рѣшенія психическихъ вопросовъ, дается извѣстная постановка наукъ о субъективной дѣйствительности, между тѣмъ какъ, при другомъ предположеніи относительно основнаго начала, признаваемого непознаваемымъ, постановка той же науки была бы совсѣмъ иная. Нужно притомъ же согласиться и насчетъ того, какъ понимать непознаваемость, когда говорится о непознаваемомъ. Если непознаваемое таково въ томъ смыслѣ, что оно недоступно нашимъ чувствамъ и не можетъ быть предметомъ опытнаго изслѣдованія и познанія, то противъ этого никто не станетъ спорить. Разумѣется этимъ все сказано для того, кто полагаетъ, что нѣтъ и не можетъ быть иного познанія, кромѣ опытнаго. Но пусть даже и такъ, согласимся, что возможно только опытное познаніе, что опытъ есть абсолютная граница познанія. Однакожь, и при этомъ условіи, нельзя признать вещью безразличной — будемъ ли мы извѣстный предметъ *мыслить* такъ, или иначе. Мышленіе не то же, что познаніе, по мышленіе необходимо входитъ въ процессъ познаванія; поэтому то, что только мыслимо, какъ необходимый элементъ въ познаніи, не можетъ не имѣть существеннаго значенія для познанія. Итакъ, хотя бы абсолютное мы признали непознаваемымъ въ томъ смыслѣ, что оно не можетъ быть предметомъ опытнаго познанія, то этимъ не исключается то, что абсолютное есть предметъ *мыслимый*, а слѣдовательно

нисколько не устраняется вопросъ, какъ мы должны мыслить абсолютное. Правда, возможно еще такое разсужденіе по этому предмету: мы можемъ *произвольно* мыслить о данномъ предметѣ такъ и иначе; нужно ли говорить, что такое произвольное мышленіе никакого значенія не можетъ имѣть для познанія предмета: только не произвольно, а *принудительно* мыслимое составляетъ необходимый элементъ въ познаніи и потому для познанія безразлично. Теперь, если мы спросимъ, какъ избѣгнуть произвола въ мышленіи, и что дѣлаетъ мыслимое принудительнымъ, необходимымъ, то, говорятъ, на это не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ того, что мышленіе принудительное есть мышленіе всецѣло опредѣляемое фактическими данными, которые устанавливаются чрезъ опытъ, наблюденіе, а такъ какъ правильно установленные факты уже сами по себѣ составляютъ познаніе, то слѣдовательно только мышленіе всецѣло зависимое отъ познанія и на немъ основанное, только такое мышленіе правильно и имѣетъ свое значеніе въ познаніи, а отсюда ясно, что нѣтъ нужды вовсе говорить о мышленіи, какъ о чемъ то особомъ, самостоятельномъ въ отношеніи къ познанію. Но существуетъ ли (спросимъ мы въ свою очередь) такое *всецѣло* опредѣляемое познаніемъ мышленіе? Точно ли какіе бы то ни было факты могутъ сдѣлать для насъ принудительнымъ и необходимымъ дѣломъ—мыслить вещи такъ, а не иначе? Если бы это было такъ, то науки опытныхъ давно лишили бы насъ свободы мышленія, создали бы принудительное для насъ міросозерцаніе. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Конечно, относительно спеціально научнаго вопроса, къ которому относятся фактическія данныя (напримѣръ о способѣ распространенія звука, свѣта), точно, въ зависимости отъ фактовъ, является необходимость мыслить такъ, а не иначе, но когда встунаемъ въ среду общихъ философскихъ вопросовъ (каковъ вопросъ объ абсолютномъ началѣ), то здѣсь принудительность такого рода, зависящая отъ фактовъ, вполне отсутствуетъ, ибо мѣсто фактовъ въ этомъ случаѣ заступаютъ апріорные элементы мышленія, которые также дѣлаютъ наше мышленіе принудительнымъ и необходимымъ, но эта принудительность, зависящая отъ апріорныхъ началъ,

совсѣмъ особаго рода, именно: такъ какъ апріорныя начала, въ отличіе отъ фактовъ, имѣютъ всеобщее значеніе (а не спеціальное, какъ факты), то и принудительность мышленія, зависящая отъ нихъ, можетъ оказаться только для того, кто прошелъ весь кругъ мыслимаго содержанія, обнимаемаго тѣми началами. Такъ какъ это дѣло несравненно болѣе трудное, чѣмъ ознакомленіе напр. съ фактами, относящимися къ извѣстному спеціальному вопросу, то очевидно, что научная принудительность мышленія, зависящая отъ фактовъ, болѣе извѣстна и понятна, чѣмъ принудительность філософскаго мышленія, зависящая отъ яснаго и отчетливаго сознанія и правильнаго установленія апріорныхъ началъ. Послѣдняго рода принудительность мышленія, очевидно, такова, что дѣлаетъ мышленіе самостоятельнымъ и независимымъ по отношенію къ такъ называемому научному, т. е., опытному познанію. Насколько мышленіе въ своихъ положеніяхъ и выводахъ опредѣляется не фактами, а апріорными началами, оно также есть *познающее*; но только это уже філософское, а не опытное познаніе.

Апріорными началами, особенно важными въ рѣшеніи вопроса объ абсолютномъ началѣ, слѣдуетъ признать категоріи *субстанцій* и *причины*. Если эти начала сами по себѣ достаточны для того, чтобы сдѣлать строй нашего мышленія принудительнымъ и привести насъ къ извѣстнымъ понятіямъ, то, спрашивается, какіе же именно необходимые выводы могутъ быть сдѣланы относительно абсолютнаго начала на основаніи названныхъ категорій?

Выше было разъяснено, что категоріи субстанціальности и причинности въ предѣлахъ опыта имѣютъ лишь относительное и условное значеніе. Но такимъ значеніемъ названныхъ категорій наше мышленіе не можетъ ограничиться: оно стремится къ усвоенію имъ значенія абсолютнаго, а такое значеніе необходимо предполагаетъ соотвѣтственное безусловное начало, мыслимое съ принудительностію посредствомъ тѣхъ категорій такъ, а не иначе. Какъ же именно мы должны мыслить это начало? Оно всецѣло опредѣляется для нашего мышленія точнымъ смысломъ самихъ категорій.

Субстанція, понимаемая въ смыслѣ безусловномъ, а не отно-

сительномъ, очевидно съ необходимостію должна быть мыслима какъ существо, или пожалуй, бытіе *вполнѣ самостоятельное*, ни отъ чего *независимое*, слѣдовательно *самосушее*. Такое бытіе должно быть *свободно*, слѣдовательно *самодѣтельно*, ибо, при отсутствіи свободы, оно было бы зависимо, слѣдовательно не было бы самосущимъ, вполнѣ самостоятельнымъ. Если бы притомъ свобода была только свойствомъ, принадлежностію абсолютнаго бытія, тогда въ этомъ бытіи была бы нѣкоторая двойственность свободнаго и не свободнаго, было бы въ немъ нѣчто отъ него самаго независимое, слѣдовательно темное и косное по отношенію къ нему самому, какъ свободному. Итакъ, абсолютное бытіе должно быть всецѣло *свободнымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ это же бытіе мы должны признать *необходимымъ*, ибо если оно съ необходимостію мыслится, то мы и должны мыслить его, какъ необходимое. Необходимость и свобода поэтому должны быть въ абсолютномъ не только не раздѣльны, но и тождественны. Одно и то же абсолютное бытіе и необходимо, и свободно. Поэтому же и самодѣтельности не должно отдѣлять отъ самобытности: самосущность и самодѣтельность въ абсолютномъ также тождественны. А если такъ, то и категория субстанціальности, понимаемая въ смыслѣ безотносительномъ, означаетъ не что либо отличное отъ того, что выражаетъ собою категория причинности, понимаемая въ томъ же смыслѣ, но обѣ категории означаютъ одно и то же. Именно категория субстанціальности указываетъ на самобытность или *самосущность* абсолютнаго начала, а самосущность тождественна съ *самодѣтельностью*; между тѣмъ именно самодѣтельное и есть въ собственномъ смыслѣ *причина*, причина, понимаемая не въ относительномъ, а безусловномъ смыслѣ. Какъ причина, абсолютное бытіе должно быть *творчески* производительною силою, силою всемогущею, ибо ограниченное могущество можетъ быть свойственно только силѣ зависимой, подчиненной, а не безусловной. Не только по своему происхожденію, по своему началу творчески—производительная дѣтельность абсолютнаго должна быть безусловно свободною и ни отъ чего независимою, но также и по своему завершенію, или иначе сказать, по своей цѣли, она должна быть столь же свободною и

независимою, а это значитъ, что конечная цѣль безусловной дѣятельности должна быть не внѣшняя, опредѣляемая чѣмъ либо постороннимъ и чуждымъ для нея, а внутренняя, заключающаяся въ ней самой. Очевидно отсюда, что абсолютное бытіе должно мыслить не только какъ причину дѣйствующую, производительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же должно быть и конечною причиною, или цѣлью своей дѣятельности: абсолютное есть единство *дѣйствующей* и *конечной* причины, весь кругъ дѣятельности, ему свойственной, имъ же самимъ объемлетя; въ немъ и начало, въ немъ же и конецъ этой дѣятельности: все, выступившее за этотъ кругъ, отпавшее отъ него, должно навсегда остаться ничтожнымъ, немощнымъ, лишеннымъ всякой производительной, творческой силы.

Если теперь мы спросимъ,—къ чему мы можемъ и должны примѣнить изложенныя опредѣленія абсолютнаго бытія, то отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть затруднителенъ. Мы имѣемъ двоякую дѣйствительность,—*субъективную* и *объективную*. Основую дѣйствительности объективной служить *матерія*, а основное начало дѣйствительности субъективной есть *духъ*. Матерія въ своихъ простѣйшихъ частяхъ не подлежитъ процессамъ происхожденія и разрушенія, слѣдовательно обладаетъ неизмѣнно продолжающимся бытіемъ,—вотъ одинъ изъ признаковъ абсолютнаго бытія, но это единственный признакъ, характеризующій абсолютное бытіе, который можно находить въ матеріи; всѣ же другіе признаки и притомъ важнѣйшіе отсутствуютъ: матерія не есть ни самосущее, ни самодѣятельное бытіе, ибо матерія—совокупность частицъ, но каждая частица, и по положенію, и по свойствамъ своимъ, зависима отъ всѣхъ другихъ, такъ что всѣ частицы матеріи зависимы одна отъ другой, а каковы всѣ части, таково же и цѣлое, состоящее изъ этихъ частей: и цѣлое не самобытно и не самодѣятельно; поэтому даже тотъ признакъ абсолютнаго бытія, какой мы нашли въ матеріи, нельзя не признать сомнительнымъ: дѣйствительно, мы можемъ лишь утверждать, что опытъ не свидѣтельствуетъ ни о началѣ, ни о концѣ существованія простѣйшихъ составныхъ частей матеріи, но нельзя сказать, что ни начало, ни конецъ матеріальнаго существованія *не мыслимы*,

напротивъ мыслимо и то, и другое, и въ этомъ все дѣло: мы вѣдь разсматриваемъ,—что и какъ *мыслимо* объ абсолютномъ бытіи, ибо абсолютное не есть предметъ опытнаго познанія, и о *понятіи* абсолютнаго, на основаніи опыта, ничего нельзя ни утверждать, ни отрицать. И такъ, опредѣленія абсолютнаго бытія къ матеріи не примѣнимы. И точно тѣ, которые допускаютъ, какъ предположеніе, ту мысль, что вся дѣйствительность, въ основаніи своемъ, есть матеріальная, утверждаютъ, что всѣ опредѣленія бытія, заключающіяся въ нашемъ познаніи дѣйствительности, относительны и условны, и что поэтому безусловное мы не имѣемъ права ни утверждать, ни отрицать, а просто должны признать его непостижимымъ. Это положеніе позитивистовъ имѣетъ собственно тотъ смыслъ, что въ познаваемой нами дѣйствительности, т. е., въ дѣйствительности матеріальной, ибо для нихъ вся дѣйствительность есть матеріальная, ничего абсолютнаго мы не находимъ, иначе сказать: матеріальная дѣйствительность повсюду оказывается условною и относительною, а потому опредѣленія абсолютнаго къ ней не примѣнимы. На этомъ основаніи позитивисты полагаютъ далѣе, что всѣ опредѣленія абсолютнаго бытія не что иное, какъ пустыя слова, лишены всякаго реального значенія. Это было бы такъ, если бы было вѣрно, что матеріальная дѣйствительность есть единственная. Между тѣмъ на дѣлѣ субъективная дѣйствительность духа есть болѣе несомнѣнная и реальная, чѣмъ объективная, матеріальная дѣйствительность.

Впрочемъ, выше было показано, что и въ отношеніи къ субъективному духу категоріи субстанціальности и причинности имѣютъ лишь относительный, условный смыслъ. Но то важно, что субъективному духу человека свойственно *стремленіе къ безусловному*. А само по себѣ это стремленіе внушаетъ вѣру въ бытіе абсолютнаго духа, и служитъ ручательствомъ истинности этой вѣры, ибо означенное стремленіе, не что либо искусственное и временное для субъективнаго духа; но есть настолько существенное его свойство, что духовная жизнь безъ такого стремленія собственно и невозможна, такъ что въ стремленіи этомъ заключается существо и жизнь духа. Дѣйствительно всѣ явленія духовной жизни и дѣятельности человека,

какъ извѣстно, заключаются либо въ познаніи истины, либо въ осуществленіи высшаго, конечнаго блага, либо наконецъ въ созданіи красоты въ чувственныхъ образахъ и формахъ, и въ наслажденіи ею. Истина, благо и красота,—таковы идеальныя цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій; какъ идеальныя, эти цѣли имѣютъ своимъ объектомъ безусловное. Это значитъ, что въ безусловномъ Духѣ соединяются всѣ ко вечныя цѣли стремленій человѣческаго духа. Выше было найдено, что Абсолютное, какъ причина, есть единство дѣйствующей и конечной причины, что оно есть не только творчески производительная сила, но и ко вечная цѣль творчества. Теперь для насъ очевидно, что такое значеніе, именно значеніе конечной причины, идея абсолютнаго Духа имѣетъ главнымъ образомъ въ отношеніи къ ограниченному и условному человѣческому духу, для котораго въ Духѣ абсолютномъ заключается и совершеннѣйшая истина, и величайшее благо, и всесовершенная красота.

Такъ какъ главный предметъ нашего разсужденія мышленіе, какъ дѣятельность познавательная и самое познаніе, то для насъ важно разъяснить, какимъ образомъ въ абсолютномъ Духѣ заключается ко вечная цѣль познанія, и какое отсюда получается понятіе о познаніи. Такъ какъ познаніе, достигшее ко вечной цѣли своей, есть познаніе наиболѣе совершенное, то очевидно въ настоящемъ случаѣ должна быть рѣчь о наиболѣе совершенномъ познаніи и такимъ образомъ въ концѣ своего разсужденія мы снова приходимъ къ его началу, и съ чего начали, тѣмъ мы и должны окончить; вопросъ, поставленный нами въ началѣ, именно вопросъ о совершенномъ познаніи только теперь долженъ получить окончательное свое разрѣшеніе, ибо, послѣ всего сказаннаго, теперь это рѣшеніе должно оказаться уже не голословнымъ, а достаточно мотивированнымъ.

Какое познаніе слѣдуетъ признать наиболѣе совершеннымъ? Совершенное познаніе есть *истинное*, а истиннымъ признается обыкновенно познаніе, во всемъ согласное со своимъ предметомъ. Но очевидно, что полная увѣренность въ согласіи познанія со своимъ предметомъ возможна только при томъ условіи, если мы, обладая пріобрѣтеннымъ познаніемъ, обладаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ предметомъ познанія, ибо безъ этого

невозможно полное совпаденіе познанія со своимъ предметомъ, или по крайней мѣрѣ всегда возможно сомнѣніе относительно такого совпаденія. Означенное условіе достовѣрности заключается въ *самопознаніи*, тѣмъ именно и отличающемся отъ всякаго иного познанія, что въ немъ предметъ познанія и самое познаніе тождественны: субъектъ познающій въ самопознаніи является самъ же и предметомъ познанія. Дѣйствительно, самое совершенное познаніе мы иначе не можемъ себѣ представить, какъ въ видѣ самопознанія: намъ думается, что только тогда мы были бы въ состояніи постигнуть природу вещей, если бы наше сознаніе внутреннимъ образомъ въ состояніи было обнять собою все существующее, если бы такъ сказать весь міръ вошелъ въ нашу душу и мы внутреннимъ образомъ могли мысленно созерцать все пребывающее и происходящее въ мірѣ. Безъ сомнѣнія только подъ вліяніемъ этого стремленія все внѣшнее сдѣлать какъ бы внутреннимъ для насъ, для нашего сознанія, могло возникнуть то предположеніе, что лучшей путь къ познанію всего внѣшняго заключается въ самопознаніи, что въ существѣ человѣка заключено существо всѣхъ вещей, что человѣкъ есть малый міръ, т. е., совершенное подобіе великаго міра, что наша душа отображаетъ въ себѣ всю вселенную (Лейбницъ).

Но не противорѣчитъ ли опытъ такому понятію о совершенномъ познаніи на каждомъ шагу? Вѣдь самыя достовѣрныя и точныя познанія заключаются въ наукѣ о внѣшнемъ мірѣ, и не потому ли все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе методъ естествознанія, именно экспериментальный методъ, и при изслѣдованіи явленій внутренняго міра? Дѣло очевидно въ томъ заключается, что самый предметъ самопознанія подлежитъ непрерывной измѣняемости, для поверхностнаго наблюденія представляется наименѣе устойчивымъ, и отсюда и о самопознаніи дѣлается заключеніе, какъ о самомъ несовершенномъ способѣ познанія, причемъ оставляется безъ вниманія тотъ важный фактъ, что, не смотря на измѣнчивость психологическихъ теорій, основныя понятія о психологическихъ явленіяхъ всегда были тѣ же, да и современная наука со всѣми усовершенствованными способами изслѣдованія, можно сказать, ничего существен-

наго къ тѣмъ понятіямъ не прибавила. Изъ означеннаго свойства предмета самопознанія слѣдуетъ заключеніе не о томъ, что самопознаніе есть видъ познанія несовершенный, а о томъ, что условіемъ совершенства этого познанія (по причинѣ единства познанія съ познаваемымъ предметомъ) служитъ стремленіе къ усовершенію самого предмета, т. е., нашей души, ея силъ и свойствъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что тѣ апріорныя начала, принадлежащія къ области самопознанія, въ которыхъ заключаются элементы всякаго познанія, какъ составляющія всегдашнее достояніе нашего сознанія и употребляемыя нами непрерывно, поэтому самому представляются намъ чѣмъ то малозначущимъ, что само собою разумѣется и о чемъ нѣтъ нужды говорить. Поэтому неудивительно, что всякое новое фактическое свѣдѣніе представляется иногда несравненно болѣе важными, чѣмъ тѣ положенія и понятія, безъ которыхъ невозможно было бы никакое познаніе. Конечно нельзя не признать совершенно ложнымъ стремленіе, бывшее нѣкогда, изъ апріорныхъ началъ развить систему всеобъемлющаго знанія, такъ какъ бы для этого, кромѣ тѣхъ началъ, ничего не требовалось, но и такое несомнѣнно ложное стремленіе дѣлается понятнымъ, если взять во вниманіе, что именно самопознаніе, какъ образецъ совершеннаго познанія, служитъ источникомъ недовольства, простымъ расширеніемъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, побуждая насъ постоянно стремиться къ возможному *углубленію* нашихъ понятій о природѣ вещей, пользуясь для этого добываемыми наукою знаніями лишь какъ матеріаломъ. Иначе сказать, изъ названнаго источника рождается постоянно вновь стремленіе къ возможному *усовершенію* нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ.

Совершенство познанія иногда полагается въ обширности его объема: тотъ наиболѣе знающій человѣкъ, по этому понятію о совершенномъ знаніи, кто много знаетъ. Аристотель полагалъ, что и этотъ признакъ принадлежитъ философскому познанію, т. е., тому познанію, которое основывается на самопознаніи, и въ немъ главнымъ образомъ заключается. Онъ такъ полагалъ на томъ основаніи, что въ общемъ содержится частное (по сему въ силлогизмѣ изъ общаго выводится частное) и

слѣдовательно знающій общее, знаетъ нѣкоторымъ образомъ и частное, а философское познаніе, по содержанію своему, есть именно познаніе наиболѣе общаго, это познаніе универсальное, всеобъемлющее ¹⁾. Но опытъ показываетъ, что изъ общихъ началъ никакимъ образомъ (какъ это пытались слѣлать нѣкоторые философы) нельзя вывести всѣхъ частныхъ знаній о предметахъ, на которые эти общія положенія простираются, точно такъ же, какъ и наоборотъ, сами по себѣ взятыя, частныя познанія не даютъ, чрезъ простое суммирование, или такъ называемое обобщеніе, необходимыхъ общихъ положеній, а только *предполагаютъ* ихъ. Поэтому кто имѣетъ ясное и отчетливое разумѣніе общихъ положеній, чрезъ это самое вовсе еще не обладаетъ всѣми частными познаніями, состоящими въ связи съ тѣми положеніями, и наоборотъ, человекъ, обладающій множествомъ частныхъ знаній, можетъ быть вовсе лишенъ философскаго разумѣнія общихъ принциповъ. Итакъ, долженъ быть двоякій способъ пріобрѣтенія познаній, и самое достоинство познаній, пріобрѣтаемыхъ тѣмъ и инымъ способомъ, должно быть не одинаково. Частныя познанія пріобрѣтаются путемъ опыта; общими положеніями мы овладѣваемъ чрезъ правильное методическое размышленіе. Частныя (спеціальныя) знанія отличаются свойствомъ практической примѣнимости къ достиженію разныхъ цѣлей, а потому имѣютъ не столько теоретическое, сколько практическое значеніе: теоретическое значеніе ихъ ограничено тѣмъ, что они имѣютъ своимъ содержаніемъ только явленія и опредѣляютъ отношенія явленій, а потому полной истины въ себѣ не заключаютъ, ибо всегда указываютъ на нѣчто недостающее для познанія полной истины, и вотъ почему, наибольшая важность частныхъ опытныхъ знаній заключается въ ихъ практическомъ употребленіи. Не таково значеніе положеній, основанныхъ на самопознаніи и раскрывающихъ содержаніе его. Такія положенія имѣютъ не практическое, а умственно

¹⁾ „Изъ общепризнаваемыхъ признаковъ мудреца, говор. Аристотель, *всезнаніе* (τὸ μὲν παντὰ ἐπίστασθαι) несомнѣнно принадлежитъ тому, кто обладаетъ въ наибольшей мѣрѣ *знаніемъ общаго* (ἔχοντι τὴν καθόλου ἐπιστήμην), ибо таковой нѣкоторымъ образомъ знаетъ и все содержащееся въ общемъ (τὰ ὑποκείμενα). Мет. кн. 1, гл. 2.

и нравственно образовательное значеніе; ихъ вліяніе простирается не на внѣшнюю жизнь человѣка, а на внутренній строй его личности, на его характеръ, а потому этого рода познаніе имѣетъ самостоятельное значеніе, какъ выраженіе истины, которая сама по себѣ цѣнна для человѣка, а не служитъ только средствомъ для иной посторонней какой либо цѣли.

По причинѣ существованія двухъ родовъ познанія и понятіе о знаніи въ разное время мы видимъ совершенно различное. Древніе философы и нѣкоторые изъ новыхъ подъ именемъ знанія, науки разумѣли по преимуществу философскую дѣятельность мышленія, основанную на самосознаніи и направленную къ раскрытію самосознанія, столь важную для достоинства человѣка и цѣнности его жизни. Познавательный процессъ въ философскомъ познаніи неотдѣлимъ отъ его результатовъ—понятій и вотъ почему съ одной стороны этотъ процессъ кажется безплоднымъ, не дающимъ твердыхъ знаній, а съ другой стороны подъ философскимъ познаніемъ разумѣется и познавательный процессъ и результаты этого процесса вмѣстѣ, какъ единая нераздѣльная умственная энергія (*θεωρία*). Въ новѣйшее время подъ именемъ знанія, науки разумѣютъ почти исключительно опытная частныя знанія, а въ связи съ этимъ обыкновенно отрицается научное значеніе философіи, или же требуютъ, чтобы философія также была наукою опытною. Однако ничто не препятствуетъ, напротивъ есть принудительныя и важныя основанія признавать двоякій родъ познанія, съ неравнымъ значеніемъ, но одинаково необходимый. Познаніе опытное слѣдуетъ различать отъ умозрительнаго, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на собственно умозрительное (математическое) и рефлексивно отвлеченное, собственно философское; логическою формою послѣдняго служитъ *понятіе*, какъ *сужденіе* составляетъ форму опытнаго и отчасти умозрительнаго познанія. Изъ всѣхъ математическихъ наукъ только въ геометріи понятіе является господствующею формою познанія (геометрическія опредѣленія); но потому-то въ новѣйшее время, въ трудахъ новыхъ геометровъ эта наука получила преимущественно философскую обработку и философскій характеръ, ибо пространство рассматри-

вается, какъ предметъ не созерцаемый умственно, но какъ *мыслимый* (съ неопредѣленнымъ числомъ измѣреній).

Какимъ же образомъ, спрашивается теперь, согласить допущенное намъ предположеніе о двухъ видахъ познанія съ необходимою мыслью о единствѣ познанія, которой соотвѣтствуетъ столь же необходимое предположеніе о единствѣ бытія? Вопросъ этотъ легко разрѣшается тѣмъ свойствомъ нашего мышленія, что оно развивается и проявляетъ себя въ двоякомъ направленіи,—какъ дѣятельности частію *аналитическая*, а частію *синтетическая*. Съ этимъ связано необходимо двоякое употребленіе апріорныхъ началъ мышленія,—собственно категорій, употребленіе ихъ въ границахъ опыта состоитъ въ томъ, что они входятъ въ качествѣ необходимыхъ элементовъ въ составъ опытнаго познанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ категоріи служатъ необходимыми основаніями философскаго познанія, имѣющаго уже не аналитическій (какъ опытное познаніе), а преимущественно синтетическій характеръ. Такимъ образомъ категоріи оказываются необходимыми элементами мышленія въ обоихъ направленіяхъ его дѣятельности, аналитическомъ и синтетическомъ. Иное дѣло идеи. Это начала собственно синтетическія, а потому при господствѣ мышленія аналитическаго обыкновенно вовсе отрицаются. Философія—особый родъ познанія рефлексивнаго, осуществляемаго чрезъ отвлеченную дѣятельность мышленія, чѣмъ она отличается отъ познанія опытнаго, гдѣ главное значеніе принадлежитъ наблюденію. Это опредѣленіе философіи *аналитическое*, имѣющее въ виду выразить ея различіе отъ другихъ видовъ познанія. Но назначеніе философіи заключается въ томъ, чтобы приводить къ единству необходимые элементы мышленія, заключающіеся въ содержаніи различныхъ наукъ, возводитъ ихъ къ высшимъ всеобщимъ началамъ, и такимъ образомъ способствовать созданію единаго всеобъемлющаго міросозерцанія. Это опредѣленіе философіи *синтетическое*, указующее на необходимую ея связь со всякимъ познаніемъ. Одно изъ двухъ: или философія есть особый видъ познанія, именно познаніе отвлеченно рефлексивное, отличное отъ опытнаго познанія и отъ математическаго, которое есть родъ познанія средній между

тѣмъ и другимъ; или же существуетъ только опытное позна-
нiе, а подъ наукою должно разумѣть совокупность познанiй
опытныхъ. Въ такомъ случаѣ отъ науки въ собственный смыслѣ
должно различать систему мышленiя, и мы будемъ имѣть дwoя-
кую систему: систему представленiй и систему понятiй, науку
и философию, познанiе и мышленiе.

П. Линицкiй.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТИЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

Милль указываетъ на неоспоримый фактъ, что религія даже своимъ ученіемъ о вѣчности загробныхъ мученій не всегда является мотивомъ, предупреждающимъ преступленія. Это, повторяемъ,—правда; но что отсюда слѣдуетъ? То ли, что религія непригодна, а потому ее должно оставить? или то, что общественное мнѣніе въ состояніи восполнить недостатокъ нравственнаго воздѣйствія на людей со стороны религіи? Перваго заключенія вывести нельзя; хотя и несомнѣнная истина, что религія въ практическомъ смыслѣ весьма нерѣдко оказывается недѣйственной, тѣмъ не менѣе это еще не можетъ служить доказательствомъ во вредъ религіи. Она и при этомъ всегда можетъ быть истиной, какъ на примѣръ—истина, что чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ истощаетъ организмъ, хотя знаніе этой истины въ большинствѣ случаевъ вовсе не оказываетъ благопріятнаго вліянія на поступки пьяницъ. Касательно втораго вопроса надо сказать, что общественное мнѣніе еще менѣе, чѣмъ религія, способно быть воспитателемъ воли людей въ нравственно-доброе направленіе. Разъясняя выше вопросъ о томъ, вслѣдствіе какихъ причинъ общественное мнѣніе узаконяетъ одни поступки людей и осуждаетъ другіе, мы пришли къ заключенію, что это происходитъ благодаря дѣятельности чувства добра. Но если и справедливо, что бываютъ случаи, когда общественное мнѣніе слѣдуетъ вну-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17, за 1896 г.

шеніямъ этого чувства, то съ другой стороны всегда можетъ случиться, какъ оно дѣйствительно и бываетъ, что общественное мнѣніе ошибочно подъ именемъ добра освятитъ поступки, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ того не заслуживающіе, или же прямо узаконитъ порокъ, вполнѣ сознавая это. Служа всегда выраженіемъ внутреннихъ склонностей и симпатій лицъ, составляющихъ общество, общественное мнѣніе никогда само по себѣ не проведетъ строгой границы между тѣмъ, что добро, и тѣмъ, что зло. То и другое всегда будетъ зависѣть отъ того, какія чувства въ данную пору господствуютъ среди общества. А такъ какъ чувства людей бываютъ различны и такъ какъ въ одно время преобладаютъ одни изъ нихъ, а въ другое могутъ взять верхъ совсѣмъ другія, то въ обществѣ никогда не будетъ твердыхъ и ясныхъ понятій о добрѣ и злѣ. Поэтому и общественное мнѣніе также будетъ колебаться, нынѣ освящая то, завтра другое. Далѣе: никто не станетъ возражать противъ той мысли, что напряженіе чувствъ безнравственныхъ по большей части бываетъ въ человѣкѣ сильнѣе, чѣмъ напряженіе чувствъ нравственныхъ; чувства своекорыстныхъ всегда дѣйствуютъ съ большей настойчивостью, нежели чувства имъ противоположныя. Это съ особенною ясностью показываетъ тотъ весьма извѣстный фактъ, что господство какой нибудь высоконравственной идеи продолжается обыкновенно очень не долго. Много ли, напримѣръ, лѣтъ сохранялась чистота нравовъ въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ? они вачали портиться еще при жизни апостоловъ. Всегда будучи спутникомъ человѣческихъ чувствъ или, какъ мы сказали въ одномъ мѣстѣ, — внѣшнимъ показателемъ внутренняго настроенія, общественное мнѣніе во всякое время будетъ обнаруживать болѣе склонности въ сторону порока, чѣмъ въ сторону добродѣтели. Самъ Милль прекрасно подтверждаетъ нашу мысль словами стр. 78; подтвержденіе нашей мысли можно видѣть также и въ его указаніи на дуэль и торговлю женщинами, — два явленія въ общественной жизни, до сихъ поръ пользующіяся благосклонностью общественнаго мнѣнія. И кромѣ этого можно представить не мало случаевъ изъ жизни обществъ, прямо вредныхъ, а между тѣмъ узаконяемыхъ обще-

ственнымъ мнѣніемъ. Развѣ мало, на примѣръ, говорилось и говорится противъ табакокурения, пьянства, баловъ, маскарадовъ балетовъ и многого множества другихъ предосудительныхъ развлеченій, которыми тѣшитъ себя праздный состоятельный людъ? Но общественное мнѣніе ни мало не возмущается всѣмъ этимъ; на примѣръ, кто бы вздумалъ изъ лицъ, принятыхъ въ обществѣ, возстать противъ его дурныхъ развлеченій, того бы наказали насмѣшками, или изгнали бы. Въ этомъ случаѣ гнетъ общественнаго мнѣнія съ особенной силою тяготѣетъ надъ женщиной; дѣвушка, на примѣръ, не смѣетъ и появиться на балъ, если у ней талія не перетянута корсетомъ въ нитку. Многие ли также изъ высшаго общества готовы назвать супружескую невѣрность прямо принадлежащимъ этому пороку именемъ—развратомъ! Не слыветъ ли напротивъ тайное, хотя и всѣмъ извѣстное сожителство чужихъ женъ съ чужими мужьями за своего рода удалство, ловкость, за умѣнье пользоваться дарами природы, за блестящій житейскій оборотъ! Вѣдь хорошо знаютъ, какъ мало зла видитъ общество въ любовныхъ интригахъ, очень и очень нерѣдко предпринимаемыхъ супругами тайкомъ другъ отъ друга, но явно для постороннихъ.

Общественное мнѣніе негодно, такимъ образомъ, вдвойнѣ: оно не доставляетъ средствъ различать добро отъ зла и очень легко склоняется на сторону порока. Значить, съ одной стороны оно не можетъ быть нравственнымъ судьей (критеріумомъ), съ другой—само въ нравственномъ отношеніи несостоятельно.

Окончательнымъ доводомъ въ пользу признанія за религіей практическаго безсилія служатъ въ устахъ Милля слѣдующіе три указываемые имъ факта: фактъ обращенія, фактъ христіанскаго мученичества и то обстоятельство, что умирающіе не обнаруживаютъ никакого безпокойства, переселяясь въ вѣчность. Онъ утверждаетъ, что обращеніе только въ первыя мгновенія происходитъ подъ вліяніемъ страха наказаній, а затѣмъ, когда обращеніе уже состоялось и страхъ исчезъ, его мѣсто заступаетъ общественное мнѣніе, которое съ этого времени и управляетъ волей обращеннаго (87). Намъ кажется, что Милль ложно толкуетъ фактъ. Онъ имѣетъ

право сказать, что обращеніе вызывается болѣе или менѣе напряженнымъ или возбужденнымъ душевнымъ состояніемъ, положимъ даже—страхомъ; но нѣтъ основаній утверждать, будто послѣ обращенія мотивомъ для дѣятельности человѣка становится общественное мнѣніе. Если Милля привело къ такому заключенію то обстоятельство, что обращенные уже не обнаруживаютъ болѣе сильнаго душевнаго возбужденія, а напротивъ поражаются ровностью, невозмутимостью настроенія; то этому можно дать иное объясненіе, болѣе подходящее къ дѣлу и не столь искусственное. До обращенія и пожалуй во время обращенія человѣка волнуютъ сильныя ощущенія; послѣ обращенія душевное волненіе укладывается и на мѣсто сильныхъ ощущеній, руководившихъ раньше его дѣйствіями, является *твердое знаніе* правилъ вновь принятаго нравственнаго ученія и не столько знаніе, сколько *уверенное* въ себѣ и всегда сопровождаемое *чувствомъ долга* сознаніе валагаемыхъ этимъ ученіемъ обязанностей. Это сознаніе обязанностей и становится теперь побужденіемъ для дѣятельности обращеннаго, а никакъ не общественное мнѣніе. Что касается христіанскихъ мучениковъ, то Милля совершенно правъ, объясняя ихъ подвиги не увѣренностью въ полученіи за гробомъ наградъ, а „божественнымъ энтузіазмомъ“, „преданностью идеѣ“. Къ этому надо только добавить, что страхъ наказаній вовсе не предлагается религіею въ качествѣ нравственнаго мотива; таковымъ мотивомъ служить, по смыслу ея ученія, любовь къ Богу и ближнимъ, на наказанія же въ загробномъ мірѣ она смотритъ какъ на необходимое слѣдствіе дурно проведенной жизни здѣсь на землѣ. Вотъ почему Милля собственно и не попадаетъ въ цѣль, выдвигая при сравнительной оцѣнкѣ нравственной способности религіи и общественнаго мнѣнія—страхъ, будто бы признающійся религіей въ качествѣ главнаго орудія своего нравственнаго воздѣйствія. Последняя ссылка Милля на умирающихъ, сохраняющихъ будто бы спокойствіе при отходѣ въ загробную жизнь, не имѣетъ никакого значенія. Видимое спокойствіе ихъ можетъ зависѣть не отъ того, отъ чего предполагаетъ Милля, а отъ той причины, что тѣло, умирая, естественно теряетъ способность къ выраженію душевнаго состоянія умирающаго. Такъ какъ тѣлесная

смерть и состоитъ именно въ остановкѣ кровообращенія и въ прекращеніи всѣхъ механико-химическихъ отправленій организма, то вполне понятно, что то сочетаніе разнообразныхъ движеній мускуловъ, въ которомъ обыкновенно проявляется видимымъ образомъ душевная жизнь человѣка, становится невозможнымъ,—отсюда-то и получается наружный покой умирающихъ, естественная неподвижность ихъ членовъ. Кто же можетъ сказать, что испытываютъ они передъ порогомъ вѣчности? ¹⁾

Заключая свои разсужденія о нравственномъ безсиліи религіознаго мотива, Милль бросаетъ замѣтку, что религія не только слаба, какъ нравственный дѣятель, но и положительно вредна, такъ какъ, освящая извѣстныя нравственныя понятія, она тѣмъ самымъ полагаетъ предѣлы ихъ развитію, вслѣдствіе чего нравственность человѣческая теряетъ возможность къ улучшенію. Это было бы справедливо въ двухъ только случаяхъ: 1) когда религія, освящающая какія нибудь нравственныя понятія, несовершенна; 2) когда нѣтъ такой религіи, предметъ которой составляла бы истина. Никто не станетъ спорить, что нравственность, проповѣдуемая, на примѣръ, Кораномъ, не можетъ быть названа ни совершенной, ни неизмѣняемой. Такъ какъ Коранъ содержитъ въ себѣ такія религіозныя воззрѣнія, которыя нельзя назвать истинными, то и заключающіяся въ немъ нравственныя понятія, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ частяхъ, несомнѣнно ложны; а поэтому справедливо будетъ сказать, что магометанская религія вредна для нравственности. Но есть религія истинная, есть совокупность вѣрованій, въ которыхъ содержатся знанія и понятія о дѣйствительно существующихъ предметахъ. Эта религія и эти вѣрованія, какъ предлагающія людямъ истину, не могутъ нанести вреда ихъ нравственности; будучи истиной, они и для нравственности укажутъ истинныя же побужденія, сообщать дѣйствительныя понятія о добрѣ и злѣ и, по этой причинѣ, дадутъ вѣрную, а равно и безусловно совершенную мѣру для оцѣнки человѣческихъ дѣйствій. Такую религію уже нельзя будетъ назвать вредной для нравствен-

¹⁾ Примѣчаніе. Далѣе на стр. 91 и 92 идетъ рѣчь о томъ, будто нравственные истины очевидны сами по себѣ. Разборъ этого мнѣнія Милля представленъ нами въ прибавленіи къ настоящей шестой главѣ.

ности. Поставляя нравственному сознанию людей образъ совершеннаго человѣка, она не задержитъ развитіе или улучшеніе нравственности, а напротивъ сдѣлаетъ это улучшеніе возможнымъ, указавъ нравственности разъ навсегда опредѣленное направленіе, такъ какъ улучшеніе, что мы видѣли уже выше, и мыслимо только въ виду какого либо образца.

Итакъ, чувства улучшаются не сами собою, но подъ вліяніемъ идеи совершеннаго, какъ психической реальности. Авторитетъ, воспитаніе и общественное мнѣніе дѣйствуютъ также силою присущихъ человѣческому духу чувствъ. По утверждянію Милля, зависимость религіи отъ чувствъ выражается въ томъ, что, совершенствуясь, они очищаютъ и ея содержаніе. Но содержаніе религіи составляетъ почитаніе Бога—Духа всесовершеннаго, иначе—высочайшаго. Это нами доказано, и, слѣдовательно, должно признать, что причиною улучшенія является не что иное, какъ сама же религія, потому что идеаль совершенства носить въ себѣ ни кто другой, какъ она сама. Съ другой стороны не можетъ она подлежать и зависимости отъ остальныхъ указанныхъ Миллемъ силъ нравственнаго вліянія. Если практически оказываются человѣческія чувства, а религія ихъ улучшаетъ, то, слѣдовательно, *они* зависятъ отъ нея, а не *она* отъ нихъ. Эту послѣднюю мысль подтверждаютъ и другія основанія, почерпнутыя изъ внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія нравственнаго вопроса.

Намъ уже приходилось убѣдиться, что если отказать религіи во вмѣшательствѣ въ нравственную дѣятельность людей, то остается одно средство для различенія добра отъ зла, это—*польза*, т. е., полезность или вредъ, проистекающія отъ человѣческихъ дѣйствій, и будетъ разграничивать ихъ на добрыя и злыя. Милль въ особомъ сочиненіи „Утилитаризмъ“ дѣйствительно развиваетъ такіе взгляды. Мы не будемъ подробно излагать ученія Милля о нравственности, считая это неблагодарнымъ трудомъ, а прямо обратимся къ разсмотрѣнію того, возможно ли, заручившись принципомъ пользы, приступать къ нравственной дѣятельности и суду надъ ней.

Что требуется отъ нравственнаго критерія? Первая его обязанность ясно и раздѣльно указать, въ чемъ состоитъ добро и

въ чемъ зло. Очевидно, призывая пользу въ судьи нравственной дѣятельности нашей, добромъ, по ея суду, мы назовемъ то, что полезно, зломъ—то, что вредно. Однако на этомъ остановиться нельзя. Такъ какъ главная задача нравственнаго критерія состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность человѣку, совершая одни дѣйствія, воздерживаться отъ другихъ и такъ какъ намъ, по требованію пользы, нужно совершать дѣйствія полезныя и воздерживаться отъ дѣйствій вредныхъ, то естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ отличить пользу отъ вреда, чтобы было ясно, что сообразно этому дѣлать и чего не дѣлать? По нравственному критерію христіанскаго ученія здѣсь не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія, потому что это ученіе даетъ прямую заповѣдь, ясно и рѣшительно одно воспрещающую, а другое повелѣвающую; не такъ по критерію полезности. Полезность и вредъ, доставляемые взаимными дѣйствіями людей другъ другу, по нашему убѣжденію, могутъ опредѣляться исключительно тѣмъ, какія состоянія вызываютъ они въ каждомъ изъ людей. Если какое нибудь дѣйствіе сопровождается пріятнымъ состояніемъ, оно, значитъ, полезно, а если наоборотъ непріятнымъ, значитъ вредно. Подавая пищу голодному, одѣвая нагого, приглашая въ домъ безпріютнаго и т. д., всѣмъ этимъ я совершаю по отношенію къ призраваемымъ мною несчастнымъ такіа дѣйствія, которыя могутъ и мнѣ, и имъ доставлять удовольствіе. Слѣдовательно я поступаю сообразно съ требованіемъ пользы, т. е., мои дѣйствія согласны съ законами нравственности—нравственны, иначе говоря: я дѣлаю добро. Возьмемъ обратный приведенному примѣръ. Предположимъ, я похитилъ у знакомаго своего сундукъ съ деньгами, обеспечивающими все его существованіе; такъ что вслѣдствіе моего преступленія онъ принужденъ былъ идти по міру. Моя кража есть такое дѣйствіе, которое повлекло за собою множество самыхъ тяжелыхъ состояній въ душѣ потерпѣвшаго, т. е., выходитъ, что я совершилъ дѣйствіе вредное, а потому и противонравственное. По той-же самой причинѣ полезнымъ можно назвать здоровье, успѣхъ предпріятія, доставляющаго выгоду, лекарство, за которымъ наступаетъ выздоровленіе и т. д. Два первые приведенные случая какъ будто показываютъ, что принципъ полез-

ности способенъ дать указаніе, какія дѣйствія нужно совершать и какія вѣтъ. Но эта—способность только кажущаяся. Уже второй случай можетъ доказать, что, прибѣгая въ нравственной дѣятельности къ принципу полезности, человѣкъ не достигнетъ ровно никакихъ цѣлей. Обокравъ знакомаго, правда я доставилъ ему рядъ бѣдствій, пустивъ несчастнаго по міру; но за то, я, будучи передъ преступленіемъ, быть можетъ, въ такомъ-же положеніи, въ какомъ очутился теперь онъ, послѣ кражи разбогатѣлъ. А съ богатствомъ, само собою понятно, для меня начался, особенно, если я безсовѣстный, рядъ блаженствъ. Такимъ образомъ, мое дѣйствіе за разъ оказалось и полезнымъ, и вреднымъ, а отсюда: въ одно и то же время и добрымъ, и злымъ и нравственнымъ, и безнравственнымъ. Къ какому же роду дѣйствій, въ самомъ дѣлѣ, причислить его? что составляетъ оно: добро или зло? Объ этомъ принципъ полезности не скажетъ ровно ничего, хотя въ томъ состоитъ его прямая обязанность. Но, быть—можетъ, мы невѣрно поняли разсматриваемый принципъ; быть-можетъ, его требованіе составляетъ нѣчто иное. Что-же? Повидимому есть основаніе требованіемъ пользы считать правило: дѣлай то, что пріятно только другому, не заботясь, какія послѣдствія повлечетъ за собою такой образъ дѣйствій лично для исполнителя нравственной обязанности. Здѣсь, какъ будто, очень удобно устраивается трудность, на которую мы натолкнулись немного выше, такъ какъ правило: все для другихъ и ничего для себя, обезпечиваетъ личную пользу каждаго. Если каждый будетъ радѣть о счастіи другого, то тѣмъ самымъ осуществится и счастіе каждаго члена общества: я для тебя, а ты для меня, —вотъ что получается. Между тѣмъ справедливость трубуетъ сказать, что и это удобство мнимое.

Укажемъ на тотъ гибельный для теоріи пользы психологическій фактъ, что можетъ быть много пріятныхъ чувствъ въ человѣкѣ, удовлетвореніе которыхъ доставитъ удовольствіе, и эти чувства будутъ не только отличаться другъ отъ друга, но и взаимно противорѣчить одно другому.

Какому-же изъ нихъ обяжетъ меня удовлетворять принципъ полезности?

Такъ какъ пользою только и можно считать то, что доставляетъ человѣку удовольствіе, то по прямому смыслу этого нравственнаго начала слѣдовало-бы удовлетворять всѣмъ чувствамъ человѣка, которыя способны приносить съ собою наслажденіе; но тогда гибнетъ всякая нравственность. Мнѣ ничего не стоитъ встрѣтить, напримѣръ, такой весьма обыкновенный въ жизни случай: кто-нибудь, законно или незаконно, до такой степени раздраженъ кѣмъ-либо изъ своихъ недруговъ, что месть была-бы ему очень пріятной, много облегчила-бы его страданія. Но для исполненія ея у него нѣтъ средствъ. Побуждаемый горькимъ чувствомъ не оплаченной обиды, онъ обращается ко мнѣ и проситъ содѣйствія. Я, подъ вліяніемъ состраданія и не имѣя подъ рукой никакого нравственнаго принципа кромѣ пользы, которой не могу понять иначе, какъ сказано выше, даю согласіе. вмѣстѣ съ обиженнымъ мы совершаемъ преступленіе, предположимъ, убійство; противъ него принципъ пользы не сдѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія, потому что существенное требованіе его будетъ соблюдено. Но также и въ силу тѣхъ же самыхъ побужденій друзья жертвы нашей мести поступятъ съ кѣмъ-нибудь изъ насъ: съ мстителемъ или со мной —его помощникомъ. И здѣсь принципъ пользы станетъ торжествовать. Такимъ образомъ принципъ полезности не только не удержитъ отъ преступленій, а напротивъ повлечетъ за собою цѣлый рядъ ихъ, который пожалуй, и не кончится. Изъ этого нравственнаго безпорядка, весьма печальнаго и тяжелаго для людей, представляется послѣдній выходъ: различіе пользы частной, личной отъ общей. Дѣйствительно, очень нерѣдко можно встрѣтить такія выраженія, какъ: государственная польза, общая польза, польза всѣхъ. Строго говоря, всѣ эти выраженія, или названія за исключеніемъ перваго, если подъ словомъ „государство“ разумѣть не собраніе человѣческихъ единицъ, а нѣчто другое, не содержать въ себѣ никакого смысла. Что такое общая польза или польза всѣхъ? Общая польза можетъ быть только тогда, когда она является совокупностью, такъ сказать, пользы частныхъ; коль скоро это условіе не соблюдено, уже нельзя говорить, что существуетъ общая польза. Тогда можетъ быть только польза большинства

или меньшинства; но пользу меньшинства никогда не сочтутъ *общей* пользой; остается, слѣдовательно, одна польза большинства. Если, на примѣръ, живутъ вмѣстѣ 100 человекъ, и 75 изъ нихъ какое нибудь учрежденіе способно доставить пользу, а остальнымъ 25 вредъ, то принципъ общей пользы потребуетъ отъ послѣднихъ 25 уступки или подчиненія волѣ 75. Однако на какомъ основаніи 25 должны понести ущербъ къ выгодѣ 75? Предположимъ, обиженное меньшинство возстало. Въ такихъ обстоятельствахъ люди конечно обратятся къ суду пользы, такъ какъ другого нравственнаго начала нѣтъ и имъ неизвѣстно, какое рѣшеніе будетъ постановлено соотвѣтственно этому началу? Намъ думается, что никакого. Польза 25 и польза 75 будетъ отличаться только тѣмъ, что въ одномъ случаѣ людей, имѣющихъ право на пользу, меньше, а въ другомъ больше. Но такъ какъ право на какія-либо дѣйствія дается здѣсь пользой, а не количествомъ, то количество само по себѣ и не составитъ ни начала, ни побужденія для улаженія дѣла. Въ итогѣ полнѣйшая невозможность привести ссорящіяся стороны къ соглашенію. Точно также нельзя предлагать людямъ начало пользы *всѣхъ* при несоблюденіи личной пользы *всякаго*. Польза *всѣхъ* уже по самому названію своему мыслима только, пока соблюдается польза безусловно cadaго члена общества. Понеси хотя одна общественная единица вредъ въ то время, какъ всѣ остальные получили выгоду, уже пользы *всѣхъ* не будетъ. Тогда она опять является пользой большинства и слѣдовательно снова поведетъ къ затрудненіямъ, которыя мы указали и которыхъ никакимъ образомъ нельзя устранить посредствомъ принципа пользы.

Не удовлетворяя главному требованію, какое она должна выполнить, если хочетъ быть нравственнымъ критеріемъ, польза неспособна быть имъ и какъ мотивъ, побужденіе, она лишена второго свойства, которымъ долженъ обладать нравственный критерій. Польза, какъ мы сказали, заключаетъ въ своемъ содержаніи чувства, приносящія человѣку удовольствіе—безъ различія, добавимъ, предметовъ, ихъ вызывающихъ. Поэтому она, если и можетъ перейти въ мотивъ, то не иначе, какъ въ видѣ какого нибудь чувства, т. е., мотивомъ для дѣйствія, которое

освятить своимъ согласіемъ польза, будетъ всякое чувство, удовлетвореніе котораго несетъ съ собою удовольствіе.

Но должно сказать, что нѣтъ того чувства, удовлетвореніе котораго не сопровождалось-бы удовольствіемъ. Возьмемъ-ли мы чувство мести, о которомъ уже заходила рѣчь, чувство злобы, состраданія, любви, раздраженія, гнѣва и пр., всѣ эти и подобныя имъ волненія человѣка имѣютъ ту особенность, что не удовлетворяясь, доставляютъ переживающей ихъ душѣ степень страданія, а напротивъ удовлетворяясь—удовольствія. Вслѣдствіе этого каждое изъ нихъ будетъ съ одной стороны полезнымъ, съ другой, при соблюденіи извѣстныхъ условій, перейдетъ въ дѣйствіе, т. е., займетъ мѣсто мотива побужденія. А такимъ образомъ польза снова должна привести къ нравственной путаницѣ, или даже прямо къ истребленію нравственности, потому что при разнообразіи чувствъ и при ихъ разнорѣчи нравственная дѣятельность людей не только теряетъ постоянство и опредѣленность, но и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть, по смыслу, различныхъ изобрѣтенныхъ и по сію пору изобрѣтаемыхъ общежитіемъ законовъ. Она тогда испадаетъ на степень животнаго поступка, руководимаго единственно тѣмъ состояніемъ, какое завладѣваетъ душой въ то время, когда она раздражена и это раздраженіе получаетъ естественную склонность обнаружиться въ дѣйствіи. Но въ такомъ случаѣ нечего будетъ спрашивать съ людей и отвѣтственности, потому что все, что ни станутъ дѣлать они, все это будетъ сообразно побужденіямъ ихъ чувствующей природы. Кто же, по справедливости, рѣшится обвинять людей за то, въ чемъ они не виноваты. Природа ихъ тѣлеснаго и душевнаго устройства обязана своимъ возникновеніемъ не ихъ волѣ, которая является не болѣе, какъ послушной рабыней этой природы; и, само собой понятно, каждое дѣйствіе такой воли будетъ простымъ необходимымъ выводомъ изъ сочетанія различныхъ чувственныхъ состояній человѣка, ни ослабить, ни усилить которыхъ онъ не въ состояніи, а тѣмъ болѣе не въ состояніи подавить ихъ. Да и къ чему бы онъ задался подобною цѣлію, когда къ ней ни откуда не представляется ни малѣйшаго побужденія?

Тѣмъ не менѣе принципъ пользы можетъ вліять на дѣятель-

ность людей, какъ *знаніе*. Если допустить, что возможно точно и строго опредѣлить пользу и вредъ, а потому и знать, какъ въ извѣстномъ случаѣ поступить, чтобы дѣйствіе было согласно съ первой—пользой и противорѣчило второму—вреду, то и тогда разбираемый принципъ не приведетъ къ желаемой цѣли. Знаніе есть состояніе мысли; а мысль есть наислабѣйшій толчекъ для волеваго рѣшенія, толчокъ, въ сравненіи съ которымъ голосъ самаго безсильнаго чувства всегда можетъ оказаться побѣдоноснымъ. И воля, какъ только мысль и чувство столкнутся между собою, оспаривая другъ у друга власть надъ ней, непременно покорится чувству ¹⁾.

¹⁾ Милль представляетъ свои доказательства нравственной пригодности принципа пользы. Ихъ нелишне рассмотреть.

Читая и перечитывая сочиненіе Милля о нравственности, нельзя не почувствовать того умственнаго напряженія, съ каковымъ онъ усиливается отвоевать принципу полезности мѣсто нравственнаго критерія. Но эти усилія тщетны. Его опредѣленіе пользы вполне совпадаетъ съ нашимъ; это и поражаетъ его нравственную теорію въ самое сердце. Выпишемъ наиболѣе выдающіяся мѣста, относящіяся къ тому, какъ онъ понимаетъ пользу.

На страницѣ 16 говорится: „всѣ писатели, которые были сторонниками утилитаризма *), всѣ безъ исключенія отъ Эпикура до Бентама **), разумѣли подъ пользою не что либо противоположное удовольствію, но самое удовольствіе и вмѣстѣ отсутствіе страданія, ... полезное означаетъ собой и пріятное и прекрасное“. На слѣдующей 17 страницѣ читаемъ: „ученіе, признающее основаніемъ нравственности полезность или принципъ величайшаго счастья, оцѣниваетъ поступки по отношенію ихъ къ нашему счастью: тѣ поступки, которые ведутъ къ счастью,—хороши, а тѣ, которые ведутъ къ несчастью—дурны“. Вотъ два мѣста, гдѣ мысль, заключенная въ одномъ, поясняется мыслью, заключенной въ другомъ. Выходитъ не только то, что польза есть удовольствіе, но и то, что она, хотя бы и подъ другимъ именованіемъ, въ сущности означающимъ, однако, то же, распределяетъ поступки людей. Итакъ, все, что пріятно, полезно, а потому каждый поступокъ, доставляющій человѣку удовольствіе, полезенъ, слѣдовательно, нравствененъ или хорошъ, добръ? Этотъ неизбежный выводъ изъ Миллева пониманія пользы заставляетъ насъ вернуться къ тому доказательному положенію, что такъ какъ дѣйствій, доставляющихъ человѣку удовольствіе, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько въ человѣкѣ чувствъ, между которыми встрѣтятся всѣ степени чувствъ нѣжныхъ, благожелательныхъ и самыхъ зѣбрыхъ, то нравственность исчезаетъ: вмѣсто нея утверждается свое господство безпорядокъ со всѣми бѣдственными для человѣчества послѣдствіями, лучшее изъ которыхъ не знающая никакой мѣры и никакъхъ уступокъ—борьба за существованіе въ самомъ животномъ ея пониманіи. Далеко ли отсюда до войны всѣхъ противъ всѣхъ? Но Милль тотчасъ же снѣшитъ огра-

*) См. также страницю 80 и 81, гдѣ говорится: „всякое наслажденіе и всякое отсутствіе страданія желаются и желаются сами по себѣ“.

***) Милль сторонникъ его.

Какимъ образомъ избѣжать той путаницы въ нравственныхъ

ничить и значительно ограничить это, надо сказать, вполне вѣрное, опредѣленіе пользы. Вскорѣ оказывается, что не всѣ чувства, какъ источники удовольствія, должны быть признаны полезными. Какъ только разсужденія Милля вступили на эту дорогу, сразу же началось отступленіе отъ пользы, какъ нравственнаго принципа. На страницѣ 8 его книги о нравственности сказано: „знаніе добра и зла должно быть средствомъ къ распознаванію, что хорошо и что дурно“. Изъ приведеннаго выше свидѣтельства страницы 17 намъ извѣстно, что составляетъ, по утилитаріанамъ, а въ томъ числѣ и по Миллю, это средство распознанія нравственнаго,—счастія, или опять та же польза, ибо счастье, вѣдь, вѣсть рядъ удовольствій, какъ доказывается тутъ же. Стало быть, распознать нравственно хорошее и нравственно дурное, съ точки зрѣнія Милля, какъ оно и должно быть, если пользѣ придавать значеніе нравственнаго суждѣнія, слѣдуетъ пользѣ. Однако этого назначенія она не можетъ выполнить, или если можетъ, то только такъ: все полезное нравственно хорошо, т. е., рѣшительно всѣ чувства, сколько бы ихъ ни было у человѣка и въ чемъ бы ни состояло ихъ содержаніе, хороши. Между тѣмъ Милль заявляетъ на страницѣ 20, что уже Эпикурейцы всегда ставили „выше чувственныхъ наслажденій удовольствія умственныя и нравственныя, удовольствія воображенія и чувства“; немного пониже на той же страницѣ видимъ собственный, очепь рѣшительно выраженный взглядъ Милля: „я не вижу, говоритъ онъ, никакого противорѣчія утилитаріанскому принципу—признать, что извѣстнаго рода удовольствія болѣе желательны и болѣе цѣнны, чѣмъ удовольствія другаго рода“. Почему? спросимъ мы. Если бы съ этимъ вопросомъ обратиться къ христіанину, онъ отвѣтилъ бы: потому что одни удовольствія ведутъ къ добру, а другія ко злу. Отвѣтъ христіанина былъ бы произнесенъ въ полнѣйшемъ согласіи съ критеріемъ христіанской нравственности: сверхъ того, онъ былъ бы имъ обусловленъ, такъ какъ только этотъ критерій даетъ христіанину средство распознать добро и зло. Послѣдователь Миллева ученія также обязанъ дать подобный отвѣтъ, т. е., такой: я потому предпочитаю одни удовольствія другимъ, что первыя полезны, а вторыя вредны; этотъ отвѣтъ былъ бы вполне вѣренъ, какъ правильное логическое послѣдствіе принципа полезности или счастья. Но онъ не вѣренъ самъ по себѣ; мало того: если разобрать его содержаніе, онъ прямо лѣтъ. Польза означаетъ удовольствіе; поэтому, называя одни удовольствія полезными, послѣдователь Милля собственно утверждаетъ, что они суть удовольствія, и почитая другія вредными, въ сущности допускаетъ невозможную мысль, что они не суть удовольствія, т. е., отнимаетъ у нихъ признакъ, безъ котораго они перестаютъ существовать, перестаютъ быть тѣмъ, что они есть. Во избѣжаніе этой нелѣпости у Милля остается возможность дать принципу пользы слѣдующее приращеніе: одни удовольствія онъ можетъ назвать болѣе полезными, а другія менѣе полезными, и соотвѣтственно такому отношенію расположить ихъ по отдѣламъ, отнеся болѣе полезныя къ нравственно хорошимъ, а менѣе полезныя къ нравственно непозволительнымъ. Отъ вниманія Милля не ускользнула эта возможность. Онъ не только утверждаетъ, что удовольствія различаются между собою, какъ болѣе цѣнныя и какъ менѣе цѣнныя, но и указываетъ основаніе, почему вѣкоторыя удовольствія выше другихъ. Та и другая половина мысли выражена на стр. 20 и 21. О взаимномъ различіи удовольствія читаемъ: „безспорно, что человѣкъ... отдаетъ всегда предпочтеніе тому изъ нихъ, которое удовлетворяетъ

понятіяхъ, какую влечетъ за собой признаніе нравственнымъ

вышнимъ его потребностямъ. Мало найдется такихъ людей, которые бы, ради полной чаши животныхъ наслажденій, согласились промѣнить свою человѣческую жизнь на жизнь какого нибудь животнаго. Умный человѣкъ не согласится превратиться въ дурака, образованный—въ невѣжду, чувствительный и честный въ себялюбиваго и подлаго, хотя бы они и были убѣждены, что дуракъ, невѣжда и плутъ гораздо болѣе ихъ довольны своей судьбой“. Объ основаніи ихъ превосходства другъ предъ другомъ сказано: «если всѣ или почти всѣ, испытавшіи два какіи нибудь удовольствія, отдають рѣшительное предпочтеніе одному изъ нихъ... то это удовольствіе и будетъ болѣе цѣнное, чѣмъ другое». Такимъ образомъ, по смыслу приведенныхъ словъ, оказывается, что есть такіи удовольствія, которыя мы *должны* предпочитать многимъ другимъ, потому что они ихъ выше; узнать же объ этомъ мы можемъ изъ свидѣтельства лицъ опытныхъ, довѣрившись, разумѣется, ихъ авторитету. Что касается взаимнаго превосходства удовольствій однихъ предъ другимъ то оно опредѣляется, по Миллю, отношеніемъ къ нимъ человѣка. Смотри по тому, какъ цѣнятъ ихъ человѣкъ—высоко или низко, они и являются то высокими, то низкими. Однако этимъ сказано еще далеко не все. Что составляетъ источникъ для оцѣнки ихъ людьми? на какомъ основаніи она производится? вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго необходимо. Если разсматривать дѣло въ видахъ принципа пользы и именно взять во вниманіе степень полезности, содержащейся въ каждомъ удовольствіи, то мы должны будемъ, вмѣстѣ, конечно, съ Миллемъ, заключить, что удовольствія болѣе полезныя, т. е., въ которыхъ отличительный признакъ дѣйствуетъ съ сильнѣйшимъ напряженіемъ, слѣдуетъ предпочитать менѣе полезнымъ, т. е., тѣмъ, въ которыхъ отличительный признакъ данъ съ наислабѣйшимъ напряженіемъ. А такъ какъ высшими удовольствіями Милль почитаетъ, по свидѣтельству стр. 20, 22, 23 и 24, потребности ума и нравственнаго чувства, то, что бы были соблюдены требованія принципа пользы, сравнительная высота этихъ удовольствій должна зависѣть отъ степени ихъ напряженія. Чѣмъ сильнѣе напряжено какое либо чувство, т. е., чѣмъ больше удовольствія оно доставляетъ, тѣмъ несомнѣннѣе, что оно не только превзойдетъ чувства, которыя напряжены слабѣе, но и явится ихъ выше, полезнѣе, а потому нравственнѣе. Высота и нравственная чистота ихъ даны не сами по себѣ, какъ качества внутренне присущія ихъ природѣ, но онѣ условливаются, по смыслу принципа полезности, по крайней мѣрѣ *должны* условливаться тѣмъ, насколько высоко или слабо напряжены. Но таковой оцѣнкой человѣческихъ чувствъ, а за ними и соотвѣтственныхъ дѣйствій, отнимаютъ у нравственности всякую определенность. Степень напряженія чувствъ есть одинъ изъ самыхъ неустойчивыхъ и болѣе всего прихотливыхъ признаковъ ихъ. Бываютъ дни и часы, когда могутъ, напримѣръ, чрезвычайно напряженно дѣйствовать потребности ума; въ это время само собою понятно, человѣкъ отдаетъ имъ всю свою дѣятельность и все свое вниманіе. Но прошла пора напряженія, увлеченіе улеглось, и на смѣну имъ явились другія потребности, которыя съ меньшей силой овладѣють его дѣятельностью и его вниманіемъ, тогда, разумѣется, будутъ другія чувства и другія дѣла; человѣческая дѣятельность по необходимости утрачиваетъ постоянство, а съ исчезновеніемъ постоянства исчезаютъ и принципы ея оцѣнки, возможность нравственнаго суда падаетъ ней. Милль и самъ понимаетъ это; но онъ хочетъ устранить печальное послѣдствіе изъ принципа полезности слѣдующими словами: „мо-

критеріемъ *пользы*, помочь этому въ состояніи одна лишь

гутъ возразить, разсуждаетъ онъ на стр. 24, что люди, способные къ высшимъ наслажденіямъ, мѣняютъ ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ страстей, на наслажденія низшаго разряда. Я замѣчу на это, что такой фактъ нисколько не предполагаетъ, что бы въ минуту его совершенія утрачивалось и самое сознаніе о внутреннемъ превосходствѣ высшихъ наслажденій“. Объясненіе очень неудачное. Разъ чувство проявилось въ дѣйствіи, стало быть оно оказалось сильнѣе всѣхъ другихъ ровно на столько, насколько они явились слабыми, чтобы стать мотивомъ воли; и это превосходство чувства, конечно, должно быть отнесено на счетъ его способности доставить человѣку удовольствіе, т. е., оно было напряжено гораздо сильнѣе, чѣмъ остальные. А большее, по сравненію съ другими, напряженіе доставляетъ ему и освѣщеніе со стороны принципа полезности, измѣряющаго дѣйствіи людей удовольствіемъ. Слѣдовательно, если человѣкъ, слѣдуя внушенію страсти, сознаетъ, однако, что поступаетъ дурно, то уже нельзя сказать, будто имъ руководитъ польза на правахъ нравственнаго судьи; тутъ дѣйствуетъ, по всѣмъ признакамъ, что-то другое. Кроме того, хотя бы въ человѣкѣ и присутствовало сознаніе нравственной высоты нѣкоторыхъ чувствъ въ сравненіи съ другими—напримѣръ, тою страстью, которая въ данное мгновеніе господствуетъ надъ его волей, однако и этимъ обстоятельствомъ въ свою защиту Милль не сдѣлаетъ ничего. На стр. 41 и 42 Милль много распространяется о томъ что предметомъ нравственной оцѣнки, съ точки зрѣнія не только его принципа, но и всякаго другаго, служатъ дѣйствія людей. Поэтому, когда человѣкъ поступаетъ сообразно съ внушеніемъ страсти, уже не важно, какъ относится онъ къ тѣмъ чувствамъ своимъ, которыя не проявились. У насъ на лицо поступокъ, а онъ несомнѣнно показываетъ, что человѣкъ, совершая его, испытывалъ удовольствіи, т. е., *дѣйствовалъ* какъ разъ по принципу пользы.

Оговорка Милля, что, повинуясь страсти, человѣкъ внутренно отдаетъ предпочтеніе инымъ чувствамъ, испровергаетъ его теорію пользы окончательно. Выходитъ, что съ одной стороны чувства, считающіяся въ нравственномъ отношеніи безукоризненными, слабы, потому что уступили мѣсто страсти; а такимъ образомъ, по сулу пользы, они должны быть признаны безнравственными, какъ неспособны доставить человѣку удовольствіе, или по крайней мѣрѣ менѣе—нравственными, чѣмъ страсть, которая надъ ними возобладала. Съ другой стороны нравственная оцѣнка, не смотря ни на что, склоняется все таки къ ихъ выгодѣ. Ясное дѣло, что эта оцѣнка принадлежитъ не тому принципу, нравственное главенство котораго старается утвердить Милль, а другой силѣ. Какой же? Для рѣшенія этого вопроса мы находимъ данныя у самаго Милля. Онъ не отрицаетъ въ человѣкѣ существованія совѣсти и чувства долга; напротивъ оба эти психическія дѣятеля принимаютъ у него очень близкое участіе въ нравственной дѣятельности людей, которая должна только стоять подъ защитой и верховнымъ покровительствомъ принципа пользы. Раскрывая содержаніе, означаемоея именемъ совѣсти, мы убѣждаемся, что это названіе указываетъ на знаніе человѣкомъ своихъ нравственныхъ обязанностей, которое позволительно назвать еще нравственнымъ сознаніемъ. Въ случаѣ, напримѣръ, раскаянія, приносимаго какимъ вѣдучь преступникомъ, принято выражаться, что въ немъ заговорила совѣсть. Это весьма вѣрное обозначеніе душевнаго состоянія, переживаемаго раскаявающимся преступникомъ, указываетъ на нѣсколько психическихъ моментовъ, изъ которыхъ слага-

заповѣдь Божія, т. е., говоря общѣе—религія. Заповѣдь Божія

есть явленіе, означаемое предложеніемъ: заговорила совѣсть. Тутъ участвуетъ, во первыхъ, (совѣсть, знаніе) или знаніе—состояніи мысли; во вторыхъ, чувство, явившееся побужденіемъ поступка, т. е., тѣхъ дѣйствій, какими сопровождается раскаяніе. Но знаніе, какъ состояніе мысли, иначе говоря: какъ психическая реальность, должно заключаться въ знаніи какого нибудь опредѣленнаго предмета, въ данномъ случаѣ такимъ предметомъ является нравственная обязанность,—преступникъ знаетъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать, и не исполнилъ этого долга,—а такъ какъ нравственная обязанность невозможна безъ существованія нравственного закона или что то же нравственнаго повелѣнія, заповѣди, то этотъ нравственный законъ или заповѣдь я служитъ предметомъ нравственного сознанія. За дѣйствіемъ совѣсти наступаетъ дѣйствіе чувства. Это чувство, по свойству предмета, съ которымъ оно связывается, можно назвать нравственнымъ чувствомъ, потому что черезъ совѣсть на него вліяетъ та же нравственная заповѣдь, но его содержаніе одно и то же что и содержаніе *чувства долга*. Зналъ требованіе нравственной заповѣди, я даю въ своей душѣ мѣсто совѣсти; испытывая то или другое чувствовательное состояніе въ случаѣ исполненія или нарушенія требованій нравственнаго закона, я ощущаю удовлетвореніе или неудовлетвореніе чувства долга. Я *знаю*, что воровать запрещено,—совѣсть; я *долженъ* исполнить это требованіе,—чувство долга. Похитивъ что нибудь и зная, что это дурно, т. е., запрещено, я ощущаю нехорошее, непріятное чувство,—чувство долга неудовлетворено; возвративъ похищенное, сознаю, что мое состояніе непріятное смѣнилось пріятнымъ,—чувство долга удовлетворено. Но чувство долга также немислимо безъ нравственной заповѣди. Такимъ образомъ, если признать совѣсть фактомъ, не признать чего, разумѣется, не могъ и Милль, то требуется признать и необходимость существованія нравственной заповѣди, безъ которой непоятно будетъ появленіе совѣсти и чувства долга. На основаніи всего сказаннаго мы имѣемъ право заключать, что всякое нравственное дѣйствіе, по признанію самого Милля, предполагаетъ нравственную заповѣдь и чувство долга, какъ психическое орудіе или средство, которымъ пользуется заповѣдь при руководствѣ поступками людей. Въ концѣ 6-й и въ срединѣ 7-й главы нами доказано, что заповѣдь, исходящая отъ безусловной воли и возбуждающая чувство долга, и есть тотъ нравственный критерій, который только и можетъ указать человеку, что добро и что зло; къ необходимости усвоить этотъ критерій приводятъ и сужденія Милля, хотя онъ всѣми мѣрами усиливается названное знаменіе нравственности вручить принципу пользы. Такого рода необходимость неоднократно испытывалась Миллемъ, когда ему приходилось касаться предметовъ, въ связи съ которыми требовалось ограничить пользу только известными чувствами, а не отождествлять ее со всѣмъ, какъ то бы слѣдовало. Напримеръ на 138 страницѣ онъ нашелъ нужнымъ употребить такіа выраженія, какъ: „пониманіе пользы“, „неправильное пониманіе пользы“, „правильное пониманіе пользы“. Отсюда оказывается, что предварительно еще требуется правильно понять, что такое польза, что бы на основаніи извлеченныхъ изъ этого понятія правилъ судить о поступкахъ. Но оцѣнка самой пользы не можетъ производиться по ней же; для этого нужна посторонняя мѣрка; по нашему, мѣрка эта—заповѣдь Божія, другой быть не можетъ, о чемъ и свидѣлствуютъ излагаемыя доказательства.

Помимо указанныхъ основаній, въ заключенію, что польза должна отказаться

прямо указываетъ, какимъ чувствамъ должно слѣдовать и ка-

отъ павизываемаго ей значенія нравственнаго критерія, ведутъ и другія соображенія, почерпнутыя также изъ нѣкоторыхъ мыслей самого ея защитника и поборника ея правъ. Если выше мы видѣли, что нравственная высота нѣкоторыхъ потребностей человѣка, признаваемая и Миллемъ, совершенно несовмѣстима съ принципомъ полезности, то здѣсь мы положительно утверждаемъ, что высота ихъ зависитъ отъ другихъ причинъ. Ни потребности ума, ни потребности нравственнаго чувства никогда нигдѣ не будутъ названы высокими потому, будто бы, что они полезны, какъ то должно быть по принципу пользы; ихъ назовутъ высокими по той причинѣ, что они относятся къ дѣятельности духа, какъ вмѣстилища, такъ называемыхъ, высшихъ стремленій или, говори ближе къ дѣлу, волненій: религіозныхъ, умственныхъ—чувствъ, рождающихся изъ стремленія знать истину, нравственныхъ и художественныхъ. Хотя, неспорно, она всегда является съ признакомъ удовольствія, тѣмъ не менѣе этотъ признакъ не даетъ права утверждать, будто высота ихъ зависитъ отъ его присутствія, потому что, благодаря вліянію различныхъ причинъ, они сопровождаются иногда послѣдствіями, самыми неприятными для человѣка, и признакъ удовольствія переходитъ въ это время на побужденія другаго рода, принося имъ вмѣстѣ съ собою и покровительство принципа пользы, оставляющаго первыя. Мученики за нравственную идею, идею религіозную или научную, которыми изобилуетъ всемирная исторія, составляютъ яспѣйшее доказательство, что послѣдствія разсматриваемыхъ потребностей очень нерѣдко бывають гибельны. Невольное уваженіе, питаемое по отношенію къ нимъ со стороны человѣка, коренится въ свойствахъ ихъ собственной природы; они составляютъ существенныя потребности духа, а духъ, по непосредственному признапію каждаго, выше плоти; вотъ почему, какія бы страсти ни увлекали человѣка въ пучину нравственной грязи, какъ бы слабы, въ сравненіи со страстями, ни оказывались высокія стремленія духа, человѣкъ всегда будетъ питать къ нимъ тайное уваженіе—не потому, что ихъ возвышала бы польза, такъ какъ часто противоборствующія имъ страсти бывають гораздо болѣе пріятны, но потому, что такова ихъ природа. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ по временамъ они все же бывають источниками величайшихъ наслажденій, то мы можемъ сказать, что она полезны, потому что возвышенны; но—невозвышенны, потому что полезны, что долженъ бы сказать про нихъ поклонникъ нравственности пользы.

Всѣ представленныя соображенія дѣлають безосновательной и ту Миллеву мысль, будто въ сужденіи о томъ, какія удовольствія мы должны избрать и какія отвергнуть, поможетъ посторонній авторитетный голосъ. Если выборомъ удовольствій не можетъ руководить принципъ полезности, то точно въ такой же мѣрѣ сдѣлать это не въ силахъ и никто изъ лицъ постороннихъ. Будь это авторитетъ или общественное мнѣніе,—все равно не способны къ нравственному суду—какъ тотъ, такъ и другое. Въ шестой главѣ было доказано, что голосъ авторитета и общественнаго мнѣнія по какимъ либо нравственнымъ вопросамъ всецѣло зависитъ отъ принципа пользы. Но коль скоро обнаружена несостоятельность принципа, ихъ обуславливающаго, то само собой разумѣется, что ни къ чему не приведетъ и голосъ ихъ, который они только и могутъ подавать, когда дѣйствуетъ разрушенное условіе.

Въ послѣднихъ отдѣлахъ III главы книги о нравственности рѣчь идетъ о томъ, что каждый членъ общества обязанъ въ своей дѣятельности руководиться мыслью

нія подавлять, какъ противныя волѣ Божіей, полагающей для

не о личномъ благѣ, а о благѣ всѣхъ. Говорится о благородствѣ чувства, которое должно будто бы препятствовать человѣку соблюдать себѣлюбивыя выгоды, о томъ, что ставить личное благо выше всего способны только низкіе люди; и, наконецъ, высказываются надежды, что чувства своекорыстныя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе будутъ уступать мѣсто потребности общаго блага. При всемъ томъ, какъ условіе успѣха, къ дѣлу нравственнаго совершенствованія людей призывается воспитаніе, которое должно развить въ человѣкѣ содержащіяся въ его природѣ „зародыши“ (72 стр.) „чувства участія въ общемъ благѣ“ (72), такъ какъ лишь бы былъ „правильно развитой человѣкъ“ (стр. 76) и тогда все низкое, несогласное съ благомъ всѣхъ само собой исчезнетъ. Вѣдь „только тѣ немногіе люди, у которыхъ нѣтъ никакого нравственнаго чувства,—только тѣ могутъ оставаться совершенно чужды общему благу и не принимать въ достиженія его никакого участія, если этого не требуетъ ихъ личный интерес“ (стр. 76). По выполненіи всѣхъ этихъ условій несомнѣнно наступитъ время, когда „человѣчество“ получитъ полную возможность „имѣть въ своемъ распоряженіи не только не меньшую психическую и общественную силу, какую даетъ ему теперь религія, но что эта сила можетъ до такой степени охватить всю человѣческую жизнь, овладѣть всѣми мыслями, всѣми чувствами, всѣми дѣйствіями человѣка, какъ этого никогда не въ состояніи была сдѣлать ни одна, даже самая могущественная по своему вліянію религія“. (стр. 74).

Здѣсь снова выступаютъ на видъ: человѣческія чувства, воспитаніе, правильное развитіе (прогрессъ), личное благо (польза), общее благо (польза), человѣчество, новая психическая сила, дѣйствіе которой ожидается въ будущемъ. Со всѣми этими понятіями мы уже знакомы и, кажется, въ достаточной мѣрѣ убѣдились въ ихъ несостоятельности, говоря точнѣе: въ ихъ неспособности замѣнить существующіе психическіе дѣятели въ жизни и развитіи людей. Если читатель помнитъ содержаніе всѣхъ предыдущихъ главъ и разсужденій, то онъ владѣетъ уже средствами убѣдиться, насколько допустимы вещи, о которыхъ поднимается вопросъ въ изложенной части книги Милля. Такъ какъ анализъ чувствъ показалъ, что ихъ нравственная оцѣнка зависитъ отъ заповѣди Божіей, а польза отдѣльнаго лица не совмѣстима съ пользою всѣхъ, хотя это совмѣщеніе требуется простымъ смысломъ пользы; такъ какъ далѣе дознано, что ни воспитаніе, ни прогрессъ не могутъ дѣйствовать помимо нѣкоторыхъ независящихъ отъ нихъ причинъ, а также и отъ человѣческихъ чувствъ, то и выходитъ, что польза не способна управлять жизнью людей ни въ качествѣ принципа нравственнаго, ни въ качествѣ необходимаго условія для прогресса. Вопросъ остается за новой „психической силой“. Что это за сила, изъ разсужденій Милля не видно. Если подъ ней разумѣть силу на самомъ дѣлѣ новую, тогда мы должны допустить, что современемъ къ наличнымъ силамъ человѣка прибавится еще одна, т. е., до нѣкоторой степени потерпитъ измѣненіе ихъ природа, по своему существу. Но состоитъ это измѣненіе или нѣтъ, гадать нельзя, а тѣмъ болѣе было-бы невзвѣнительно построить на подобномъ предположеніи какіе либо выводы. Если же подъ ней надо разумѣть только особую комбинацію существующихъ силъ, то Милль былъ обязанъ показать—какую, о чемъ однако онъ не говоритъ ни слова. Можно лишь предположить, что силой на которую возлагаетъ столько надежды Милль, будутъ тѣ же чувства, только возбуждаемыя другими предметами, чѣмъ какими возбуждаются они теперь. Предметы

насъ нравственный законъ. Изъ предыдущаго также видно, что

это—авторитетъ и общественное мнѣніе во главѣ съ идеей челоѳчества. Но ихъ нравственные прерогативы нами уже провѣрены и оцѣнены по достоинству. Они оказались волюнѣ неспособными стать нравственными дѣятелями.

Къ сказанному о принципѣ пользы ничего не прибавляетъ и та глава, которая спеціально занимается доказательствами въ подтвержденіе утилитаріанскаго нравственнаго критерія (гл. IV); она и озаглавлена соответственно своей цѣли: „о доказательности принципа пользы“. Въ этой главѣ Милль развиваетъ два положенія: 1) что счастье желательно, потому что оно доставляетъ удовольствіе, 2) что добродѣтель есть счастье, такъ какъ и она является средствомъ къ достиженію удовольствія. Отсюда Милль заключаетъ, что счастье, составляя цѣль для дѣятельности людей, и служитъ нравственнымъ мѣриломъ ихъ поступковъ. Посылки вѣрны, но выводъ совершенно ложный. Мы согласны, что счастье желательно само по себѣ, если подъ нимъ разумѣть удовольствіе; желанія потому и служатъ мотивами воли, что они такъ или иначе сопряжены съ удовольствіемъ, наслажденіемъ. Можно сказать даже болѣе: гдѣ есть удовольствіе, тамъ есть и желаніе, а гдѣ нѣтъ перваго, невозможно и послѣднее. Съ другой стороны, добродѣтель никогда не составляла бы предмета челоѳческихъ дѣйствій, если бы она не вошла на волю чрезъ посредство удовольствія. Доставляя она одни только страданія, люди обязательно перестали бы быть добродѣтельными, а потому вѣрна мысль Милля, что добродѣтель есть счастье, т. е., приносить людямъ наслажденія. Но все это еще не подтверждаетъ вывода. Хотя и счастье, и добродѣтель, есть удовольствіе, однако для нравственности этого недостаточно, чтобы были ясны ея правила, которыми слѣдовало бы руководиться волѣ нашей. Такъ какъ счастье дѣлаетъ счастьемъ присущее ему удовольствіе, а удовольствіе можетъ сопровождать такіе мотивы, изъ которыхъ получится полное испроверженіе нравственнаго порядка; такъ какъ, вмѣстѣ съ этимъ, вслѣдствіе признака „удовольствіе“—я добродѣтель можетъ превратиться въ злодѣніе, ибо удовольствіе доставляетъ челоѳку и зло, иначе ояъ его не совершалъ бы; то польза, являясь также удовольствіемъ, нимало не выяснитъ, какое же удовольствіе считать за счастье? которому изъ ихъ неопредѣлагаго количества челоѳкъ долженъ слѣдовать? Въ томъ то и бѣда для Милля и его принципа нравственности, что,—по прямому требованію нравственности: одни дѣйствія предпочтатъ другимъ, иначе одни мотивы ставить выше другихъ,—всегда въ присутствіи въ душѣ множества постоянно измѣняющихся въ ней желаній, которыя непремѣнно *всѣ* связаны съ удовольствіемъ, настоятъ необходимость *выбора* между ними. Если бы не было этой необходимости, было бы такъ просто жить: знай только исполняй свои желанія и въ итогѣ получится добродѣтель. По утилитаріанскимъ понятіямъ это такъ и должно быть. Все, что полезно, то нравственно; польза есть удовольствіе, но каждое дѣйствіе челоѳка является слѣдствіемъ его желанія, которое непремѣнно соединено тоже съ удовольствіемъ; стало быть, сколько ни существуетъ челоѳческихъ дѣйствій,—всѣ они нравственны, потому что всѣми ими руководить одно побужденіе—стремленіе къ удовольствію. Между тѣмъ каждый утилитаріанецъ, разумѣется и Милль, согласится, что есть преступники, злодѣи. Какъ они образовались? Нравственность пользы ихъ не должна допускать, если она хочетъ быть послѣдовательной. Однако и Милль на страницѣ 89 заговорилъ о вкорененіи въ челоѳкѣ „доброй воли“. Этимъ словомъ онъ призналъ, что одни желанія добры, дру-

при отсутствіи нравственнаго критерія, ибо польза имъ быть не можетъ, нравственность погибла-бы. Но въ дѣйствительности

гія злы, а потому, выходитъ очевидно отсюда, нужно слѣдовать не всѣмъ желаніямъ, но *выбирать* между ними. Обязанность нравственнаго критерія указать, на которыя же изъ нихъ долженъ *пасть мой выборъ*. Миллева польза тутъ промолчитъ. Она сама есть удовольствіе, т. е., связана съ желаніями; поэтому она не только не опредѣлитъ моего выбора, но еще будетъ нуждаться, чтобы и въ ней однѣ стороны были признаны добрыми, другія дурными. Вѣдь польза, понимаемая въ смыслѣ удовольствія, связывается не съ какими нибудь опредѣленными желаніями, а рѣшительно со всѣми. Какимъ же образомъ она скажетъ, что вотъ это желаніе должно быть признано нравственнымъ, а вотъ это безинравственнымъ. Кража мнѣ доставляетъ удовольствіе и потому она совершенна мной по собственному желанію. Разсуждая о ней по принципу пользы, я спрашиваю себя: хорошо или дурно я поступилъ? Отвѣчаю: хорошо, потому что она мнѣ полезна, т. е., принесла мнѣ удовольствіе. Но нравственность требуетъ, чтобы я не смотря на то, что испытываю желаніе украсть, воздержался отъ него,—почему? конечно не потому, что оно доставляетъ удовольствіе, а воздержаніе—неудовольствіе. Не спасетъ ли въ данномъ случаѣ Милля высказанная имъ въ книгѣ о религіи мысль, что нравственныя истины очевидны уму и сердцу сами по себѣ? Нѣтъ, не спасетъ. Нравственная истина есть цѣльное сужденіе, выражающееся въ такой формѣ: поступать такъ то—хорошо, или: поступать такъ то—дурно. Такимъ образомъ здѣсь высказывается оцѣнка дѣйствій людей. Но оцѣнка возможна только при существованіи прямого и опредѣленнаго знанія, что добро и что зло, т. е., для нея необходимъ нравственный критерій. Объ этомъ то критеріи теперь и идетъ рѣчь, его—то мы и отыскиваемъ. Если бы нравственныя истины были очевидны сами по себѣ, тогда бы нечего было и трудиться надъ составленіемъ ихъ. Однако оказывается, что вопросъ: что хорошо и что дурно, и по сію пору возбуждаетъ среди людей споры; иначе намъ не пришлось бы разсуждать съ Миллемъ. Очевидно сами по себѣ не истины нравственности, а мотивы, по дѣйствію которыхъ человекъ поступаетъ. Но очевидность мотивовъ вопроса не рѣшаетъ, потому что дѣло снова сводится къ желаніямъ и чувствамъ, которыя никогда никому не внушатъ никакого постояннаго нравственнаго критерія, какъ яснаго и понятнаго руководства для дѣятельности.

Основное заблужденіе, лежащее въ глубинѣ всѣхъ нравственныхъ сужденій Милля, по мѣстамъ столь сбивчивыхъ и невѣрныхъ, состоитъ въ томъ, что признакъ—удовольствіе, отмѣчающій всѣ нравственные мотивы и дѣйствія, сочтенъ имъ за основаніе тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ. Совершенно справедливо предполагая, что всякое дѣйствіе, по совѣсти, сопровождается наслажденіемъ для дѣйствующаго, онъ сдѣлалъ неправильное заключеніе, будто извѣстныя дѣйствія потому и нравственны, что доставляютъ удовольствіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ ихъ характеръ зависитъ отъ другой причины, именно—согласія или несогласія съ заповѣдью Божіей, съ нравственнымъ закономъ. Признакъ же удовольствіе явился въ нравственныхъ мотивахъ потому, что они относятся къ желаніямъ, которыя *всѣ* постигъ этотъ признакъ. Нравственность по той причинѣ имѣетъ дѣло съ этимъ признакомъ, что предметомъ ея суда являются удовольствія; указывая только, какое изъ удовольствій должно быть предпочтено, она по необходимости, признаетъ въ некоторыхъ изъ нихъ, такъ сказать, своимъ основаніемъ

нравственность существуетъ и конечно всегда существовала раньше. А это доказываетъ, что съ такимъ-же постоянствомъ

чему служить не то, что они—удовольствія, но то, что они, будучи удовольствіями, согласны съ заповѣдью Божіей. Есть ли тутъ мѣсто пользы? Нѣтъ, или есть, только не такое, какъ у Милля. Можно сказать, конечно, что все нравственное полезно, т. е., пріятно, а потому желательно; но нельзя повернуть предложенія и утверждать, что все полезное, т. е., пріятное и желательное, нравственно. Всякое золото есть металлъ, но не всякій металлъ есть золото. Этими мы намѣрены сказать, что хотя нѣкоторые удовольствія связаны неразрывно съ признакомъ нравственно-позволятельнаго, тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать того же о *всѣхъ* удовольствіяхъ; многія изъ нихъ носятъ другой признакъ—нравственно—недозволеннаго. И польза, будучи сама удовольствіемъ, то оказывается въ одномъ отдѣлѣ удовольствій, то въ другомъ; она не есть нравственный судья, но сама подлежитъ нравственному суду и того мѣрила добра и зла—заповѣдя Божіей.

Если бы Милль припалъ во вниманіе эту разницу между удовольствіемъ и нравственностью, онъ не сталъ бы тратить напрасныхъ усилій на доказательства, будто польза можетъ быть нравственнымъ критеріемъ,—она не можетъ быть имъ по своему существу.

Справедливость требуетъ сказать, что, уничтоживъ тѣ мѣста, гдѣ утверждается Миллевъ парадоксъ, мы безъ опасности для ученія христіанскаго можемъ назвать взгляды и сужденія утилитаріанъ и Милля согласными съ этимъ ученіемъ. Это произошло отъ того, что Милль не имѣлъ духу извращать нѣкоторые нравственные явленія; онъ старался только подогнать ихъ подъ извѣстную мѣрку, что ему совершенно не удалось.

Упущенія изъ виду указаннаго различія послужило причиной того, что Милль нашелъ мнимое подтвержденіе своего принципа въ справедливости, понимаемой какъ нравственный дѣятель,—послѣдній нравственный парадоксъ оспариваемаго нами мыслителя, который раскрывается въ V-й главѣ его книги о нравственности. Входить въ подробный разборъ этой главы мы не намѣрены, такъ какъ въ ней много такого, что не требуется сущностью нашего предмета. Возьмемъ только то, что можно почесть за основное. Справедливость рождается, конечно, изъ чувства справедливости; Милль опредѣляетъ его такъ: „чувство справедливости есть не что иное, какъ чисто скотское желаніе отразить зло или отмстить за зло; желаніе это одинаково ощущаетъ каждое животное, когда дѣлаютъ зло ему или тѣмъ, кому оно симпатизируетъ“. (Стр. 117). По этому опредѣленію справедливость будетъ требовать дѣйствій, согласныхъ съ чувствомъ мести; но отсюда, очевидно, кромѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ничего не выйдетъ, тогда какъ нравственность какъ разъ и нуждается въ томъ, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ не всякому чувству давался ходъ. Лучше всего справедливость, основываясь на самомъ сочетаніи словъ, вошедшихъ въ это названіе, опредѣляетъ, какъ поступаніе сообразно съ правами каждаго. Для того, чтобы можно было выполнить требованія справедливости, такъ понимаемой, нужно сказать, что такое право личности, чего оно требуетъ. Милль говоритъ, что „имѣть право значитъ имѣть что либо, обладаніе чѣмъ общество должно охранять за мной“ (стр. 119). Здѣсь собственно нѣтъ опредѣленія права и указывается лишь отношеніе къ нему общества. По нашему мнѣнію всякое право возникаетъ изъ какой нибудь естественной потребности чело­вѣка.

дѣйствовалъ среди человѣчества и религиозно-нравственный критерій, что мы и замѣтимъ пока.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

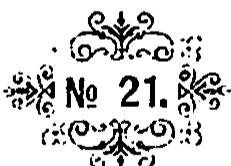
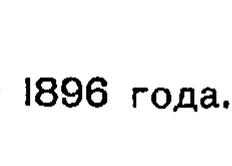
Моя природа нуждается въ пищѣ, въ питьѣ, въ кровѣ, въ покровительствѣ законовъ, въ помощи другихъ и т. д., на все это я и имѣю право. Но такъ какъ всякая потребность выражается въ видѣ чувства, которое является, какъ бы ея голосомъ, есть какъ бы ея требованіе, то всеѣ они составляютъ собой права человѣка, потому что черезъ каждое изъ нихъ даетъ о себѣ знать какал либо потребность. Такимъ образомъ всеѣ человѣческія чувства суть его права, т. е., всеѣ должны быть удовлетворены. Однако всеѣхъ чувствъ человѣка удовлетворить невозможно; и если бы каждый изъ насъ началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, то еще разъ предъ нами открылась бы картина общественнаго разрушенія. Опять возникаетъ вопросъ, съ которымъ намъ приводилось уже не разъ имѣть дѣло: какія чувства должны быть удовлетворены и какія нѣтъ? Справляемся у Милля; тамъ читаемъ: „если спросить, говорятъ они, почему общество должно охранять за мною... обладаніе (правомъ), то я не могу представить этому другого основанія, кромѣ требованія общей пользы“ (стр. 119). Въ этихъ словахъ встрѣчаемъ то, что уже опровергнуто. Чтобы узаконить право на одни чувства и отнять его у другихъ, для этого польза должна быть нравственнымъ критеріемъ. Общая польза, разбиралась между чувствами, разумѣется, станетъ дѣйствовать такъ: про одна она скажетъ, что они полезны, про другія—что вредны; откуда получится заключеніе: полезныя чувства дадутъ права, а вредныя его не дадутъ. Но полезное чувство значитъ не болѣе, какъ чувство, потому что содержаніе пользы равно содержацію всеѣхъ чувствъ безъ исключенія. Стало быть, называл одни чувства полезными, а другія вредными, польза собственно не устанавливаетъ рѣшительно ничего опредѣленнаго. Вопросъ остается открытымъ. Его рѣшить то, что только и способно быть нравственнымъ критеріемъ, т. е., заповѣдь Божія. По суду этого критерія выйдетъ, что чувства, согласныя съ заповѣдью Божіей, должны быть признаны за основаніе права, а не согласныя—за несправедливыя. Эта заповѣдь, какъ намъ извѣстно, преимущественно освящаетъ чувство любви. Вотъ почему, только принимая ее, возможно сказать, что я справедливо прощаю своего обидчика и отказываюсь отъ возмездія, которое слѣдовало бы воздать ему за причиненное мнѣ зло, что, съ точки зрѣнія Милля, было бы безнравственно, такъ какъ нарушало бы общую пользу.

Такъ падаетъ послѣднее основаніе, на которое тщетно успивался опереться Милль въ защитѣ своего нравственнаго принципа; поэтому мы смѣло можемъ сказать, что нашъ взглядъ на нравственный критерій, съ помощью котораго человѣкъ единственно получаетъ возможность распознать, что добро и что зло,—торжествуетъ. Къ этому остается только добавить, что съ критеріемъ заповѣди Божіей является религія, и пользоваться имъ помимо религія—безусловно невозможно; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, получается выводъ: цѣлостъ и господство человѣческой нравственности зависитъ отъ религія, власть которой надъ правами людей должна быть неограниченна въ полномъ смыслѣ слова, потому что въ противномъ случаѣ всякому человѣческому обществу угрожаетъ полное разрушеніе,—отъ него не предохранятъ никакія изобрѣтенія въ родѣ—принципа пользы.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Ноября № 21. 1896 года.

Содержаніе. Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи. — Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября настоящаго года. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи.

Правленіе Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи извѣщаетъ о.о. благочинныхъ епархіи, чтобы они представили отъ каждаго діакона по 50 к. въ пользу семейства діакона Воскресенской церкви сл. Андреевки, Зміевского уѣзда, Іоанна Васильковскаго, умершаго въ маѣ мѣсяцѣ 1893 г., такъ какъ этотъ взносъ не былъ произведенъ своевременно.

Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября настоящаго года.

Журналъ № 1.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ 11 часовъ утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища и, по молитвѣ, избравъ посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателемъ съѣзда протоіерея Павла Малышевскаго, а дѣлопроизводителемъ, единогласно, священника Григорія Шебатинскаго, предварительно слушали журнальныя постановленія предыдущаго съѣзда, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію,

приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію съѣзда духовенства.

Слушали: 1) составленную Правленіемъ училища смѣту прихода в расхода суммъ по содержанію училища въ 1897 году и объяснительную къ ней записку. Постановили: смѣту прихода и расхода, рассмотренную во всѣхъ частяхъ, оставить безъ измѣненія. 2) Докладъ предсѣдателя училищнаго Правленія объ окончаніи капитальной ремонтровки бани. Справка: журнальнымъ постановленіемъ съѣзда духовенства 1895 года н. 5 въ утреннемъ засѣданіи, постановлено было произвести ремонтъ училищной бани лѣтомъ 1896 года, а именно: а) паровое отдѣленіе устроить вмѣсто деревяннаго съ каменнымъ сводомъ на рельсахъ и шелевочную стѣну, отдѣляющую ее отъ мыльной комнаты, замѣнить каменною; б) деревянный полъ, который сгнилъ (окончательно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ) смѣнить асфальтовымъ, цементовымъ или плиточнымъ, что признано будетъ наиболѣе практичнымъ; в) предбанникъ раздѣлить на двѣ комнаты или же пристроить къ нему тамбуръ. Потребную на то сумму въ 1000 р. покрыть добровольными пожертвованіями отъ причтовъ и церковныхъ старостъ всѣхъ церквей училищнаго округа. Въ силу такового постановленія съѣзда духовенства Правленіе училища произвело капитальный ремонтъ всей бани, но съ дефицитомъ въ суммѣ болѣе 700 руб. Постановили: образовавшійся дефицитъ въ суммѣ болѣе 700 руб. покрыть: 500 руб. вмѣющими поступить въ 1897 году за проданныя зданія бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища и остаткомъ изъ общихъ училищныхъ суммъ. Если же послѣднихъ окажется недостаточно на покрытіе дефицита, то покрыть таковой изъ вмѣющихъ поступить 500 руб. за тѣ же зданія въ 1898 г. 3) Докладъ предсѣдателя училищнаго Правленія объ изысканіи средствъ къ окончательной постройкѣ больницы. Эти средства получены имъ изъ слѣдующихъ источниковъ: а) 3,300 руб. арендной платы за проданныя зданія Ахтырскаго духовнаго училища по 1895 г.; б) 1683 р. 11 к. пожертвованныхъ духовенствомъ и церковными старостами училищнаго округа; в) 3000 руб. пожертвованныхъ почетнымъ гражданиномъ Г. Лещинскимъ и г) 1000 руб. пожертвованныхъ П. И. Харитоненко. Постановили: принять докладъ къ свѣдѣнію и выразить искреннюю благодарность и признательность о. Смотрителю училища за изысканіе средствъ для постройки больницы, а жертвователей—за щедрыя пожертвованія. 4) Докладъ

предсѣдателя училищнаго Правленія о прибавкѣ регенту училищнаго хора, Василю Посельскому, къ получаемымъ имъ 30 р. въ годъ еще 70 руб. Справка: прошеніе Посельскаго было представлено съѣзду духовенства бывшаго въ 1895 году, которымъ постановлено: «Выразить благодарность учителю пѣнія и регенту Посельскому за усиленные труды его и хорошую постановку пѣнія, что не безызвѣстно духовенству, и просить Его Высокопреосвященство разрѣшить сію благодарность внести въ послужной его списокъ, просьбу же о прибавкѣ жалованья отложить по недостаточности на то средствъ». Постановили: въ виду извѣстной окружному духовенству особенно хорошей постановки пѣнія, засвидѣтельствованной даже лестнымъ отзывомъ г. Синодальнаго Ревизора, прибавить къ получаемымъ Посельскимъ 30 руб. лично ему 70 р. въ годъ изъ остатковъ отъ экономическихъ училищныхъ суммъ, если то найдетъ Правленіе училища возможнымъ. 5) Прошеніе учителя Сумскаго духовнаго училища Георгія Левитскаго о назначеніи ему денежной субсидіи, за выходомъ его въ отставку. Постановили: за долговременную службу Левитскаго въ училищѣ съѣздъ считалъ бы долгомъ уважить его просьбѣ, но, къ великому прискорбію, за недостаточностію средствъ, не находитъ возможнымъ удовлетворить его просьбѣ. 6) Прошеніе отставнаго учителя духовнаго училища Павла Попова о назначеніи ему добавочнаго ежегоднаго пособія изъ училищныхъ суммъ. Постановили: отказать въ просьбѣ Попова. 7) Прошеніе Покровской Рыбацкой церкви, С.-Петербургской епархіи, священника Іоанна Веніаминаова объ освобожденіи отъ платы за двухъ его дѣтей, воспитывающихся въ Сумскомъ училищѣ, по 20 руб., въ годъ, положенныхъ съ дѣтей иноепархіальнаго духовенства. Постановили: удовлетворить просьбѣ о. Веніаминаова въ виду того, что онъ, въ теченіе трехлѣтняго прохожденія священнической должности въ Харьковской епархіи, участвовалъ во всѣхъ взносахъ, слѣдуемыхъ съ духовенства по содержанию духовно-учебныхъ заведеній. 8) Прошеніе священника Рождество-Богородичной церкви, села Алексѣевки, Сумскаго уѣзда, Гавріила Литкевича о принятіи внука его, сына мѣщанина, Михаила Косоговскаго, на полное содержаніе, съ платою наравнѣ съ дѣтьми окружнаго духовенства. Постановили: сбросить 20⁰/₀ съ общей суммы его платы. 9) Прошеніе бывшаго учителя Велико-Исторопскаго народнаго училища, нынѣ Буймерскаго, Лебединскаго уѣзда, Михаила Кузнецова о принятіи его сына, ученика приготовительн. класса,

Андрея, съ уменьшеною платою за содержаніе въ общежитіи. Постановили: предоставить Правленію училища удовлетворить его просьбѣ, если оно найдетъ это возможнымъ и сынъ Кузнецова, Андрей, окажется заслуживающимъ вниманія по поведенію и успѣхамъ. 10) Прошеніе бывшего псаломщика и сына священника Ипполита Григорьева Авксентьева о принятіи его сына, ученика приготовительнаго класса, Матвѣя, въ число учениковъ училища съ платою не 240 р., а 80, какъ положено за дѣтей окружнаго духовенства. Постановили: сбросить за право слушанія лекцій 20 рублей. 11) Прошеніе мѣщанки Матроны Щетневой объ уменьшеніи платы за содержаніе и обученіе ея сына, ученика IV класса, оставленнаго училищнымъ совѣтомъ на повторительный курсъ по болѣзни. Постановили: оставить просьбу просительницы безъ удовлетворенія. 12) Прошеніе надзирателя-репетитора училища Григорія Николаенко о принятіи его брата, ученика 2 класса, Алексѣя, въ училищное общежитіе, на условіяхъ платы за дѣтей епархіальнаго духовенства. Постановили: уважить просьбѣ Николаенко, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы сверхъ 80 руб. въ годъ за содержаніе его брата, приплачивалъ 40 руб. за право обученія. 13) Прошеніе состоящаго въ духовномъ званіи, Гаврической епархіи, Гавріила Шанонника о принятіи его сына въ училище съ платою, положенною за дѣтей епархіальнаго духовенства. Постановили: отказать въ просьбѣ просителю. 14) Прошеніе книгоноши Высочайше утвержденнаго Общества для распространенія книгъ св. Писанія въ Россіи, мѣщанина Николая Жербина объ освобожденіи его отъ платы за право обученія въ училище сына его. Постановили: за право слушанія лекцій сбросить 20 р. 15) Прошеніе вдовы псаломщика Параскевы Пономаревой о безплатномъ принятіи внука ея, Петра Пономарева, въ училище приходящимъ ученикомъ. Постановили: отказать въ просьбѣ просительницѣ въ виду того, что внукъ ея свѣтскаго званія, и сама просительница обладаетъ достаточными средствами. На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства: «Октября 16-го. Утверждается».

№ 2. Вечернее засѣданіе того же сентября.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 8 часовъ вечера,

1) Слушали доклады временно-ревизионнаго Комитета о повѣркѣ

прихода, расхода и остатка суммъ по содержанію училища за 1895 годъ и по ремонтнровкѣ бани,—постановили: доклады принять и выразить членамъ Комитета за трудъ благодарность.

2) Разсматривали вѣдомости за 1895 годъ а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей пзъ Епархіальнаго свѣчнаго завода церквами училищнаго округа,—постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Слушали предложеніе членовъ Правленія отъ духовенства о назначеніи пособіе отъ духовенства помощнику смотрителя училища, Ал. Григ. Покровскому, постановили: назначить г. Покровскому пособіе въ размѣрѣ 160 руб. изъ остаточныхъ суммъ училища; какъ получалъ и бывшій (умершій) помощникъ смотрителя, Александръ Дмитріевичъ Угриновичъ.

4) Слушали заявленіе о. Денутата, священника Григорія Шабатинскаго о взиманіи съ воспитанниковъ училища, рожденных въ свѣтскомъ званіи, а нынѣ—дѣтей священниковъ, діаконовъ и пр.,—платы наравнѣ съ дѣтьми свѣтскаго званія; постановили: въ виду большаго наплыва въ училище дѣтей духовенства, рожденных въ свѣтскомъ званіи, отцы которыхъ не участвовали въ различныхъ взносахъ на училище, принимать ихъ въ училище съ платою, какую вносятъ дѣти свѣтскихъ родителей.

5) Депутатъ отъ духовенства, священникъ Николай Фесенко, въ виду тѣсноты училищной столовой, на расширеніе которой, по заявленію о. Смотрителя училища, потребуется до 900 руб., заявилъ, что онъ на указанную нужду училища жертвуетъ лично отъ себя пятьсотъ (500) рублей. Съѣздъ, въ виду столь видной и благотворенной при затруднительныхъ денежныхъ ресурсахъ духовенства, жертвы о. Фесенкова, выразилъ послѣдному искреннюю и сердечную благодарность и постановилъ ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о достойномъ награжденіи жертвователя.

6) Депутаты осматривали больницу, баню, амбары, столовую, кухню и пр. и нашли, что хозяйство училища съ каждымъ годомъ улучшается и ведется образцово, благодаря энергіи и любви къ дѣлу о. Смотрителя училища, почему постановили снова выразить ему признательность и благодарность, со внесеніемъ въ послужной списокъ. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: «Утверждается».

Съѣздъ депутатовъ въ будущемъ 1897 году предположенъ на 23-е число сентября.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви сл. Муратовой, Меѳодій *Лядскій*, утвержденъ членомъ благочинническаго совѣта.

— Священники: Изюмскаго уѣзда, сл. Кривой Луки, Троицкой церкви, Василій *Мухинъ* и сл. Лимана, Петро-Павловской церкви, Николай *Яновскій*, за усердную службу награждены: первый—скуфіею, а послѣдній—набедренникомъ.

— Діаконъ сл. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Мураховскій*, и сл. Рѣдкозуба, того же уѣзда, Макарій *Бяляевъ*, по прошенію, перемѣнены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ церкви г. Изюма, Константинъ *Приходьковъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто къ церкви сл. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ села Студенка, Изюмскаго уѣзда, Митрофанъ *Федоровъ*, по прошенію, уволенъ за штатъ, по болѣзни.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Столѣтіе со дня кончины Императрицы Екатерины II.—Наставленія наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ.—Ремесленные классы при церковно-приходскихъ школахъ.—Пособіе отъ казны церковно-приходскимъ школамъ.—Успѣхи миссіонерскаго дѣла.—Новая миссіонерская школа.—Общество возстановленія православія на Кавказѣ.—Крещеніе буддійскаго жреца.—Движеніе въ пользу православія среди раскольниковъ.—Голодъ въ Индіи.—Кредитные билеты новаго образца.—Общепользныя свѣдѣнія.

6-го ноября, по случаю исполнившагося столѣтія со дня кончины Императрицы Екатерины II, въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи городского духовенства, была совершена божественная литургія, а по окончаніи ея панихида. На богослуженіи присутствовали: корпусный командиръ генералъ отъ кавалеріи В. Ф. Винбергъ, губернаторъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Г. А. Тобизень, попечитель учебнаго округа г. с. И. П. Хрущовъ, губернский предводитель дворянства графъ В. А. Капнистъ, генералитетъ, городской голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ и другіе представители правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся. «Ю. К.».

— Преосвященный Нижегородскій, назначая наблюдателей церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, приказалъ объявить имъ, по словамъ «Ниж. Еп. Вѣд.», къ непремѣнному исполненію

слѣдующее: „Я желаю и требую, 1) чтобы они, сознавая важность своего новаго назначенія быть блѣжайшими въ народѣ проводниками просвѣтительныхъ началъ святой церкви — всячески старались быть на высотѣ своего положенія, стараясь основательно изучить какъ основныя законоположенія, такъ и дополнительныя разъясненія начальства по церковно-школьному дѣлу, зорко слѣдя за современною педагогическою литературой и для сего имѣть подъ руками рекомендованныя Св. Синодомъ педагогическіе журналы; 2) чтобы они въ своихъ отношеніяхъ къ завѣдующему школами духовенству главнымъ образомъ имѣли въ виду пользу церковно-учебнаго дѣла, отнюдь не увлекались сосѣдствомъ, дружбой, или родствомъ въ ущербъ прямому дѣлу, которому они призваны служить; 3) чтобы они, ближайшія къ ихъ мѣсту жительства, школы посѣщали возможно чаще, а всѣ школы своего уѣзда посѣщали не менѣе одного раза въ треть; 4) чтобы свои визитаціи школъ они производили со всею тщательностію, проводи въ каждой изъ нихъ весь дневной курсъ занятій учителя съ учениками, чтобы видѣть, насколько онъ опытенъ и, въ случаѣ нужды, поруководствовали его въ этомъ дѣлѣ, а съ другой стороны, чтобы имѣть возможность ознакомиться и со всѣю обстановкой — внѣшнею и внутреннею — школы, съ ея жизнью и окружающею средой; 5) чтобы они свои визитаціи школъ производили въ будничные дни недѣли — отъ понедѣльника до субботы, — а всѣ воскресные и праздничные дни неукоснительно оставались при своихъ церквахъ и приходахъ, такъ какъ епархіальное начальство не имѣетъ никакой возможности замѣщать ихъ въ эти дни другими священниками, и 6) чтобы они завели постоянные дневники и подробно обозначали въ оныхъ свои визитаціи школъ и свои наблюденія, своевременно донося объ этомъ куда слѣдуетъ, а въ важныхъ случаяхъ доносили непосредственно мнѣ“.

— Съ начала сего учебнаго года состоялось открытіе одноклассной церковно-приходской школы при Михайло-Аеонской пустыни, Ставропольской епархіи. Все содержаніе школы принято на средства пустыни. Въ отведенномъ подъ школу монастырскомъ помѣщеніи, кромѣ классной комнаты, имѣются для учениковъ особыя мастерскія. Кромѣ курса одноклассной церковно-приходской школы, дѣтямъ предоставлена возможность, по ихъ личному выбору, обучаться различнымъ ремесламъ. При школѣ будутъ вестись занятія по живописи, портняжеству, сапожничеству, рѣзбѣ, слесар-

ничеству, плотничеству, колесничеству, садоводству, пчеловодству и шелководству. «Моск. Еп. Вѣд.»

— Государственный Совѣтъ утвердительно рѣшилъ вопросъ объ ассигнованіи съ 1-го января 1897 года еще полутора милліона рублей на церковныя школы Имперіи въ дополненіе къ суммамъ, прежде отпущавшимся на этотъ предметъ, что въ настоящее время составитъ въ общей сложности болѣе пяти милліоновъ рублей. „Несомнѣнно, говорятъ «Тул. Еп. Вѣд.», нѣкоторая доля новыхъ щедротъ Государевыхъ достанется и нашей епархіи. Воздадимъ же славу Всевышнему, не оскудѣвающему въ своихъ щедротахъ къ намъ, помолимся ему за милосерднаго Царя, неустающаго жаловать школы, нами насаждаемыя и блюдомыя и призирать на наши посильные труды на этомъ поприщѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усугубимъ единодушно свое пастырское тщаніе въ высокомъ и святомъ дѣлѣ образованія народнаго, не щадя силъ своихъ на его устройство, чтобы не оказаться недостойными испосланной намъ милости Божіей и Государевой“.

— При неблагопріятныхъ условіяхъ миссіонерскаго служенія, несомнѣнно довольно часто наблюдается въ религіозной жизни инородцевъ двоевѣріе. Однако и въ этомъ отношеніи чаще и чаще замѣчаются факты, свидѣтельствующіе о томъ, что прежніе двоевѣры становятся настоящими членами христіанской церкви. Весьма примѣчательный съ этой стороны фактъ недавно произошелъ въ казанской епархіи. Это—постройка церкви въ селѣ Азяль-Петьяль царевкокшайскаго уѣзда, освященной 15 прошлаго сентября. Постройка церкви въ этомъ селѣ, какъ замѣчено въ «Изв. по Каз. еп.», есть завершеніе вѣковой борьбы христіанства съ язычествомъ мѣстныхъ черемисъ. Съ незапамятныхъ временъ покрытая рощей мѣстность, среди которой поставленъ новосозданный храмъ, считалась черемисами за мѣсто жительства великаго духа „Кереметь“, которому, по ихъ представленіямъ, подчинена всякая жизнь—частная и общественная. Сюда стекались черемисы не только изъ сосѣднихъ деревень, но и изъ другихъ уѣздовъ для поклоненія, приношенія жертвъ и по разнымъ обѣтамъ. Два года тому назадъ черемисы—двоевѣры рѣшились, наконецъ, отказаться отъ языческаго почитанія рощи. Въ прошломъ году, въ іюль мѣсяцѣ, высокопреосвященный казанскій Владиміръ самъ лично посѣтилъ это языческое молибище черемисъ въ лѣсу; владыка поучалъ собравшихся около него черемисъ пѣвнамъ православной

вѣры, пѣлъ съ подростующимъ поколѣніемъ молитвы и раздавалъ крестикъ. Черемисы были такъ тронуты этой задушевною бесѣдою миссіонера-владыки, что, при готовности оставить языческія моленія въ роцѣ, самую роцу предлагали въ полное распоряженіе. Архипастырь сказалъ, что нужно устроить здѣсь—на бывшемъ языческомъ молебницѣ—храмъ Божій и роцу пожертвовать храму. Онъ же далъ и средства для постройки церкви, которая и была закончена сооруженіемъ въ началѣ сентября. Освященіе совершалъ самъ высокопреосвященный архіепископъ, съ большою торжественностью. Пѣли за всемогущимъ бдѣніемъ и за литургіею два хора—архіерійскій и хоръ черемисъ, воспитанниковъ учительской казанской семинаріи, на двухъ языкахъ—славянскомъ и черемисскомъ. На литургіи было произнесено подобающее торжеству слово на черемисскомъ языкѣ. Стеченіе народа было весьма большое. Предъ отъѣздомъ архипастырь долгое время велъ съ народомъ бесѣду, во время которой тысячи голосовъ неоднократно выражали искреннюю благодарность за построенный храмъ. Когда высокопреосвященный, съвѣвъ въ экшнажъ и благославляя народъ, сталъ удаляться, толпа, провожая его, долгое время слѣдовала за нимъ.

— Въ донской епархіи, которая, по словамъ епар. журнала, болѣе, чѣмъ другая какая-либо изъ епархій русской церкви, страдаетъ недугомъ раскола, для ослабленія этого недуга открыта, по словамъ «Цер. Вѣст.», 1 октября епарх. миссіонерская школа. Ближайшая цѣль открытія школы заключалась въ томъ, чтобы приготовить достойныхъ кандидатовъ священства къ единовѣрческимъ церквамъ, которыхъ въ донской епархіи уже есть 23 и къ которымъ скоро прибавится еще 4. Доселѣ опредѣленіе достойныхъ священниковъ къ этимъ церквамъ, которые, при знаніи единовѣрческаго обряда и при умѣньи вести миссіонерское дѣло среди раскольниковъ, могли бы постоянно умножать число своихъ пасомыхъ, представлялось для епарх. начальства дѣломъ весьма затруднительнымъ: выборъ кандидатовъ изъ мѣстныхъ начетчиковъ, обращавшихся къ пр. церкви, и иноепархіяльныхъ, за рекомендаціею которыхъ обращались иногда въ другія епархіи, не всегда оказывался удачнымъ. Дабы помочь въ этомъ отношеніи дѣлу миссіи, высокопреосвящен. Анастасій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о дозволеніи устроить въ Новочеркасскѣ миссіонерскую школу, которая подготовляла бы кандидатовъ на занятіе священническихъ мѣстъ при единовѣрческихъ церквахъ и должно-

стей миссіонеровъ и ихъ помощниковъ. Св. Синодъ благословилъ открытіе школы. При школѣ имѣется начальникъ, учитель и его помощникъ. Штатъ учениковъ опредѣленъ въ 15 человекъ; изъ нихъ десять получаютъ епархіальныя стипендіи, а пять содержатся на свои средства. Школа состоитъ изъ одного класса съ трехгодичнымъ курсомъ.

— Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, какъ видно изъ отчета объ его дѣятельности, вступило въ минувшемъ году въ 35-ю годовщину своего существованія и миссіонерской дѣятельности. Выдающимися мѣропріятіями общества, имѣвшими особое значеніе для Кавказскаго края, въ отчетномъ году явились: а) постройка новыхъ церквей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ нихъ ощущалась особая нужда, и возобновленіе ветхихъ и подвергшихся разрушенію храмовъ; б) развитіе миссіонерской дѣятельности и веденіе вѣбогослужебныхъ собесѣдованій; в) снабженіе церквей богослужебными книгами, утварью, и проч., школъ — учебниками, а церковныхъ бібліотекъ — книгами и брошюрами религіозно-нравственнаго содержанія, и г) основаніе пенсіоннаго капитала къ обезпеченію учебнаго персонала вѣдомства общества, по выслугѣ ими установленнаго срока. Трудами миссіонеровъ общества въ отчетномъ году присоединено къ Православной Церкви 379 лицъ обоего пола изъ разныхъ вѣроисповѣданій. На учрежденіе бібліотекъ при церквяхъ обществомъ отпущено до 5000 руб.; на эту сумму пріобрѣтено и разослано по церквамъ 2750 экз. книгъ различныхъ наименованій. По ходатайству совѣта общества, взяты на содержаніе казны всѣ приходы Владикавказской епархіи, а также и нѣкоторыя школы, содержавшіяся раньше на средства общества; получившеися же чрезъ это сбереженіе въ 16000 руб. имѣетъ быть обращено на улучшеніе религіозно-нравственнаго быта наиболѣе глухихъ окраинъ экзархата, какъ, напр., Абхазіи, Сванетіи, Пшаво-Хевсуретіи и другихъ. Число всѣхъ членовъ общества въ отчетномъ году простиралось до 3049 чел.; всѣхъ приходовъ въ вѣдомствѣ общества состояло 147, при нихъ священниковъ 151 и причетниковъ 141; школъ содержалось 47; стипендіатовъ и стипендіатокъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ — 82; на каждого изъ нихъ расходовалось отъ 50 до 150 руб. въ годъ. Въ отчетномъ году общество располагало капиталомъ въ 141,382 руб. 95 к., изъ нихъ 89932 руб. составляли пособіе отъ Правительства; изъ этого капитала израсходовано 117,362 руб. 99 коп.

— Недавно, по словамъ «Моск. Церк. Вѣд.», совершился рѣдкій случай крещенія буддѣйскаго жреца.—2-го сентября текущаго года преосвященнѣйшій Ставропольскій Агаѳодоръ предъ началомъ ранней литургіи во Владимірскомъ храмѣ, что при архіерейскомъ Ставропольскомъ домѣ, торжественно просвѣтилъ св. крещеніемъ гилюнга 2-го Большедербетовскаго хурула, Икичиносова рода, Топка Гильджурова, съ нареченіемъ ему имени Николай. Новопросвѣщенный Николай происходитъ изъ калмыковъ Большедербетовскаго улуса Икичиносова рода и имѣетъ отъ роду 44 года. Съ семилѣтняго возраста онъ безотлучно проживалъ при хурулѣ, готовясь къ жречеству. Онъ обученъ монголо—тибетской грамотѣ, вполне владѣетъ мѣстнымъ нарѣчіемъ калмыцкаго языка, но совершенно не знаетъ русскаго, такъ какъ безотлучная, изолированная жизнь хуварака лишала его возможности встрѣчаться съ окрестнымъ русскимъ населеніемъ. Знакомство его съ русскими и христіанствомъ началось со времени учрежденія миссіонерскаго стана и поселка крещенныхъ калмыковъ въ Большедербетовскомъ улусѣ. Близость стана и поселка къ хурулѣ (не болѣе 2-хъ верстъ), при которомъ проживалъ Николай, его родственныя связи съ однимъ изъ крещенныхъ поселенцевъ, дали ему возможность сначала изрѣдка бывать въ поселкѣ, изъ любопытства знакомиться съ бытомъ крещенныхъ сородичей и ихъ новыми христіанскими вѣрованіями; а затѣмъ онъ мало-по-малу сталъ искать случая побесѣдовать о вѣрѣ съ миссіонеромъ и переводчикомъ Шагеденовымъ. Посѣщеніе хурула въ прошломъ году преосвященнѣйшимъ Агаѳодоромъ, его обѣщаніе въ случаѣ перехода гилюнговъ въ православіе оставить ихъ въ монашескомъ званіи окончательно положили конецъ его колебаніемъ: онъ твердо рѣшилъ принять христіанство, о чемъ и заявилъ управляющему станомъ о. Андрею Старкову. Послѣдній послѣ продолжительнаго оглашенія Гильджурова чрезъ переводчика христіанскими истинами привезъ его въ городъ Ставрополь. Владыко милостиво принялъ его, одобрилъ его благое намѣреніе и изъявилъ желаніе лично совершить таинство крещенія. Оглашеніе новопросвѣщеннаго и исповѣданіе вѣры православной было совершено чрезъ переводчика на калмыцкомъ языкѣ. Непосредственно по совершеніи таинства, Архипастыръ совершилъ установленное послѣдованіе одѣянія рясы и камлавки. Тотчасъ на новопросвѣщеннаго возложенъ былъ рясофоръ, при чемъ чрезъ переводчика Владыка разъяснилъ важное значеніе

званія христіанна и монаха. Въ свое время на литургіи новопросвѣщенный сподобился причаститься Св. Тайнъ. Нынѣ Николай проживаетъ въ миссіонерскомъ станѣ въ качествѣ надзирателя за дѣтьми, живущими при миссіонерской школѣ, изучаетъ русскій языкъ и истины христіанской вѣры.

— На нашихъ раскольниковъ произвело и производитъ весьма сильное дѣйствіе совершившееся прославленіе нетлѣнныхъ мощей св. Θεодосія, архієпископа черниговскаго. Это значеніе церковныхъ торжествъ въ Черниговѣ удостовѣрили устно и письменно не только присланные въ Черниговъ на торжество открытія св. мощей депутаты отъ раскольническихъ обществъ (изъ владимірской губерніи, кубанской области и изъ земли войска донскаго), но и многіе другіе раскольники. Въ послѣднее время, корреспондентъ «Моск. Вѣд.» изъ Гуслиць сообщаетъ, что вообще въ раскольничьемъ мірѣ обнаружилось сильное движеніе, вслѣдствіе черниговскихъ торжествъ. Движеніе это особенно замѣтно тамъ, гдѣ есть благомыслящіе люди изъ среды старообрядцевъ, начитанные въ писаніяхъ отцевъ церкви. Теперь, по поводу черниговскихъ торжествъ, въ старообрядческой средѣ обнаружилась иная размышленія, заставляющія ревнителей старины подумать о несостоятельности причинъ раздѣленія съ церковію. Выдающіеся гуслицкіе начетчики ставятъ на очередь вопросъ о примиреніи раскола съ православною церковію. Нѣкоторые изъ гуслицкыхъ начетчиковъ уже обращались за разъясненіями своихъ сомнѣній и недоумѣній къ своимъ самозваннымъ пастырямъ, въ родѣ Савватія, его совѣтниковъ и ближайшихъ приспѣшниковъ, но тѣ отъ нихъ укрываются. По словамъ автора корреспонденціи, довѣріе къ австрійскимъ архіереямъ и іереямъ явно падаетъ.

— Газета «Крымъ» рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Въ воскресенье, 13-го сентября, въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома совершалось великое по событію церковное торжество. Послѣ божественной литургіи о. экономомъ іеромонахомъ Кассіаномъ съ сослужащими іеромонахами соборно былъ отслуженъ благодарственный молебенъ Господу Богу за исцѣленіе 7 лѣтней дѣвочки Валентины Носовой отъ пконы Пресвятой Богородицы, именуемой „Троеручица“, находящейся въ Крестовой церкви тамошняго архіерейскаго дома въ г. Симферополѣ. Маленькая страдалница была мучима пльскою св. Вптта болѣе 6 мѣсяцевъ, а теперь присутствовала на литургіи, исповѣдывалась и приобщалась Св. Тайнъ

и съ особымъ усердіемъ молилась во время молебна. Исцѣленіе получила отъ иконы Божіей Матери, принесенной изъ Крестовой церкви въ домъ, вскорѣ послѣ молебна Божіей Матери съ акаѳистомъ и водосвятиемъ, совершеннаго экономомъ архіерейскаго дома іеромонахомъ Кассіаномъ.

— По сообщенію газетъ Индію поразилъ голодъ. По мнѣнію «Нов. Вр.», о тяжести этого бѣдствія свидѣлствуютъ тѣ краткія, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыя извѣстія, которыя приносятъ телеграфъ о мѣрахъ, принимаемыхъ англійскимъ правительствомъ къ предупрежденію и подавленію народныхъ возмущеній въ голодающей странѣ, о разгромѣ хлѣбныхъ магазиновъ и т. п. Останемся-ли мы, говоритъ «Нов. Вр.», глухи къ этому бѣдствію, — мы, такъ недавно пережившіе у себя подобное-же бѣдствіе, такъ близко видѣвшіе картины голоднаго отчаянія, хотя быть можетъ и не въ такомъ ужасающемъ масштабѣ? Въ годину нашей невзгоды американцы прислали намъ корабля съ хлѣбомъ, и если этотъ заокеанскій хлѣбъ былъ не болѣе какъ каплей въ сравненіи съ моремъ продовольственныхъ нуждъ голодающихъ губерній, если онъ не могъ насытить милліоновъ голодающихъ людей, зато какую важную нравственную поддержку дала русскому обществу эта братская помощь въ борьбѣ съ бѣдствіемъ, какъ она оживила нашу бодрость и энергію въ трудной работѣ для пострадавшихъ отъ неурожаа! Забыть это было-бы грѣшно, а вспомнить объ этомъ въ настоящую минуту обязываетъ христіанскій долгъ состраданія къ бѣдствующимъ нашимъ сосѣдямъ и братьямъ по человѣчеству и племени. Впрочемъ въ настоящее время международная помощь вызывается не одними соображеніями высшей этики, но также и простыми матеріальными расчетами. При нынѣшнихъ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, бѣдствія одной страны легко переносятся и въ другую. Въ 1889 году небывалое наводненіе опустошило центральный Китай. Обѣ главныя рѣки Китая затопили огромныя пространства и, спустившись въ свои берега, оставили на поляхъ и въ лѣсахъ повсюду кругомъ десятки и сотни тысячъ труповъ. Трупы гнили, сохли и распадались; вѣтеръ разносилъ эту гнилую пыль и въ слѣдующемъ году черезъ Индію и Суэзскій каналъ и ближайшее по почтовымъ сообщеніямъ къ Индіи европейское государство — Англію проникла въ Европу невѣдомая до тѣхъ поръ зараза инфлуэнцы и унесла среди культурныхъ европейцевъ быть можетъ

столько-же жпзней, сколько за годъ предъ тѣмъ безпомощно погнбло людей въ равнинахъ далекаго Китая. Голодъ въ Индіи можетъ быть для Европы болѣе опасенъ, чѣмъ послѣдствія наводненій въ Китаѣ. Индія всегда была разсадникомъ всевозможныхъ болѣзней эпидемическаго характера. И въ настоящее время тамъ гнѣздится чума, которая можетъ найти удобную почву для развитія въ населеніи, истощенномъ голодомъ. Вотъ почему даже въ интересахъ охраненія отъ заразы европейскимъ государствамъ необходимо придти на помощь голодающимъ въ Индіи.— «Новости» по поводу голода въ Индіи вспоминаютъ какъ страшенъ этотъ бичъ индійскаго населенія. Всѣ европейскіе голода блѣднѣютъ передъ голодами Остѣ-Индіи. Такъ, напримѣръ, по оффпціальнымъ свѣдѣніямъ, отъ голода въ Бенгаліи и Бигарѣ въ 1770 году вымерла цѣлая треть населенія—около 18 милліоновъ человекъ. Послѣ страшнаго голода 1770 г. въ Бенгаліи и Бигарѣ голодъ повторился въ Верхней Индіи въ 1784 г. Въ 1806 и 1807 гг. голодъ охватилъ всѣ округа около Мадраса и особенно ту часть провинціи, которая носитъ названіе Казнатикки. Это первый случай, о которомъ имѣются точныя фактическія свѣдѣнія, характеризующія всѣ послѣдствія этого остѣ-индійскаго голода. Громадныя толпы изнуреннаго народа бѣжали въ городъ Мадрасъ, привлекаемыя существовавшими тамъ благотворительными обществами и надеждой получить даровую помощь. Въ 1833 г. вновь мадрасское президентство постигъ жестокій голодъ, въ особенности округъ Гантурскій, въ которомъ смертность была такъ велика, что голодъ получилъ названіе «Гантурскаго». Въ періодъ этого голода въ одномъ Гантурѣ умерло 200.000 человекъ изъ всего полумилліоннаго населенія. Въ 1837 г. былъ первый ужасный голодъ нынѣшняго вѣка въ Верхней Индіи. Онъ поразилъ всю страну между Аллигабадомъ и Делби. Пространство, объятое голодомъ, равнялось 113.000 англійск. кв. миль, изъ которыхъ 56.000 были подъ британскимъ управленіемъ, а пострадавшее населеніе составляетъ 28 милліоновъ. Послѣ этого голода наиболѣе сильный голодъ былъ въ 1873 году въ сѣверномъ Бенгалѣ. Въ 1877 и 78 гг. голодъ постигъ провинцію Мпзаръ. Общее число потерь отъ этого голода дошло до 1.125.000 человекъ умершими, до 1 милліона павшаго скота и 9¹/₄ мил. фунт. стерл. отъ погнбшаго хлѣба. Нынѣшній голодъ въ Индіи, повиднмому, угрожаетъ принять размѣры голодовъ 1837 и 1873 годовъ. Безпорядки

и разгромы хлѣбныхъ запасовъ и грузовъ начались раньше, чѣмъ ожидали подобныхъ проявленій неудовольствія доведеннаго до отчаянія населенія.

— 30 октября опубликованъ Высочайшій указъ сенату о замѣнѣ, въ виду достигнутыхъ усовершенствованій въ выдѣлкѣ цѣнныхъ бумагъ, билетовъ 5-ти рублеваго достоинства образца 1887 года билетами новаго образца. Новый билетъ отпечатанъ на бѣлой бумагѣ съ внутренними водяными знаками, представляющими прямыя ряды свѣтлыхъ арабскихъ цифръ 5 на темныхъ поляхъ, образуемыхъ косо расположенными свѣтлыми перекрещивающимися линіями. Фигура, помѣщенная въ нижней половинѣ билета, представляетъ аллегорическое изображеніе Россіи, въ видѣ сидящей въ креслѣ женщины въ платьѣ, стянутомъ поясомъ съ пряжкой; на головѣ у нея украшенная короной шапка Мономаха; изъ-подъ шапки вышущень убрूसъ; волосы, правая прядь которыхъ переложена черезъ правое плечо, перевиты и убраны жемчужными нитями, ниспадающими на плечи; на шеѣ нитка жемчуга; на плечахъ — бармы; черезъ колѣни и отчасти черезъ лѣвую ручку кресла перекинута парчевая мантия, ниспадающая на цоколь фигуры; лѣвая рука, украшенная у кисти тремя рядами жемчуга, покоится на лѣвой ручкѣ кресла и держитъ мечъ, изъ рукоятки котораго ниспадаетъ лавровая вѣтвь; мечъ обвитъ парчевой лентой; правая рука держитъ выпуклый щитъ съ изображеніемъ Государственнаго герба, опирающійся о сидѣніе кресла; правая нога, въ сандаліи, покоится на подушкѣ, отъ шитаго угла которой выдвинулась парчевая кисть; у подножія фигуры, съ правой ея стороны, помѣщена лавровая вѣтвь, а съ лѣвой — розы съ листовною вѣтвью, перекинутаю черезъ край цоколя. Нижняя половина фигуры окружена съ обѣихъ сторонъ, до цоколя, тѣнью. Передній край цоколя штрихованъ вертикальными линіями. Срокомъ начала обмѣна установлено 1-е декабря. «Пр. Вѣст.»

— Въ хозяйствѣ небезполезно знаніе простаго домашняго способа луженія, въ особенности въ какой нибудь глухой деревнѣ, гдѣ не всегда можно найти подъ руками лудильщика, а между тѣмъ можетъ явиться надобность исправить въ посудѣ полуду или обновить ее. Въ подобныхъ случаяхъ съ успѣхомъ можно пользоваться слѣдующимъ несложнымъ способомъ: 10 вѣсовыхъ частей поваренной соли распускаютъ въ 20 частяхъ азотной кислоты, послѣ чего къ этому раствору прибавляютъ 10 частей хлористаго

олова (такъ называемой оловянной соли) и $2\frac{1}{2}$ части хлористаго аммонія (нашатыря). Къ полученной смѣси прибавляютъ еще 40 вѣсовыхъ частей соляной кислоты и затѣмъ разбавляютъ ее небольшимъ количествомъ воды. Приготовленная такимъ образомъ смѣсь вполне уже годна къ употребленію. Подлежащій луженію предметъ долженъ быть предвѣрительно вычищенъ самымъ тщательнымъ образомъ. Затѣмъ всѣ части его, которыя не должны быть покрыты полудой, старательно натираются саломъ, послѣ чего предметъ погружаютъ въ приготовленную вышеуказаннымъ способомъ жидкую смѣсь, въ которой и оставляютъ, пока слой полуды не достигнетъ надлежащей толщины. Тогда, вынувъ предметъ, остается только тщательно обмыть его, чтобы онъ былъ вполне годенъ къ употребленію. Помимо исправленія или обновленія полуды на посудѣ, указаннымъ способомъ можно быстро покрывать словомъ для предохраненія отъ ржавчины разнаго рода мелкіе металлическіе предметы; рыболовные крючки, канканы, проволоки и проч.

«Нов. Вр.».

— Какъ бы бархатъ или плюшъ ни были тщательно вычищены, но свалывшіяся, примокшія, вообще прямтыя мѣста будутъ постоянно невыгодно выдѣляться отъ остальныхъ частей. Въ этомъ случаѣ, чтобы обновить бархатъ или плюшъ, необходимо поднять прилегшій ворсъ. Для этого поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Берутъ чистый, велинчючій чулочный лоскутокъ, намачиваютъ его безводнымъ спиртомъ и вытираютъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ прямтыя мѣста. Послѣ такой общей чистки, приступаютъ уже къ поднятію ворса. Для этого каждая часть матеріи, подлежащая обработкѣ, вновь хорошенько смачивается спиртомъ съ лицевой стороны, растирается частой, жесткой щеткой и держится нѣсколько минутъ надъ парами кипящей воды. Матерію слѣдуетъ держать лицевой стороною возможно ближе надъ поверхностью кипящей воды, чтобы паръ проникалъ въ ворсъ достаточно горячимъ; при чемъ однако необходимо позаботиться, чтобы водяныя брызги не попадали на матерію. Затѣмъ, нагрѣтыя паромъ мѣста, тотчасъ же, не давая имъ остыть, трутъ тою же жесткой щеткой, по направленію, противоположному слегшагося ворса. Если, не смотря на такую обработку, ворсъ окажется не вполне выравнившимся, манипуляцію повторяютъ. При этомъ особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на то, чтобы выравляемые мѣста, передъ помѣщеніемъ ихъ надъ парами, обильно были смочены спиртомъ. Когда, нако-

пецъ, прилегшій ворсъ будетъ поднять, матерію просушиваютъ и если это бархатъ, то потускнѣвшіе отъ обработки мѣстамъ стараются вернуть ихъ первоначальный блескъ. Для этого на толстую масляную бумагу опускаютъ нѣсколько капель миндальнаго масла, тщательно растираютъ его чистой щеткою и затѣмъ, возможно равномернѣе вытираютъ ею бархатъ снизу вверхъ. Когда отъ такого намасливанія, которымъ не слѣдуетъ, однако, злоупотреблять, потускнѣвшія мѣста приобрѣтутъ свой утерянный блескъ, матерію вывѣшиваютъ въ теплое мѣстѣ для просушки. Плюшь, по окончаніи выправки ворса, прямо высушивается; его не натираютъ масломъ. «Нов. Вр.»

— Для чистки мрамора, помимо раствора хлористой извести, употребляются и другіе растворы. Темный мраморъ особенно хорошо чистится растворомъ азотной кислоты въ водѣ: на пятьдесятъ частей воды берутъ не болѣе одной части азотной кислоты, смачиваютъ этимъ растворомъ губку и проводятъ ею по мрамору; мраморъ быстро очищается отъ грязи, жировыхъ пятенъ и т. п., затѣмъ остается пройти второй разъ губкой, смоченной, чистою водою, и дать мрамору высохнуть. Бѣлый мраморъ хорошо чистится мыломъ съ водою, послѣ чего тщательно вымывается, помощью губки, водою, слегка подкисленной кремортарторомъ (виннымъ камнемъ). Употребляется также и порошокъ изъ одной части мѣла, одной части пемзы и двухъ частей соды; смѣсь эту просѣиваютъ сквозь самое густое сито, распускаютъ въ водѣ до полученія жидкой кашицы и вытираютъ ею мраморъ посредствомъ тампона изъ мягкой ветоши; затѣмъ вымываютъ мыломъ. Для бѣлаго очень цѣннаго мрамора мыло не годится, достаточно чистой воды. Для чистки бѣлаго мрамора особенно хорошимъ средствомъ оказывается слабый растворъ ѣдкаго натра, которымъ помощью губки, вытираютъ мраморъ послѣдовательно нѣсколько разъ, затѣмъ смываютъ чистой водою и даютъ высохнуть. Жирныя пятна на мраморѣ выводятся бензиномъ, къ которому примѣшиваются висмутовые бѣлила. известныя также подъ именемъ туалетныхъ или испанскихъ бѣлилъ; бѣлила примѣшиваются въ такомъ количествѣ, чтобы получилась полужидкая мазь, которой покрываютъ жирныя пятна и оставляютъ на нѣкоторое время, затѣмъ тщательно вытираютъ; чѣмъ значительнѣе и старѣе пятно, тѣмъ дольше держать мазь на мраморѣ. Для той же цѣли можно употреблять и мазь изъ названныхъ бѣлилъ и бѣлильной хлорноватисто-натрі-

евой соли, известной подъ именемъ лабаракской воды. Мазь должна оставаться на нѣсколько часовъ на жирномъ пятнѣ, а затѣмъ смывается водою. При всѣхъ указанныхъ случаяхъ чистки мрамора, послѣдній болѣе или менѣе теряетъ свой глянецъ, для возобновленія котораго мраморъ, когда онъ вычищенъ и совершенно уже сухой, покрываютъ растворомъ воска въ скипидарѣ. Для приготовления послѣдняго 15 золотниковъ хорошаго желтаго воска распускаютъ на легкомъ огнѣ, процѣживаютъ черезъ грубое, рѣдкое полотно и прибавляютъ столько же скипидара, постоянно помѣшивая, пока смѣсь совсѣмъ не остынетъ. Шерстяную ветошь смачиваютъ небольшимъ количествомъ указаннаго раствора, покрываютъ имъ мраморъ и затѣмъ чистой шерстяной ветошкой тщательно вытираютъ до тѣхъ поръ, пока поверхность мрамора не станетъ блестящей и воскъ перестанетъ приставать къ пальцамъ.

«Нов. Вр.»

— Для лакировки школьныхъ досокъ практикуется нѣсколько способовъ. Одинъ изъ привилегированныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: смѣшиваютъ полфунта боналоваго лака съ однимъ фунтомъ, обыкновеннаго эфира, затѣмъ растворяютъ 2¹/₂ фунта шелака и 1¹/₄ фун. сандарака въ 4 кружкахъ 90 град. спирта. Сливъ вмѣстѣ оба раствора, прибавляютъ къ нимъ 35 золотниковъ сажи, 11 золотниковъ ультрамарина и 2¹/₂ фунта мелкаго наждака. Приготовленную такимъ образомъ смѣсь насыть кистью на доску и зажигаютъ влажный слой краски. Когда пламя потухнетъ, покрываютъ смѣсью еще разъ, но на этотъ разъ уже не зажигаютъ ее, а даютъ высохнуть, послѣ чего доску шлифуютъ тонкой песочной бумагой и обмываютъ холодной водою. На такой доскѣ можно писать, какъ на грифельной. Другой способъ болѣе сложный, но и дающій наилучшіе результаты, слѣдующій. Растворяютъ около 60 золотниковъ шелака и 15 золотниковъ сандарака въ двухъ кружкахъ виннаго спирта, при слабомъ нагрѣваніи; затѣмъ, распустивъ въ 32 зол. терпентиннаго масла 7 зол. гуттаперчи, смѣшиваютъ оба раствора вмѣстѣ и прибавляютъ 1 фун. 20 зол. тонко растертаго наждака и 11 зол. сажи. Приготовленную этимъ способомъ краску густо накладываютъ на доску и, поставивъ послѣднюю вертикально, поджигаютъ окраску съ нижняго конца. Когда спиртъ выгоритъ, вторично наводятъ краску. На такой доскѣ можно одинаково хорошо писать какъ мѣломъ, такъ и грифелемъ. «Нов. Вр.»

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и виѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстные извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Повости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Виѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ, 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15. Библиографическія замѣтки. 16. Слѣсъ. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Хар. въ конторѣ „Харьк. Вѣд.“.

Условія подписки:

	12 м.		11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.		6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Съ пересылкою по почтѣ . . .	10	—	9	50	9	—	8	—	7	—	6	20	5	75	5	—	4	—	3	—	2	10	1	20
Съ доставкою въ Харьковъ . . .	9	25	8	50	8	—	7	—	6	50	5	50	5	—	4	—	3	50	2	50	2	—	1	—
Безъ доставки	8	25	8	—	7	50	6	50	6	—	5	25	4	50	3	75	3	—	2	25	1	50	—	80

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики библиографія: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ и на студентскія работы представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнне преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные. Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.
Редакторъ *Ө. Миценно.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

УЧИЛИЩНЫМЪ СОВѢТОМЪ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

По слѣдующей программѣ: I. Отдѣлъ официальный. Правительственные распоряженія. II. Статьи общаго характера по вопросамъ воспитанія, обученія и устройству школъ. III. Исторія школъ. Замѣчательные дѣятели по народному образованію въ Россіи и за границей. IV. Современное положеніе начальныхъ школъ въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. V. Очерки и рассказы изъ школьной жизни. VI. Критика и библиографія. VII. Хроника приходской жизни. VIII. Замѣтки. Извѣстія. Полезныя свѣдѣнія для сельской жизни. Отвѣты редакціи на запросы. IX. Приложенія: книги, рисунки и музыкальныя изданія. Объявленія.

Журналъ „Народное Образование“ выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на журналъ за годъ полагается 5 р.; но для законоучителей и учителей начальныхъ школъ она понижена до 3 р. въ годъ.

Журналъ „Народное Образование“ имѣетъ цѣлю выясненіе исторически сложившихся основъ, на которыхъ должно утверждаться наше народное образованіе и создаваться наша начальная школа. Желательнымъ образцомъ ея служить школа приходская, находящаяся подъ непосредственнымъ руководствомъ церкви православною и потому называемая церковно-приходскою. Школа эта, воспитывая подрастающія поколѣнія въ духѣ вѣры и православной церковности, является живою хранительницею всѣхъ историческихъ зачатковъ Русскаго народа. Отвѣчая духовнымъ потребностямъ народа, школа церковно-приходская воспитываетъ подрастающія поколѣнія, сообщаетъ ему грамотность, въ широкомъ значеніи этого слова, и распространяетъ въ то же время полезныя знанія по сельскому хозяйству, ремесламъ, рукодѣлію, живописи и иконописанію. Удовлетворяя задушевной потребности народа въ церковномъ пѣніи, она обращаетъ особенное вниманіе на участіе дѣтей въ богослуженіи. Церковные хоры изъ учащихъ должны составлять повсемѣстную принадлежность церковно-приходской школы. Въ цѣляхъ обезпеченія правильнаго самообразованія народа и удовлетворенія его любознательности православное духовенство прилагаетъ заботы объ устройствѣ приходскихъ и школьныхъ библіотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній и вообще способствуетъ путемъ церковной школы и связанныхъ съ нею учреждений подъему духовной и матеріальной жизни народа. Настоящее положеніе церковной школы и способы дальнѣйшаго ея развитія будутъ выясняться путемъ сравненія съ существующими начальными школами иныхъ вѣдомствъ, а также со школами заграничными. Возможно полное выясненіе типа этой школы, ея задачъ, воспитательныхъ и учебныхъ средствъ и ея вліянія на релігіозно-нравственный и экономическій строй народной жизни—составляетъ главную задачу журнала „Народное Образование“.

Подписка адресуется: въ С.-Петербургъ, въ Издательскую Комиссію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Статьи и поэма по дѣламъ журнала адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Народное Образование“, зданіе Святѣйшаго Синода.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“.

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстнал хроника VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный в общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебнал хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кроме того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичеки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ. Съ конца текущаго 1896 года „Южный Край“ будетъ печататься новымъ, болѣе удобнѣмъ, шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харьковъ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
------	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ, первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата съ ежедневными иллюстрированными приложеніями. Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества“ въ первомъ (большомъ) изданіи вполнѣ замѣняетъ дорогомъ ежедневное изданіе. Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ: 1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на велевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ. 2) 12 номеровъ „моды и рукодѣлія“, замѣняющіе „Модный журналъ“. 3) Отъѣзной Календарь рассылается, какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты. Новое бесплатное приложеніе. Въ числѣ 52 бесплатныхъ приложений всѣ годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ (первое изданіе), въ 1897 г., получаютъ: Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго А. Михайлова — „Грѣхи прошлаго“. Большой романъ, не вошедшій въ „Полное собраніе сочиненій“.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою): на годъ 8 р.—на полгода 4 р.—на три мѣсяца 2 р.—на одинъ мѣсяць 1 р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества“ второе изданіе газеты „Сынъ Отечества“ выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—одновременно со всѣми другими дорогими изданіями. Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): на годъ 4 руб., на полгода 2 руб., на три мѣсяца 1 рубль. Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно: Новый большой художественный альбомъ—„Библия въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре“ (200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изысканной оберткѣ). Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) одинъ руб. 50 коп. Желающіе приобрести, вѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, „Авонъ“, „Бурлаки на Волгѣ“, „Жертва Волги“ и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп. Главная контора: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40. Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

Годъ изд. 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897.

ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

выходитъ въ форматъ и объемъ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемъсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

въ составъ книжекъ входятъ: новыя романы, повѣсти и рассказы (историческіе и современные) русскихъ и иностранныхъ писателей книги Домашней библиотекы выходятъ ежемъсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ форматъ большихъ журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ отъ 320—400 страницъ убористой печати, что составить въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи. Домашняя библиотекка даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы. Въ книгахъ Домашней библиотекы помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныя романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не оставимся въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участию въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала. Для книгъ ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ пріобрѣтены новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Подписная цѣна на ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ съ доставкою по Имперіи.

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ руб. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к. За границу (на годъ) — ВОСЕМЬ руб. Съ подпиской просятъ обращаться въ главную контору: С-Петербургъ, Невскій прос., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора: *А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)*.

Издатель *С. Добродѣевъ*.

годъ XXXIX. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ** годъ XXXIX.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

политическій, литературно-художественный и сатирический
съ карикатурами

Р А З В Л Е Ч Е Н І Е

Рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго, доступенъ всякому возрасту, полу, званію и состоянію. Журналъ существуетъ давно, извѣстенъ всякому а потому распространяться о немъ нечего. Въ 1897 году каждый подписчикъ РАЗВЛЕЧЕНІЯ непременно получитъ 200,000 рублей (если, разумѣется, онъ имѣетъ билетъ какого-либо внутренняго съ выигрышами займа и на него въ тиражъ падеть этотъ выигрышъ). Годовая цѣна журнала безъ всякихъ премій и приложений, но зато съ оберткой, упаковкой, перепоской, перевозкой и пересылкой всего только 6 рублей, за полгода 3 рубля. (Пробный № высылается за три семикопеечныя марки).

АДРЕСЪ: Москва, журналу „Развлеченіе“.

Открыта подписка на 1897 годъ.

НА НОВУЮ, БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ ГАЗЕТУ

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую, безъ предварительной цензуры. (Всѣхъ номеровъ выйдетъ 360 въ годъ).

Россія вступаетъ въ новый фазисъ своего историческаго существованія. Обезпечивъ свою самобытность и неприкосновенность, она приобрѣла могущественное вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ. Въстѣ съ тѣмъ пробудившаяся у насъ общественность вызываетъ къ тѣсному сближенію Россіи съ политическою и культурною жизнью другихъ государствъ. Средствомъ къ расширенію общественнаго кругозора и послужить «Міровые Отголоски», которые, выясняя всестороннія пользы и пужды родной земли, будутъ стремиться также дать вѣрную картину жизни и дѣятельности народовъ другихъ странъ на поприщѣ политики, хозяйства, науки и литературы, въ связи съ стремленіями къ достиженію высшихъ культурныхъ идеаловъ. Какъ ни многообразны, какъ ни сложны памѣчелныя здѣсь задачи, онѣ вполнѣ согласны съ положеніемъ великой державы, преслѣдующей великія цѣли, и разрѣшеніе ихъ въ положительномъ смыслѣ возможно. Господство косности, апатіи и реакціи не заставитъ сомнѣваться и отрицать тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Такова руководящая идея новаго, истинно-русскаго органа, соответствующая серьезности переживаемаго нами времени, и редакция приложитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать газету цѣльной, живой и отзывчивой, не забывая завѣта: духа не угашать, духомъ пламенѣть.

Условія подписки на „Міровые Отголоски“.

«Міровые Отголоски» съ 1 января 1897 г. будутъ выходить ежедневно въ двухъ издачіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими Петербургскими газетами въ 6 ч. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго, — въ 10 ч. ут. того-же дня. Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія доставленныя въ редак. ночью и утромъ, которыя должны были-бы войти въ слѣдующій номеръ. Благодаря этому иногородные подписчики, живущіе по Никол. ж. дор., въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и др., будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше. Важныя правительственныя сообщенія и новости, опубликованныя въ «Пр. Вѣст.», «Рус. Инв.» и въ издаваемыхъ Мппст. Финансовъ: «Вѣст. Фип.» и «Торг.-промыш. газетѣ», будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія. Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не желаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Никол. жел. дор. и за нею, съ поч. поѣздомъ въ 3 ч. дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляться по городской почтѣ послѣ 1 часа дня. Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ «Міровые отголоски» будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты «Голось» и будутъ печататься подобнымъ-же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ. Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и на особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно по воскресеніямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ: На годъ безъ доставки **14 р.**, съ достав. по город. почтѣ **16 р.**, съ перес. иногород. **17 р.** За границу: На годъ **26 р.**

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по соглашенію съ конторою чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногороднихъ подписчиковъ. Гг. иногородные, желающіе подписаться на условія разсрочки платежа подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указать это при подпискѣ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ глав. конт. ред. «Міровыхъ Отголосковъ», Фонтанка (уг. Лештукова пр.), д. № 80, а также въ книж. магаз.: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42 и Н. П. Карбасникова, Литейная у., 46; въ Москвѣ въ книж. магаз. Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха; и въ Варшавѣ, въ книж. магаз. Н. П. Карбасникова, Нов. Свѣтъ, 69. Ред.-изд. К. В. Трубниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1897 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христианское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются: 1) Передовыя статьи, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени; 2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редація даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ жизни; 3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическому замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати; 4) „Въ области церковно-приходской практики“—отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недомѣльныхъ вопросовъ изъ пастырской практики; 5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 6) Обзорѣніе книгъ и духовныхъ, а равно и свѣтскихъ журналовъ 7) Постановленія и распоряженія правительства; 8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земнаго шара. 9) Разныя извѣстія и замѣтки. Кроме того съ 1895 г., редація приступила къ изданію Полнаго Собранія Твореній Св. Іоанна Златоуста въ рус. перев. на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, по четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 руб. 50 коп., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсти полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви, собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка. Въ 1897 году будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ толкованія на различные мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и другимъ лицамъ и др. статьи. Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ.

Условія подписки.—Головая цѣна въ Россіи: а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) р., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; въ изящномъ переплетѣ 7 р.; за „Христианское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста 6 р. 50 коп.,—въ изящномъ переплетѣ 7 руб. б) За оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста 9 (девять) руб., въ изящномъ переплетѣ 9 руб. 50 коп. Заграницей для всѣхъ мѣстъ: За оба журнала 10 (десять) р.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—11 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ „Твореній св. Іоанна Златоуста“—9 р. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7 ул. и Дегтярной, дѣль № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала „Живописное Обозрѣніе“, даетъ возможность, въ 1897 году, слѣловать важныя и существенныя улучшения въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышалъ прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—два самостоятельныхъ литературныхъ изданія. 1) Еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ—52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. При номерахъ журнала; между прочимъ, въ теченіе года выдается: I. 52 Нумера „Хроника событій за недѣлю“.—II. 12 Нумеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ“ съ рисунками.—III. 12 Раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 Выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ. Художественная новость при журналѣ ежемѣсячно будетъ выданъ одинъ номеръ журнала съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками (по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) Ежемѣсячное литературное приложеніе двѣнадцать большихъ томовъ. Въ составъ которыхъ входятъ: новыя историческія, этнографическія и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч. Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ „Вѣстника Европы“ и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами. Для 52 номеровъ журнала „Живописное Обозрѣніе“ и книгъ, приобрѣтены новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Подписная годовая цѣна прежняя. На годъ съ доставкой по имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкой по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроды допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою. Годовые подписчики журнала „Живописное Обозрѣніе“, желающіе приобрѣсти новое художественное изданіе—„Библия въ картинкахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“ (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкой, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, „Бурлаки на Волгѣ“, „Аѳопъ“ и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой) одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп. Главная контора журнала: Спб. Невскій просп., д. 68—40. Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются бесплатно.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Геге въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и пселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Изычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о шундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомпа.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественскаго.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“ Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Сависвича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“ П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православленъ-ли intercom-munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.